АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1976

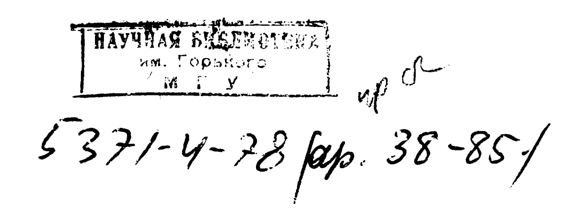
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1978

Очередной том ежегодника включает новые исследования в области этимологии, посвященные конкретному анализу лексики индоевропейских, преимущественно славянских, и неиндоевропейских языков. В ряде статей рассматриваются теоретические вопросы славянской этимологии и реконструкции праславянского лексического фонда. В критико-библиографическом отделе напечатаны рецензии на этимологические словари и исследования, вышедшие за последнее время.

18

Редакционная коллегия:

Ж. Ж. Варбот (отв. секретарь), *Л. А. Гиндин*, *Г. А. Климов*, *В. А. Меркулова*, *В. Н. Топоров*, *О. Н. Трубачев* (отв. редактор).

Этимология. 1976.

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*. Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *О. Г. Ульянова*. Корректор Р. С. Алимова

ИБ № 5121

Сдано в набор 25.07.77. Подписано к печати 3.04.78. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 2950 экз. Тип. зак. 590. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 94а

1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Э $\frac{70101\text{-}106}{042\,(02)\text{-}78}$ 475-78

© Издательство «Наука», 1978 г.

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ПРАСЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ

(опыт параллельного чтения)

В декабре 1974 г. почти одновременно вышли впервые в своих странах два словаря — «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», вып. 1 (*A* — **besědьlivъ*) в Москве и «Słownik prasłowiański», tom I (*A*—*B*) в Кракове (точнее — в издательстве «Ossolineum» Польской Академии наук). К настоящему времени (октябрь 1977 г.) опубликованы четыре выпуска Этимологического словаря (буквы *B*, *C*, *Č* и начало *D*) и II том Праславянского словаря (буквы *C*, *Č* и начало *D*). Сдан в набор вып. 5-й Этимологического словаря (буква *D* до конца) и подготовлен вып. 6-й (буквы *E*, *Ě*, *Ę* и начало *G*). Работа польских коллег также продвигается вперед. Началу публикации обоих словарей предшествовала подготовка, занявшая немало времени. Вот уже шестнадцать лет работает коллектив Этимологического словаря в Москве, и более двадцати лет тому назад была начата подготовка Праславянского словаря в Кракове. Даже при самых благоприятных обстоятельствах публикация обоих словарей продлится еще ряд лет. Составители обоих словарей начали эту работу в относительно молодом возрасте. Можно сказать, что опыт, зрелость, тяготы и утехи лексикографа-этимолога они познали в процессе собирания материалов для словаря, а затем создания самого словаря. Обе группы ученых могут поэтому с полным правом назвать эту работу делом своей жизни. Идея параллельной работы двух научных коллективов, как по методу, так и по результатам небезынтересной для более широкой научной и читательской аудитории, побудила меня предпринять этот небольшой опыт параллельного чтения, несмотря на все колебания и сомнения в своевременности «Βίοι παράλληλοι» в данном случае. Правда, в роли объективного Плутарха недавно выступил проф. Ф. Копечный, подвергнув сравнительному анализу первые части обоих словарей [1], и его пример действует до некоторой степени ободряюще.

[1] Фр. Копечный. О новых этимологических словарях славянских языков. — ВЯ 1976, № 1, стр. 3 и сл.

Современная наука не проходит мимо таких вопросов, как условия работы лексикографа и личность лексикографа, поэтому необходимо сказать в двух словах о группах составителей обоих словарей. В науке, как в спорте, не последнюю роль играет сплоченность и стабильность состава команд [2]. Так, что касается «московской команды», то основной состав сотрудников неизменен: О. Н. Трубачев, В. А. Меркулова, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина, И. П. Петлева, Т. В. Горячева (с 1971 г. — Г. Ф. Одинцов вместо Л. А. Гиндина, перешедшего на другую работу). «Краковская команда» в гораздо большей степени отличается тем, что у нас называется «текучесть кадров». Вот что об этом пишет проф. Ф. Славский: «W ciągu lat zespół ulegał poważnym zmianom» [3]. Умер Т. Лер-Сплавинский, по инициативе которого была начата работа над Праславянским словарем, отошли от работы над этим словарем З. Голомб, К. Полянский и Р. Лясковский; Л. Беднарчук, Ю. Речек, Е. Русек, С. Стаховский и некоторые другие, как говорит Славский, принимали участие «dorywczo» (спорадически). Из старых составителей словаря, оставшихся в коллективе, надлежит выделить самого Ф. Славского и Т. Шиманского, из тех, кто пришел позже, — В. Борыся. Отсюда следует, что над Праславянским словарем (сравнительно с Этимологическим словарем славянских языков) работало в течение более продолжительного времени почти вдвое большее количество людей, состав которых при этом часто менялся. В настоящее время в коллективе каждого из двух сравниваемых словарей насчитывается примерно поровну реальных сотрудников-составителей (7—8 человек). Два слова о самих сотрудниках. В польской группе ученых наиболее активную и давнюю исследовательскую работу по славянской этимологии в течение последних тридцати лет ведет проф. Ф. Славский. Такие специалисты по сравнительной грамматике и этимологии, как З. Голомб и К. Полянский, отошли от Праславянского словаря уже достаточно давно. В нынешнем составе краковского коллектива работает ряд хороших специалистов по славянскому историческому словообразованию: например, В. Борысь и Т. Шиманский, но их этимологические исследования возникли на базе первоначальных историко-словообразовательных. Мне кажется существенным отметить, что московская группа ученых, работающих над подготовкой Этимологического словаря славянских языков, с самого начала посвятила себя этимологии. При этом, правда, не обошлось без индивидуальных особенностей и направлений исследования, что в таких случаях естественно и — в зависимости от уровня разработки — даже полезно для общего дела. Так, В. А. Меркулова имеет

[2] Спортивными моментами в оценке нашей деятельности я также обязан уважаемому проф. Ф. Копечному, который пишет в чешском варианте статьи о «краковской команде» и «московской команде» («moskevský team»).

[3] Słownik prasłowiański I, стр. 11 (Wstęp).

склонность к исследованиям по чисто лексической этимологии (слова, их значения, подчеркнутый интерес к миру реалий), тогда как Ж. Ж. Варбот преимущественно работает в морфонологически и словообразовательно ориентированной реконструкции и этимологии. Обе исследовательницы добились определенных успехов, и это находит отражение в Этимологическом словаре. Нужно упомянуть работы по выявлению древних лексических ареалов и критериев их распознавания (Л. В. Куркина), по этимологии с учетом семантической типологии (И. П. Петлева), продолжение работ по тематическим группам лексики (Г. Ф. Одинцов, Т. В. Горячева).

Зачем делается Этимологический словарь славянских языков? Его цель — реконструкция древнего словарного состава языка славян приблизительно конца так называемой праславянской эпохи, т. е. незадолго до появления письменности у славян. Та же в общем цель стоит и перед Праславянским словарем, издаваемым в Кракове, с той разницей, что в нем этимологии отведена более скромная роль критерия отбора и реконструкции праславянской лексики, а в Этимологическом словаре славянских языков этимология или этимологизация — одна из двух важных задач всего труда, что выразилось и в различной трактовке этимологической проблематики в обоих словарях, и это было замечено критикой. До сих пор еще высказывается мнение, что этимологический словарь славянских языков должен толковать происхождение всех слов подряд, включая поздние местные заимствования в отдельных современных славянских языках. Так еще недавно думал наш уважаемый коллега проф. Ф. Копечный, считавший, что такой словарь (вроде Славянского этимологического словаря Э. Бернекера или нового «Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen» Л. Садник и Р. Айцетмюллера) лучше, потому что «больше дает» (nabízí víc). В последние годы, кажется, Ф. Копечный стал благосклоннее судить о смысле ограничительного отбора лексики праславянского периода, сближающего московский и краковский словари (в отличие от максимального охвата, провозглашаемого Копечным и его коллегами в работе над их этимологическим словарем, который продолжает упомянутые принципы Бернекера и неосуществленные замыслы его чехословацкого продолжателя Й. М. Коржинека, почему и предприятие чехословацких коллег, также начавшее выходить в свет[4], мы здесь намеренно оставляем в стороне). Я имею в виду сочувственные слова из доклада Ф. Копечного на симпозиуме по славянской этимологии 1972 г. в Лейпциге, сказанные именно по поводу московской и краковской работ: «Es ist eine beschränktere, trotzdem sehr nützliche Arbeit — und in der Beschränkung zeigt sich

[4] Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Předložky. Koncové partikule. Tento svazek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973. — См. мою рецензию. — «Этимология. 1974». М. 1976, стр. 175—177.

der Meister»[5]. Да и что значит характеристика «больше дает» (nabízí víc) применительно, скажем, к словарю Бернекера, если приглядеться к ней пристальнее. Возьмем наугад раскрытые страницы 52—53 I тома этого словаря начала нашего века: **berstъ*, *berza*, *besěda* (бесспорно праславянские слова), сразу за ними идут *bȅstija* (с.-хорв. из итал.), *bešík* (болг. из тур. 'колыбель'), *bȅšika* (с.-хорв. из рум. *beşică* 'пузырь'), *bêšter* (словен. 'бодрый' из итал. *destro* 'прямой; проворный'), *bȅteg* (с.-хорв. 'болезнь, недуг' из венг.). Соседство этих последних заимствований и вышеупомянутых праславянских исконных слов — иллюзия, поскольку этой поздней лексики не было в древнем языке славян, на который в общем был ориентирован и словарь Бернекера. У поздних заимствований своя сложная проблематика и ей место в этимологическом словаре отдельного славянского языка. От археолога, копающего курганы скифского времени, никто ведь не требует описания стреляных гильз, оставшихся на поверхности земли от войн нового времени.

Более подробная характеристика принципов московского Этимологического словаря славянских языков уже давно опубликована мной, см. «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи», вышедший в 1963 г. и получивший отклики в печати разных стран. Позднее была опубликована статья «Работа над Этимологическим словарем славянских языков» («Вопросы языкознания» 1967, № 4) — текст моего доклада на I Международном симпозиуме по славянской этимологии в январе 1967 г. в Москве. В последнее время принципам нашего Словаря или, вернее, подтверждению принципов, выдвинутых ранее, было посвящено предисловие «От редактора» к 1-у выпуску Этимологического словаря. Теоретическими работами в том же направлении являются мои доклады о составе праславянского словаря, т. е. лексики, для V (Софийского) и VI (Пражского) международных съездов славистов. О подготовке и проблематике Праславянского словаря в Кракове также накопилась специальная литература: Zeszyt próbny 1961 г. и ряд статей покойного Т. Лер-Сплавинского, нынешнего руководителя Ф. Славского, а также К. Полянского и З. Голомба, см. сведения в томе I «Słownika prasłowiańskiego» (стр. 11).

Параллельное чтение, или контрастивная характеристика двух наших словарей кажется нам полезным (полезной) не только для лучшего понимания особенностей самих словарей, но и для того, чтобы составить представление о самом предмете — лексике праславянского языка и его диалектов. При этом некоторой гарантией объективности результатов (особенно результатов совпадающих) служит то обстоятельство, что оба словарных коллектива в Москве и Кракове работают совершенно самостоятельно.

[5] «Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig 11—13. 10. 1972». Bautzen, 1975, стр. 143.

Как составлялись эти словари?

Методические приемы работы сильно отличались у советских и польских лексикографов, хотя есть вероятие, что в ходе дальнейшей работы, а также изучения взаимного опыта по опубликованным частям обоих словарей различия сгладятся. Первоначально весьма отличались даже самые принципы эксцерпции словарного материала, поскольку краковские слависты, например, регулярно расписывали как источники этимологические словари, что в принципе исключалось при работе московского коллектива, перед которым с самого начала была поставлена задача брать материал по возможности из первоисточников [6]. Напомню, что теоретическая концепция московского Словаря основана на новом в славистической науке положении об автономности праславянских состояний лексики славянских диалектов; важнейшим оперативным понятием признается праславянский лексический диалектизм. Праславянский словник (индекс) Этимологического словаря не является для нас заданной величиной. Иными словами, нам всегда была чужда практика, при которой бы сначала задумывалась или выводилась праславянская форма, к которой мы потом подбирали бы подтверждающие свидетельства из словарей языков и диалектов. Казалось бы, это тоже неплохой путь — взять какой-то обобщенный словник (по извлечениям из Миклошича, Бернекера, Траутмана) за основу, а затем хорошо проверить его по большому числу словарей обычного типа. Однако речь идет о вопросе принципиальном, потому что даже самая хорошая последующая проверка и доборка не освободит до конца такой праславянский индекс от априорности и заданности. И наоборот, — элемент открытия, объективизации показаний лексики, мне кажется, в большей степени обеспечивает следующая в общем очень простая и тем не менее новая методика, которая у нас соблюдалась с первых дней совершенно неукоснительно: для каждого славянского языка (живой славянский язык — величина, с точки зрения праславянского, конечно, далеко не абсолютная, но все же опора на живой славянский язык, «опрокидывание» нынешних диалектных данных на праславянский, или, как сейчас сказали бы, моделирование праславянской лексики по лексике живых языков и диалектов — это был шаг вперед на пути преодоления устоявшейся в славянском языкознании концепции праславянского монолита) — для каждого отдельного славянского языка делался «свой» праславянский индекс, для чего на карточку выписывалось слово, его значение и вся документация, а в левом верхнем углу карточки наносилась контрастно (т. е. попросту карандашом) праславянская реконструкция данного

[6] Из всех остальных сравнительно-этимологических словарей славянских языков, которые подготавливаются сейчас в Польше, Чехословакии и ФРГ (см. выше), наш Словарь — пожалуй, единственный, который систематически использует также данные неопубликованных архивов и рукописных картотек.

слова с возможным учетом всех его индивидуальных словообразовательных и формальных черт (именно эта практика, если, конечно, проверка потом не перечеркивала «сепаратность» такой реконструкции, подарила нам немало новых, свежих праславянских словарных позиций). Это еще не было словником всего Словаря; последний надлежало получить путем сведе́ния праславянских словников для белорусского, польского, старославянского и т. д. На этом этапе наша картотека как бы «заговорила» сама, и это было самое интересное. Напрашивается шутливая аналогия с машиной, «черным ящиком», в который закладывается обрабатываемый материал (input) и затем получается ответ. В нашем случае output (ответ, решение, данные «на выходе») был как раз праславянский словник (индекс) в масштабе всего славянского. Конечно, на практике все было не так-то просто, мы могли неточно оценить «праславянскость» того или иного реального слова (а часто так оно и случалось) и лишь потом обнаруживали лакуну на стадии «выхода» (output), возвращались к исходным данным, добирали недостающее. По-прежнему много решала компетенция, интуиция и другие, часто личные качества человека, который выполнял ту или иную задачу более удачно или менее удачно. И все-таки главное оставалось: праславянский словник как реконструкция во второй степени, непредвзятая итоговая картина, объективизация показаний Словаря.

Хотелось бы подчеркнуть единство этой концепции, от которой мы не отступили ни на иоту. Вышедшие I и II тома Праславянского словаря польских коллег позволяют сделать наблюдение, что они много поработали со времени выхода своего скромного «Zeszyta próbnego», весьма расширили материал и базу источников, все новинки славянской диалектной лексикографии привлекаются ими оперативно. Однако я бы затруднился определить их четкую теоретическую концепцию и соответственную ей практическую методику. Я бы сказал, что у краковских составителей Праславянского словаря есть тенденция к нарастающей агломерации материала (читатели «Этимологического словаря польского языка» Ф. Славского, наверное, уже заметили там эту тенденцию в последних томах). Включаются в праславянскую лексику многочисленные междометия и звукоподражания [7], чтобы убедиться в этом теперь, достаточно заглянуть в том II на букву *C*; избыточно даются деминутивы, праславянскому лексическому диалектизму в краковском труде теперь отводится видное место, что едва ли мо́жно было сказать о первоначальной концепции Лер-Сплавинского. В свое время я высказал предположение, что около четверти праславянского лексикона могли составлять старые лексические диалектизмы ограниченного распростране-

[7] Ср. то, что пишет Ф. Копечный (ВЯ 1976, № 1, стр. 11) о реконструкциях *achъ, achati, achъkati* в «Праславянском словаре»: «Разумеется, праславяне, как и большинство других людей, каким-то образом *ахали* и *ахкали*, но вопрос в том, произносилось ли это *ах* с редуцированным».

ния. Из «Вступления» к I тому краковского Праславянского словаря мы узнаем, что примерно на 900 словарных статей на *A* и *B* около 400 (почти половина!) признается несомненными диалектизмами. Никогда еще оценка праславянских лексических диалектизмов не достигала такой критической величины.

Праславянский словарь, согласно данным Ф. Славского, имеет в своем томе I около 900 словарных статей на *A* и *B*, Этимологический ловарь славянских языков на те же буквы дает в трех своих выпусках 1592 праславянских словарных позиции (при полном отсутствии ссылочных статей, которых, как известно, в Праславянском словаре немало). Ф. Копечный в упоминавшемся сравнительном анализе первых частей наших словарей дотошно подсчитывает в страницах и даже в количестве строк, насколько московский словарь подробнее и обстоятельнее краковского. Это действительно так. Во 2-м выпуске Этимологического словаря, еще не известном Копечному в момент написания им статьи, например, материал предлога-приставки *bez* занимает около 48 страниц текста, в том числе 164 словарных статьи (отсылочных нет), а Праславянский словарь отводит для *bez* и сложений с ним всего около двух страничек, иначе говоря — 9 статей вместе с отсылочными. Любопытно провести сравнение трактовки такой небольшой и удобообозримой буквы, как *C* (выпуск 3-й Этимологического словаря, стр. 171—199, и том II Праславянского словаря, стр. 63—101). Первый результат сравнения озадачивает: в противоположность сказанному выше, у поляков насчитывается 127 статей на *C*, у нас — 81, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что из 127 словарных статей на *C* Праславянского словаря 48 — отсылочные! Поскольку в нашем Словаре отсылочных статей нет и на этот раз, остаток — 79 основных статей на *C* в краковском словаре приближается к нашему количеству (81 статья). Поучительно и дальнейшее сопоставление трактовки слов на *C* в нашем и краковском словарях. Отрадно, что значительная часть старого словника при этом у них и у нас совпадает, но одновременно выступают и серьезные различия (в польском словаре затушеваны отглагольные имена на *-dlo*, некоторые слова отсутствуют, сомнения вызывает правильность отдельных праславянских реконструкций, например *civkati*, но ср. *cirъkati*, странное впечатление производит целая колонка отсылок *cvěliti* zob. *kvěliti*, *cvětiti* zob. *květiti*, *cvětъ* zob. *květъ* и т. д., но ведь сочетание *cvě-* вообще не должно было попасть в праславянскую реконструкцию). Много и здесь у них дано междометной лексики, причем ряд примеров с последовательностью звуков *cu-*. Но праславянское *c* — звук строго позиционный, и для этой эпохи его нельзя без оговорок абстрагировать от условий его возникновения — вторая палатализация *k* перед *ě* из дифтонга. Это делает сомнительными и непраславянскими в наших глазах все эти *cu*!, *cucati*, *cucьkъ*, *cukati*, *cupati*, *cupъ*!, *cupъkati* («Słownik prasłowiański», t. II, стр. 95—98). Специально об историко-фонетических проблемах

реконструкции праславянской лексики на *С* начальное я говорил в своем докладе на VII (Варшавском) Международном съезде славистов.

И все же несмотря на объективные подсчеты Копечного и мои собственные наблюдения, говорящие как будто о том, что в нашем словаре статьи в среднем обширнее и насыщеннее материалом, чем в краковском словаре, я хочу вернуться к высказанному вскользь выше своему впечатлению о тяге к излишней агломерации материала, против которой хотелось бы предостеречь польских коллег. Во всяком случае в другом труде Славского — его польском этимологическом словаре — она уже начинает ощущаться как определенный недостаток и перерастание словарных лимитов. Буква *Č* в Праславянском словаре уже превзошла по объему соответствующий раздел в нашем 4-м выпуске. Лексикографический труд под названием «Праславянский словарь» — это не тезаурус (греч. *ϑησαυρός* 'сокровище', 'сокровищница'), где «всего много», его составители должны, как мне кажется, стремиться достичь в нем адекватного соответствия довольно строгому лексикографическому понятию словаря-реконструкции, а не словаря-коллекции. Очень большая избыточность так же исказит первичную картину, как и неполнота.

Я говорил уже о целях Этимологического словаря славянских языков и Праславянского словаря. А теперь необходимо сказать о научной пользе обоих этих словарей. Учение о праславянском словарном составе — часть науки о праславянском языке, которая в современном славяноведении окружена атмосферой острого интереса (достаточно вспомнить программу последнего международного съезда славистов в Варшаве). До недавнего времени сравнительное славянское языкознание, во-первых, исходило из постулата изначального единства праславянского языка на всех уровнях, а во-вторых, проповедовало вторичность диалектной дифференциации праславянского, причем изучались фонетические, отчасти — морфологические различия, а о древних лексических различиях не говорил никто. Работы по подготовке Этимологического словаря славянских языков и Праславянского словаря, а также некоторые другие современные исследования показывают сложность праславянского языка именно на лексическом уровне, изначальный характер многих различий и локальных изоглосс лексики праславянских диалектов. Праславянский лексический диалектизм в принципе может быть старше самого праславянского языка. Короче говоря, с выходом обоих наших словарей концепция древнейшей славянской лексики неизбежно подвергнется пересмотру.

Вместе с тем праславянский словарный состав остается вещью искомой. В двух сравниваемых нами словарях мы получим лишь наиболее достижимую модель праславянской лексики или, точнее, две модели, потому что словники обоих словарей совпадают далеко не во всех случаях. Совпадение было бы бо́льшим, если бы

праславянский словник (индекс) комплектовался из одних непроизводных слов, но такой словник был бы далек от реального лексикона живого праславянского языка, который не мог функционировать без значительного числа производных и сложений. Современная наука, изучающая язык, историю культуры и этногенез славян, заинтересована в воссоздании реалистической модели праславянского словаря. Мне кажется, что эту задачу мы и польские коллеги одинаково правильно понимаем, но невольно расходимся в деталях трактовки и подачи производных форм, потому что это трудный путь. И у них, и у нас здесь возможны пропуски. Ф. Копечный насчитал в I томе краковского словаря около десяти пропущенных старых непроизводных и этимологически самостоятельных слов. В свою очередь, я должен признать, что обнаружил в нашем Словаре пропуск, например, производных *besědьnikъ* и *besědьnъ*, фиксируемых Праславянским словарем.

Некоторая априорность в подходе польских коллег к материалу выразилась, например, в том, что словарю у них предпослан очерк праславянского словообразования. Но для того чтобы создать качественно новый очерк праславянского словообразования, надо сначала сделать полный праславянский словарь, а затем на его базе — обратный словарь праславянского языка, который покажет состав всех словообразовательных моделей [8]. Содержащийся в I томе Праславянского словаря и продолжающийся во II томе «Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego» принадлежит перу Ф. Славского. Этот очерк содержателен и полезен, но он не дает новых материалов и обобщений по описанным выше причинам. Отдельные новые авторские оценки и интерпретации нуждаются в проверке, как и категорические утверждения, например о том, что в праславянском было только одно слово с суффиксом *-oja*: *děvoja* (т. I, стр. 88). Их было по крайней мере несколько, а некоторая продуктивность сохранялась даже в послепраславянское время, ср. *Утрóя*, название реки бассейна Псковского озера, которая в верхнем течении, на территории латышского языка, называется *Rīt-upe* 'утренняя река', что позволяет членить русское название как *Утр-оя* [9]. Нельзя также не видеть эластичной связи с производными на *-aja* местоименноадъективной природы и прежде всего — со ст.-слав. дѣваꙗ (Клоц., Супр.), вместе с которым **děvoja* противопоставлено субстантивному производному **děvica* (при первоначально адъективном праслав. **děva*). Если мы не учтем этих показаний, мы останемся в своем понимании словообразования формы **děvoja* там, где остановился Вондрак.

Решение задач славянской сравнительно-исторической лексикологии и лексикографии заставляет нас, таким образом, подни-

[8] См. «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд.) Проспект. Пробные статьи», стр. 36.

[9] О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 115.

мать отнюдь не одни только этимологические вопросы, но и проблемы словообразования в широком, функциональном смысле, а равно и проблемы морфологической функции.

Не выходя за рамки корневой группы _*děva_, позволим себе высказать еще одно замечание — о праслав. _*děvica_, в толковании которого Славский (стр. 99 «Очерка») также предпочел остаться традиционным. В соответствии с трактовкой древнейших образований на _-ica_ как расширений на _-ka_ первоначальных индоевропейских основ ж. р. на _-ī_, восходящей к Розвадовскому (ср. действительно эффектный и, возможно, единственный удачный пример последнего: и.-е. _*u̯l̥k$^{u̯}$ī_, др.-инд. _vr̥kī́_ 'волчица' — слав. _*vьlčica_), Славский рассматривает всю словообразовательную категорию с суффиксом _-ica_ в праславянском. Обобщение рискованное и едва ли оправданное! Ведь для большинства производных это уже вполне сложившийся и продуктивный формант. Ф. Славский толкует слово _*děvica_ из первоначального _*děvi_, отождествляемого с др.-инд. _devī́_ 'богиня'. Получается этимология, очень приятная для девушек, но при этом сомнительная и семантически, и формально. Семантически мы должны больше считаться с типологией значений: как, например, формируется значение 'девушка' в разных языках? Справки в словаре К. Д. Бака (A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages[3]. Chicago, 1971, стр. 90) достаточно, чтобы убедиться, что ни один из собранных там синонимов для обозначения девушки не этимологизируется из первоначального обозначения богини. Зато там дается ряд названий, о которых лучше всего можно сказать словами самого автора: «applied to the young woman as of exuberant physique». При этом есть примеры более проблематичные (греч. παρθένος 'дева': εὐ-θενής 'сильный, крепкий'), есть и вполне убедительные (кимр. _hogen_ 'девушка' < _*suk-_ 'кормить грудью', ст.-слав. дѣва: доити, др.-инд. _dhayati_). Число именно этих параллелей может быть умножено, ср. др.-англ. _fǣmne_ 'дева', афган. _pēγla_ 'дева' (< _*payō-gatā_), сближаемые с названием материнского молока[10]. Такие этимологии не порочат честь девушки, а главное — они показывают, какой великолепный материал по истории идей («a contribution to the history of ideas») дает этимологическая наука, но об этом подробнее — в другом месте. Усомнившись в семантической стороне этимологии _*děvica_ : _devī́_ 'богиня', мы не можем не видеть и ее формального несоответствия, так как др.-инд. _devī́_ 'богиня', _deva-_ 'бог', лат. _deus_ и т. д. продолжают корень с непридыхательным зубным и.-е. _*dei̯-u̯-_ 'дневной, небесный свет', а праслав. _*děva_, _*děvica_ восходит к корню с зубным придыхательным и.-е. _*dhē(i̯)-_ 'кормить грудью'. Не менее важно то, что в праслав. _*děvica_ суффикс _-ica_ уже фигурирует в своей типично славянской функции субстантивирующего форманта первоначального прилагательного, ср. отношения _*děva_ —

---

[10] Mayrhofer II, стр. 212.

**děvica*, **stara* — **starica*, **vьdova* — **vьdovica*. Ничего подобного мы не находим в др.-инд. *devī́*, где *-ī* — показатель формы ж. р. от существительного м. р. Эти аспекты нельзя игнорировать в очерке праславянского словообразования и в праславянском словаре. Я не говорю уже о том, что праславянский суффикс *-ica* связан разнообразными отношениями прежде всего с праславянскими суффиксами *-icь*, *-ikъ*, *-ьcь* и лишь через их посредство — с и.-е. *ī̆* суффиксальным, иначе мы не сможем понять специфики внутреннего славянского развития.

От современного очерка праславянского словообразования мы вправе требовать большей четкости фонетической реконструкции, чем у Миклошича, который сто лет тому назад еще не мог разграничить образования на суффикс *-l-* и на суффикс *-dl-*. Так, сейчас при поддержке кашубскословинских (т. е. западнославянских!) данных надо реконструировать праслав. **načędlo*, а не *načęlo* («Zarys», стр. 104), точно так же — **rydlь*, а не *ryľь* (стр. 105).

Этимологические частности я здесь опускаю, выделяя лишь то, что затрагивает целые категории лексики и словообразования и потому существенно для реконструкции праславянского лексического состава.

На типе словаря сказывается личность автора и, наверное, не может не сказаться его языковая принадлежность. Понятно, что краковский Праславянский словарь написан по-польски и адресован польскому читателю. Менее оправдано, с научнославистической точки зрения, то, что в этом словаре обзоры соответствий всегда начинаются с польской формы. Это отнюдь не формальность, а нарушение традиции: обзоры родственных форм славянских языков принято начинать со старославянского (древнеболгарского и т. д.), потому что он ближе всего по древности своей письменной фиксации подходит к искомому праславянскому времени. Наш Этимологический словарь неуклонно следует этой традиции, рассматривая сначала старославянский и прочие южнославянские языки, затем — западнославянские и восточнославянские. Если иным критикам может броситься в глаза сравнительное обилие русского диалектного словарного материала в нашем Этимологическом словаре славянских языков, то надо иметь в виду огромность русской территории, русской народной лексики и литературы о ней, ср. хотя бы обширный «Словарь русских народных говоров».

Реконструкция, при помощи которой достигается восстановление праславянского лексического состава, может быть многообразной. Во-первых, это реконструкция фонетической формы праславянского слова, сфера применения наиболее точных достижений сравнительно-исторического языкознания. Можно сказать, что фонетическая реконструкция праславянского вполне сложилась уже лет 70 назад, она вполне удовлетворительно представлена уже в славянском этимологическом словаре Бернекера. Здесь

расхождения между нашим Этимологическим словарем и краковским Праславянским словарем сводятся к частностям (отдельные реконструкции в последнем элементарно несовместимы с обликом праславянского языка исследуемого времени, напр. *beskedъ* (т. I, стр. 217), где сохраняется непалатализованный задненебный перед передним гласным). Во-вторых, реконструкция словника (индекса). В-третьих, реконструкция древней акцентуации и, в-четвертых, реконструкция значения праславянского слова. В двух последних пунктах сравниваемые словари расходятся друг с другом. Праславянский словарь в принципе дает при заглавной праславянской форме также акцентуационную и семантическую реконструкцию, но первую из них — нерегулярно (из слов на *A* — только *asȉka*, *ȁstrębъ*), вторую, семантическую, он дает регулярно, но, строго говоря, ее нельзя назвать в полном смысле реконструкцией ввиду ее тавтологичности, так как реконструкция сводится к повторению значений засвидетельствованных слов или элементов этих значений. Если прибавить, что, кроме польского толкования значения праславянского слова, это толкование повторяется также по-латински, то это приводит в результате к неэкономному использованию места в словаре. Принципиальная сторона вопроса заключается в несравненно меньшей изученности семантической эволюции и неприменимости к ней мерок фонетической закономерности. Поэтому наш Этимологический словарь разграничивает а к т фонетической реконструкции и п р о б л е м у реконструкции значения слова, трактуя последнюю по необходимости как часть этимологического анализа или довольствуясь обзором значений слов.

Если фонетическая, акцентологическая и семантическая реконструкции принадлежат методике сравнительного языкознания, то лексическая реконструкция наиболее лексикографична, если можно так выразиться. Прогресс работ над праславянским словарем (лексикой) определяется именно уровнем лексической реконструкции. Во времена Бернекера (не говоря о Миклошиче) вопрос о лексической реконструкции в сущности еще не ставился: правда, восстанавливались целые праславянские слова, но методика их словарной подачи и анализа оставалась корневой, еще не чувствовалось специального лексикографического интереса к слову праславянского языка как потенциально живому слову, методика расчлененной подачи словника и особенно его производных слов была исключением, доминировал гнездовой, этимологический принцип. Теперь, когда мы довольно твердо знаем, что производное и производящее слова — равноправные единицы речи, что их разумнее трактовать как соотносительные и что отношения этих форм в славянском часто оказываются скорее воспроизводством словообразовательной модели, чем чистым актом словообразования, мы отдаем решительное предпочтение расчлененной, а не гнездовой подаче слов в нашем Этимологическом словаре славянских языков. Собственно, только сейчас можно говорить

о возникновении праславянской лексикографии как разновидности праязыковой лексикографии, ведь то, что мы до сих пор знали и употребляли, например, как индоевропейский этимологический словарь, на самом деле представляет собой инвентарь корней и основ, а не слов.

Поэтому наше внимание привлекает в Праславянском словаре в первую очередь его словник, тем более, что для польских коллег, как и для нас, он является целью и главным результатом всего труда. Из одного лишь факта пропуска в Праславянском словаре слов **bezbordъ*, **bezčędьnъ* 'бездетный' (правда, там есть слово *bezdědъ* 'не имеющий деда'), далее — **bezgolvъ*, **beznogъ*, **bezrogъ*, **bezrękъ*, **bezstudjь* 'бесстыжий', **bezumъ* и т. д. мы не хотим сделать вывод, что авторы Праславянского словаря не допускали их наличия в праславянской лексике. Просто обманчивая регулярность модели, вызывающая и у нас в некоторых подобных случаях мысль о параллелизме, т. е. о чем-то возможно позднем и независимом (послепраславянском), подсказывала им менее рискованный способ, когда отдельно указываются на своих алфавитных местах все участвующие компоненты: **bez**, *borda*, **čędo*, **golva*, **rogъ*, **studъ*. Но в том-то и состоит разница между грамматикой и словообразованием, с одной стороны, и словарем — с другой стороны, что даже самые богатые и капитальные грамматические описания и очерки словообразования имеют принципиальное право оставаться сводом моделей словоизменения и словообразования, приводя в лучшем случае много примеров, но никогда не приводя всех, тогда как словарь — не индекс моделей, словарь кодифицирует все слова. Теоретическая возможность слова **bezrěkъ(jь)* 'не имеющий реки' в праславянском еще не означает его реального существования, одного лишь наличия известной модели и необходимых компонентов **bez* и **rěka*, а также вероятных речевых контекстов вроде **bez rěky* недостаточно, поэтому мы в своем Этимологическом словаре, как правило, менее подробны лишь тогда, когда сомневаемся в реальном наличии или не видим достаточного материала свидетельств.

Это подводит нас к проблеме сочетания импликативного и экспликативного подходов в словаре такого типа. Естественно, что словарь содержит в свернутом виде очень многие регулярные и не лексические особенности языка. Например, основная словарная форма глагола **biti* имплицирует (т. е. как бы заключает в себе без упоминания) личные формы **bijǫ*, **biješi*, **bijetъ*, **bijemъ*. . ., формы разных времен, залогов, причастия **bijǫtjь*, **bitъ*. Морфологическая заданность и регулярность позволяет трактовать эти формы в словаре имплицитно, т. е. не выделять их в особые словарные статьи. Эксплицитно трактовать, т. е. излагать словарь должен только то, что фактически лексикализовано. Праславянский словарь и Этимологический словарь славянских языков под внешне одинаковым заглавным словом *bitъ* приводят различный материал: первый дает страдательное при-

частие прошедшего времени *bitъ*, а второй — субстантивное **bitъ* 'палка, жердь', 'удар'. Добавим, что Праславянский словарь не дает этих субстантивных значений, а наш Этимологический словарь, в свою очередь, обходится без упомянутых морфологических, т. е. нелексических случаев. Из внутрипарадигматических грамматических форм в Этимологическом словаре трактуются как равноправные заглавные слова словарных статей всяческие случаи супплетивизма вроде **azъ* — **mene*, **esmь* — **byti*, где налицо примат лексического над грамматическим.

Композиция материала в словаре и вообще формальные приемы лексикографического дела небезразличны для проблем лексикологии. Через эти лексикографические акценты (распределение слов по важности места в словаре, соотношение отсылочных и основных вариантов) получает выражение наша лексикологическая концепция. Кстати, об отсылочных словах, практика которых весьма укоренилась. Отсылочное слово — чисто вспомогательная лексикографическая категория. Имея свое алфавитное место, оно во всем остальном трактуется как форма второстепенная. Лексикограф решает в конечном счете сам, какое слово основное, а какое — отсылочное. Праславянский словарь регулярно прибегает к отсылкам. Вот одно место I тома, где их особенно много (полстраницы): *bratrana* см. *bratana*; *bratrěnъ* см. *bratěnъ*; *bratrikъ* см. *bratikъ*; *bratrina* см. *bratina*; *bratriti* см. *bratiti*; *bratrъ* см. *bratъ*; *bratrъja* см. *bratъja*; *bratrъn'ь* см. *bratъn'ь* и т. д. (стр. 360). Именно обширность этого пассажа порождает у нас некоторые сомнения в правильности такой практики. Из удобного приема отсылка грозит перерасти в категорию оценки, так как она не просто «отсылает», но и квалифицирует, решает, какое слово основное, а какое — «отсылочное». Здесь наличествует момент составительского произвола. Заметим, что у бегло упомянутых *bratrъ*, *bratrъсь*, *bratrъja*, *bratrъn'ь* есть свои соответствия в других и.-е. языках, сигнализирующие возможную древность формы и не распространяющиеся на варианты *bratъ*, *bratъсь*, *bratъja*, также имеющие собственные и.-е. параллели, но уже меньше. По-видимому, это более молодые образования. Избрав последние в качестве основных, Праславянский словарь не всегда полно освещает оригинальность образований *bratrъ* и производных, напр., упущено соответствие слав. *bratrъсь* — умбр. *fratreks* и слав. *bratrъn'ь* — лат. *fraternus*. Может быть, тут дело в неудачном распределении лексикографических акцентов и надо только поменять местами отсылочное и основное? Но едва ли все станет лучше, если мы напишем наоборот: *bratъ* см. *bratrъ*; *bratъсь* см. *bratrъсь* и дадим всю информацию на эти вторые формы. Освещение останется однобоким. В языковой действительности — наблюдаемой или реконструируемой — нет деления на второстепенные и основные слова, поэтому невольно начинаешь задумываться над полезностью этого деления в лексикографии, особенно если учесть реальную возможность обратного негативного

наложения лексикографической практики на лексикологическую теорию. В Этимологическом словаре славянских языков нет отсылочных статей, что было уже отмечено критикой. Можно думать, что практика отсылочных словарных статей — это остаток гнездового принципа, от которого лексикографы в основном уже отказались в пользу адекватной трактовки 'словарная статья'='отдельное слово'.

Мой опыт сравнения заведомо неполон и содержит изложение некоторых наиболее важных, как мне казалось, вопросов, которые могут представить общий интерес. Мы присутствуем при начале многотомных продолжающихся изданий. Можно продолжить и параллельное чтение. Это сопоставление не преследовало цели обязательно выяснить, что один словарь «лучше», а другой «хуже», хотя различия в их подходах к одному предмету всегда привлекали наше внимание. Главное внимание необходимо обратить на самый предмет исследования — древнюю лексику всех славянских языков, изучение которой в обоих словарях разными путями продвигается вперед.

Л. В. Куркина

ИЗОГЛОССНЫЕ СВЯЗИ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ. II[1]

Инвентаризация лексических изоглосс ю.-слав. языков является одним из тех путей, которые ведут к пониманию процесса становления и развития языков в условиях Балканского языкового союза. Последовательное рассмотрение изолекс одного из ю.-слав. языков — словенского — чрезвычайно важно для определения особенностей языковой ситуации на крайнем западе славянского мира. Словенский язык — это и унаследованная система, и субстратные отложения, и различные инновации, сложившиеся в условиях симбиоза языков западного ареала. Представление словенского языка как совокупности многообразных линий частичных схождений и расхождений со славянскими языками существенно для выводов о первоначальном членении праславянского по данным лексики.

Проблема диалектной дифференциации ю.-слав. языков на материале лексики получила освещение в фундаментальном

[1] См. Л. В. Куркина. Изоглоссные связи южнославянской лексики (Материалы к проблемам славянского этногенеза). «Этногенез славян». М., 1977.

исследовании И. Поповича «История сербохорватского языка»[2]. Здесь в исторической перспективе намечены основные направления поисков ю.-слав. изолекс. Большой раздел работы посвящен лексическим изоглоссам, связывающим словенский с сербохорватским, а точнее с чакавским и кайкавским диалектами. В последние десятилетия в связи с решением этимологических задач были продолжены поиски лексических связей словенского языка. Известный исследователь словенского языка Ф. Безлай выделил группы слов, объединяющие словенский с разными языками западной и восточной групп, при этом его внимание сосредоточено преимущественно на установлении сепаратных словенско-чешских, словенско-восточнославянских изоглосс[3]. В работах некоторых польских лингвистов разрабатывается проблема взаимоотношения словенского и западнославянских языков[4]. Обращение к словенскому материалу характеризует новейшие исследования, посвященные вопросу об отношении карпатоукраинской и южнославянской лексики[5].

В настоящей работе мы рассматриваем словенский внутри ю.-слав. языков. Предметом изучения избираются не лексические связи словенского с ю.-слав. языками, а о т с у т с т в и е этих связей, т. е. нас интересует, для какой части словенской лексики отсутствуют ю.-слав. соответствия, какие ю.-слав. основы не имеют продолжений на территории словенского языка. Существуют специфически словенские лексемы без ю.-слав. соответствий (ср. словен. *tavati* 'тяжело ступать', *sôt* 'горная тропа', *víba* 'спираль', *kŕgati* 'капать, стекать' и т. д.). Оставляя пока в стороне этот аспект исследования, мы обратимся к изучению той части ю.-слав. лексики, которая не обнаруживает словенских соответствий.

Сам факт отсутствия лексического тождества, т. е. своеобразная отрицательная характеристика языка, помогает уяснить взаимоотношения ю.-слав. языков, определить степень удаленности словенского от остальных ю.-слав. языков. Лексические изоглоссы, не только связывающие, но и разъединяющие языки, являются показателями определенных этнолингвистических процессов, в скрытом виде отражают сложную картину славянских миграций, ареальных контактов в разные периоды жизни славян[6]. По тому, в каких изоглоссах не участвует словенский язык,

---

[2] I. P o p o v i ć. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, особенно гл. VI и VII.

[3] F. B e z l a j. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

[4] W. S m o c z y ń s k i. Paralele leksykalne słowieńsko-zachodniosłowiańskie. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» XI. Warszawa, 1972, стр. 293—312; З. Ш т и б е р. О древних словенско-западнославянских языковых связях. «Русское и славянское языкознание». М., 1972, стр. 309—310.

[5] К. Г у т ш м и д т. К карпатскоукраинско-южнославянским лексическим параллелям. Сб. «Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов». М., 1975, стр. 202—210.

[6] О. Н. Т р у б а ч е в. Ранние славянские этнонимы — свидетели мигра-

можно делать выводы самого общего характера об изначальной стратификации племен в праславянскую эпоху, о сближении отдельных славянских племен в историческое время. При ретроспективном расслоении лексические различия проецируются в разные временные плоскости, и задача состоит в том, чтобы разграничить унаследованные отношения и следствия конкретно-исторических контактов славянских диалектов в определенное время и на определенной территории. Предварительные наблюдения показывают, что большая часть ю.-слав. изолекс, выделенная по признаку отсутствия в словенском, восходит к праславянской эпохе и является свидетельством диалектной дробности праславянского. Появлению славян на Балканах и далее в Альпах предшествовали длительные и сложные процессы диалектной дифференциации праславянского языка на территории первоначального расселения славян, перераспределение и образование новых племенных союзов в условиях передвижения и освоения новых земель [7]. Лексические различия между изучаемыми ареалами ю.-слав. языков в какой-то своей части сложились и углубились на новой родине, чему способствовала и территориальная удаленность, и те культурно-исторические процессы, которые привели к обособлению так называемых альпийских славян от славян, втянутых ходом исторического развития в Балканский языковой союз.

В ходе становления и развития словенского языка отчетливо проявилась тенденция к интеграции и образованию языковых симбиозов с территориально близкими западно- и южнославянскими языками [8]. Нами уже была предпринята попытка установить состав исключительно словенско-сербохорватских изолекс и определить их место в плане относительной хронологии. В данной работе ставится задача иного порядка: показать, для каких ю.-слав. лексем отсутствуют соответствия в словенском, определить, как и в каком объеме проявляются расхождения в лексике между словенским и остальными ю.-слав. языками — сербохорватским, болгарским, македонским. Возникающая в связи с этим проблема лексической синонимии в ю.-слав. языках нами специально не рассматривается. За пределами работы остается и характеристика слова со стороны его географического распространения, хотя данные лингвистической географии и важны для выводов о генетических связях языков и диалектов. Наше исследование носит предварительный характер, при дальнейшем изучении интересующей нас проблемы необходимо привлекать новые материалы о географическом распространении как лексем, так и значений.

ции славян. I. Славяне и Карпаты. II. Тип славянского этнонима. III. Этнонимы и расселение славян. — ВЯ, 1974, № 6.

[7] Там же.

[8] I. Popović. Указ. соч., гл. I и IV.

Сравнительно-сопоставительное изучение ю.-слав. лексики показывает, что верхний слой лексических расхождений относится к новой эпохе. Типичным проявлением разобщенности в историческое время являются балканские инновации, охватывающие по преимуществу восточную часть ю.-слав. территории. В сфере текстильной терминологии к балканизмам ю.-слав. происхождения относят болг. *разбой* и с.-хорв. *разбој* в значении 'ткацкий станок' при словен. *razbȍj* 'разбой, грабеж'. Как балканизмы определяются болг. *нáтра* 'нитки от одного кросна до другого' и с.-хорв. *нȁтра* 'ткацкий станок; намотанная пряжа; один оборот ткани в станке (как ткацкая мера)' (< **na-tьra*) [9]. Узко локальными образованиями позднего времени являются, видимо, болг. диал. *нàткъ* 'искусственная коса' [10] и с.-хор. *natka* 'бумага, хлопок', 'уток' (< **na-tъka*) [11]. К поздним балканизмам принадлежат и различные в ю.-слав. языках обозначения весны. В словенском это — *pomlad*, *spomlad*, *vilaz*, *vigred*. В сербохорватском и болгарском названия весны образованы по типу роман. *primavera* [12]: ср. с.-хорв. шток. *proleće* (< **pro-lět-ьje*), чак. *primaleće* (< **prěma-lět-ьje*), болг. *пролет*. Но среди поздних балканославянских инноваций встречаются образования, общие для всех ю.-слав. языков. Примером такого образования может служить название пиона **božurъ* [13].

Существенным моментом в характеристике словенского языка является отсутствие в нем специфических ю.-слав. регионализмов. К числу таких регионализмов, лишенных севернославянских соответствий, принадлежит обозначение двугодовалой овцы **dъviz-*: ср. болг. *двизка* и с.-хорв. *двӣзак*, *двӣска* с литовской параллелью *dveigỹs* 'двугодовалый' [14]. Балтийские соответствия устанавливаются и для двух других ю.-слав. локальных образований: **bru(k)tъ* (болг. диал. *брут* 'гвоздь', макед. *брут* то же, с.-хорв. *brȕt* 'часть узды') ~ лит. *braũktas* 'задвижка, засов', лтш. *braukts* 'деревянный нож для очистки льна' [15]; **guja* (болг. *гуя* 'змея', с.-хорв. *гȕја* то же при словен. *kača*) ~ лит. топ. *Gauja* [16]. В словенском

---

[9] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 128.
[10] Н. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 32.
[11] RJA VII, 4, стр. 690; Т. Ђорђевић. Живот и обичаји у Лесковачкој Морави. — СЕЗб LXX. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 31. Београд, 1958, стр. 68; Skok III, стр. 477.
[12] I. Popović. Указ. соч.
[13] ЭССЯ, вып. 2, стр. 228; Здесь и далее при ссылках на ЭССЯ лексический материал приводится кратко, без перечисления источников и этимологической литературы
[14] ЭССЯ, вып. 5.
[15] ЭССЯ, вып. 3, стр. 53; Słownik prasłowiański I, стр. 396.
[16] I. Popović. Указ. соч., стр. 25.

не представлена ю.-слав. основа **trapъ*: ср. ст.-слав. трапъ 'яма', болг. *трап* 'яма, ров', с.-хорв. *трап* 'яма для хранения овощей', ср. греч. τράφος 'ров, канава, ограда', но лит. *tar̃pas* 'отверстие, расселина', греч. τορ-μος 'яма' как будто бы указывают на метатезу плавных[17]. Не вполне ясны структура и образование ю.-слав. **boraviti*: ср. болг. *бора́вя* 'заниматься ч.-л.', макед. *боравии* 'мешать, размешивать', с.-хорв. *бо̏равити* 'жить'[18]. Не прослеживаются на словенской территории продолжения для слав. **glȅt-* (ср. болг. *гле́тав* 'клеклый, плохо пропеченный (о хлебе)', макед. *глетењак*, с.-хорв. *глѐтав* то же)[19], **glomotъ* (ср. болг. диал. *гломот* 'шум', с.-хорв. *гло̏мот* то же)[20]. Во всех ю.-слав. языках, кроме словенского, представлена основа экспрессивного происхождения **drusati*: ср. болг. *дру́сам* 'трясти', 'падать с размаху', 'бить, ударять', макед. *друса* 'трясти, качать', с.-хорв. *drusati* 'бежать рысью'[21]. Словами детского языка являются болг. *момчѐ* 'мальчик, парень', с.-хорв. *момак* 'парень'[22]. Только на территории болгарского и сербохорватского языков представлен неясный по своему происхождению гл. **patiti*: ср. болг. *па́тя* 'терпеть, страдать' (БТР), с.-хорв. *pȁtiti, pȁtīm* то же (RJA IX, 41, стр. 701)[23]. К сеператным ю.-слав. изолексам принадлежат болг. *тром* 'медлительный, неповоротливый, неуклюжий', с.-хорв. *trȍm, trȍma* то же (RJA XVIII, 78, стр. 738). Отмеченное в Белой Краине, области, пограничной с Хорватией, прил. *trom* (Šašelj I, стр. 312) является в словенском заимствованием. Исходная основа для этого прилагательного реконструируется по-разному в зависимости от этимологического истолкования. Штрекель, а за ним Бернар объясняют это слово как страдательное причастие наст. времени *търомъ* от гл. *трѣти, тѣрѫ*[24]. Если же исходить из предлагаемых Младеновым кельтских соответствий (ср. др.-исл. *tromm*, кимр. *trwm* 'тяжелый, гнетущий')[25], то исходная основа должна иметь вид **tromъ*.

Словенский не участвует во многих изоглоссах, объединяющих языки южных и северных славян. Для этих изолекс в словенском отсутствуют даже близко родственные образования. О диалектной дробности ю.-слав. племен еще в праславянскую эпоху свидетель-

---

[17] Младенов, стр. 637; S. Mladenov. Die labiale Tenuis als wortbildendes Element im Slavischen. — AfslPh XXXVI, 1916, стр. 131; Skok III, стр. 491.
[18] ЭССЯ, вып. 2, стр. 195—197.
[19] Картотека ЭССЯ.
[20] Там же.
[21] ЭССЯ, вып. 5.
[22] I. Popović. Указ. соч., стр. 25.
[23] Skok II, стр. 621: заимствование из балканских языков, ср. вульг. лат. *patīre*, или родственно лат. *pati* < и.-е. **pē-*: **po-* 'повреждать'.
[24] K. Štrekelj. Slavische Wortdeutungen. — AfslPh XXVII, 1905, стр. 69; R. Bernard. Etymologies bulgares. «Изв. на етнографския институт и музей» VI. София, 1963, стр. 291—292.
[25] Младенов, стр. 639; обзор этимологий см. Skok III, стр. 505—506.

ствуют некоторые термины ткачества и в первую очередь такие, как **blizna*/**blizno*, имеющие продолжения во всех трех группах славянских языков: ср. болг. *близна́* 'место в ткани, где пропущена или оборвана нить основы', макед. *близна* 'закал в хлебе', с.-хорв. *бли̏зна*, *бли̏знӣ* 'две нити, введенные в бердо вместо одной', чеш. *blizna* 'синяк', др.-русск. *близна* 'рубец' и т. д.[26] Такой же широкий ареал (без словенских соответствий) характеризует и основу **činъ*/**čina* II: ср. болг. диал. *чи́нове* мн. 'две палочки, разделяющие основу при тканье на домашнем станке', с.-хорв. *чини* мн. 'зев между ценовными дощечками (при тканье)', польск. *czyny* 'ценовные дощечки' и т. д.[27] Не являются общими для ю.-слав. языков и некоторые термины родства. Среди них **bata*/**bat'a*/**batja*: болг. *бате* 'старший брат', макед. *бате* то же, с.-хорв. *ба́та* 'брат', 'друг, приятель', чеш. *bát̆a* и т. д.[28] Условно к этой группе может быть отнесено и слав. **lada*: ср. болг. *ой ладо*, *ладо*! — припев, *ла́да* 'вторая дочь в семье, которая при обряде *ладу́ване* идет за водой (свадебная церемония)', с.-хорв. *lȁda* 'жена', только в поэзии с XVI в., как женское имя с XV в. (RJA V, 23, стр. 864—865), др.-русск. *лада* 'супруг', ст.-чеш. *lada* 'девушка' [29]. Правда, Бернекер с некоторой долей сомнения относит сюда же и словен. *lada* 'крик' в выражении *lado gnati* 'хныкать, реветь' [30], но внутренние связи сильно затемнены, и принадлежность словенского слова остается проблематичной. Только в восточной части ю.-слав. территории представлено слово детского языка **lala*: ср. болг. *ла́ла* 'шут, дурак', с.-хорв. диал. *ла́ло*, ум. *ла́лко* 'ласковое название брата или старшего мужчины в доме' (РСА III, стр. 162), *lâla* в детском языке 'отец' (Елезовић I, стр. 353), далее чеш. диал. *l'al'a* 'кукла', русск. *ляля* 'дитя', 'игрушка', 'нерасторопный, неуклюжий человек' [31].

Не удается обнаружить в словенском даже на уровне корневых морфем следующие славянские основы:

**atra*: болг. *ва̀тра* 'огонь', с.-хорв. *ва̏тра* то же, чеш. стар., диал. *vatra*, укр. *ватра* и т. д.[32];

**atje*: ст.-слав. аще 'если, если бы', др.-серб. *аке*=*аће* 'если', др.-русск. *аче*, *ачи* 'если' и т. д.[33];

**amo* / **jamo*: болг. диал., макед. *а́мо*=*овамо*, с.-хорв. *âмо* 'сюда', ст.-чеш. *jam*, ст.-польск. *jamo* 'куда' и т. д. [34];

**desiti* / **dositi*: ст.-слав. десити, доси҆ти 'найти, встретить', с.-хорв. *де́сити* то же, др.-русск. *десити* то же [35];

---

[26] ЭССЯ, вып. 2, стр. 118—119.
[27] ЭССЯ, вып. 4, стр. 115.
[28] ЭССЯ, вып. 1, стр. 163—164.
[29] Фасмер II, стр. 447; Machek², стр. 317.
[30] Berneker I, стр. 682.
[31] Младенов, стр. 269; Sławski IV, стр. 33—34.
[32] ЭССЯ, вып. 1, стр. 91—92.
[33] Там же, стр. 90—91.
[34] ЭССЯ, вып. 1, стр. 70.
[35] ЭССЯ, вып. 4, стр. 217—218.

**kovylь*: болг. *ковѝл*, с.-хорв. *koviļ* m., собир. *kȍvīļe* 'раст. Stipa pennata L.' с XVI в., топ. *Koviļ*, русск. *ковыль* при словен. *kovȓčje*, *kvrčje* 'камыш' (Pleteršnik I, стр. 494)[36];

**lelějati*: болг. *лелéя* 'качать', 'беречь нежно, заботливо', 'ласкать' (БТР), с.-хорв. *léļati*, *lêļâm* 'качать' (RJA VI, 1, стр. 4), *лелѐjати* то же (Вук), русск. *лелеять*, чеш. стар. *leleti* 'волновать'[37];

**lil'ati*: болг. *лилам* 'колыхать', с.-хорв. *lilati* 'колыхать, кивать головой', польск. *lilać*[38];

lobъzati / **lobyzati*: ст.-слав. лобъзати, лобызати (Супр.), с.-хорв. церк. *lobizati* 'целовать' (RJA VI, 24, стр. 132), чак. (о. Црес) *lozbȁt*, *lôzbe* (с метатезой), *lobizȁt*, *lobîže* то же (M. Tentor — ЈФ V, 1925—1926, стр. 211), русск. *лобзать*, ст.-чеш. *labužiti* 'лакомиться'[39];

**lul'ati*: болг. *люлея* 'качать', с.-хорв. *lúļati*, *lûļâm*, *ļuļati* то же (RJA VI, 25, стр. 216), чеш. *lulati* 'убаюкивать ребенка', русск. *люлька*[40];

**kun'ati*: болг. диал. *кун'аем* 'унывать, падать духом', 'клевать носом' (Младенов. Видинско, стр. 241), с.-хорв. *kúńati*, *kûńâm* 'дремать' (RJA V, 23, стр. 789), русск. диал. *кунять* то же, чеш. *okouněti* 'медлить, глазеть'[41];

**sǫpъ*: ц.-слав. сѫпъ γύψ, болг. *сyn* 'птица Vultur fulvus' (Геров, V, стр. 286), с.-хорв. *sȗp* 'коршун', чеш., слвц., польск. *sęp*, русск. *сyn* 'коршун'[42];

**sunica*: болг. *суницà* 'клубника' (БТР), с.-хорв. *suniсa* 'малина' (RJA XVII, стр. 16), русск. диал. *суника*, *суница* 'земляника', др.-польск. *suniсa*[43];

**trajati*: болг. *трая* 'продолжаться, длиться' (БТР), с.-хорв. *trȁjati*, *trȁjem* то же (RJA XVIII, 77, стр. 519), польск. *trwać*, блр. *трываць*; словен. *trajati*, судя по данным словаря Плетершника, является заимствованием[44].

В словенском как будто бы не находим следов чередования **mer-* / **mor-* / **mar-*, тогда как в болгарском и сербохорватском существует группа лексем с отражением этого чередования: ср. болг. *мараня́* 'душный, давящий зной', *марен* 'тепловатый', с.-хорв. *mȅrati*, *mȅrâm* 'согревая воск, делать его более тонким' (RJA VI, 27, стр. 604), *ȍмара* 'духота' (Вук), *omorina* 'опухоль'[45], ср. далее

[36] Berneker I, стр. 594; Фасмер II, стр. 273—274; Младенов, стр. 244; Skok II, стр. 172.
[37] Berneker I, стр. 699—700; Фасмер II, стр. 479; Skok II, стр. 287.
[38] Sławski IV, стр. 255.
[39] Miklosich, стр. 172; Berneker I, стр. 726; Machek[1], стр. 255; Фасмер II, стр. 507—508; Skok II, стр. 312.
[40] Berneker I, стр. 759; Фасмер II, стр. 545.
[41] Berneker I, стр. 645; Machek[2], стр. 412; Фасмер II, стр. 418.
[42] Фасмер III, стр. 804; Skok III, стр. 363.
[43] Фасмер III, стр. 804—805; Skok III, стр. 362.
[44] Младенов, стр. 637; Machek[2], стр. 655; Skok III, стр. 488.
[45] I. Popović. Указ. соч., стр. 539.

русск. *мар* 'солнечный зной', *марить* 'печет (о солнце)', в.-луж. *womara* 'полусон, обморок' [46].

В ряде случаев оказывается, что основы праславянской древности не представлены не только в словенском, но и западнославянских языках. Таким образом, с западнославянскими языками словенский сближает отсутствие некоторых основ, общих для южных и восточных славян. В список таких изолекс могут быть включены следующие основы:

**galica / *galъka*: болг. диал. *гàлица* 'галка, Corvus monedula', с.-хорв. *gȁlica* 'pyrrho-Corax graculus', 'название домашнего животного черной масти', укр. *галица*, русск. *галка*; словен. *gâlic* 'сапожный крем', видимо, заимствовано из хорватского [47];

**gatati*: болг. *гатам* 'гадать', с.-хорв. *gátati*, *gâtâm* 'гадать, ворожить, лечить знахарством', русск. *гатать* 'говорить загадками, выражаясь неясно', *гáтва* 'прибаутка' [48];

**gavъrati/*gavъriti*: болг. диал. *гáврêм* 'ласкать', 'пятнать, позорить', с.-хорв. *gávrati se* 'играть в посохи (вид пастушьей игры, причем одни подбрасывают посох, а другие стремятся в него попасть)', русск. диал. *гáврать* 'о пище: делать нечисто, невкусно' [49];

**globa*: болг. *глòба* 'штраф', с.-хорв. *glòba* (с XIV в.) то же, укр. *глоба* 'тревога, забота' [50];

**deběti*: болг. *дèба*, *-иш*, *дèбнa* 'подстерегать, выслеживать', с.-хорв. *дèпсти*, *дèбêм* то же, макед. *демне*, *дебне* то же, русск. *дёб* 'край, предел, конец' [51];

**mečьka*: болг. *мечка* 'медведь', с.-хорв. *mečac*, *mečca* м. р., *mȅčka* ж. р. то же, ст.-слав. мечька, русск. *мечка* [52];

**naprasьnъ*: ст.-слав. напрасьнъ, болг. *напрàсен* 'внезапный, неожиданный', с.-хорв. *náprasan* 'стремительный, порывистый', русск. *напрасный* [53];

**ristati / *riskati*: ст.-слав. ристати περιτρέχειν (Супр.), с.-хорв. *ristati*, *rištem* 'скакать, бежать' (RJA XIV, 59, стр. 38 со ссылкой на Стулли: из глаголического бревиара), болг. *ристалище* (Младенов, стр. 561); с.-хорв. ц.-слав. *riskati* 'плясать, скакать' (RJA XIV, 59, стр. 36 со ссылкой на Стулли), русск. *рыскать*, *ристать*, из зап.-слав. языков сюда принадлежит только польск. *rześcią* 'рысью' (< **rьstьją*), которое чередованием связано с приведенными выше основами [54].

---

[46] Фасмер II, стр. 571; Младенов, стр. 289; Skok II, стр. 407.
[47] Картотека ЭССЯ.
[48] Там же.
[49] Там же.
[50] Там же.
[51] ЭССЯ, вып. 4, стр. 203—204.
[52] I. Popović. Указ. соч., стр. 26—27; Фасмер II, стр. 613; Berneker II, стр. 30. — Слово с неясными этимологическими связями.
[53] Младенов, стр. 335; Фасмер III, стр. 43; Skok II, стр. 502.
[54] Фасмер III, стр. 485—486, 530; Махек объясняет как интенсивные образования со структурой **rid-stati*, **rid-skati* (~нем. *reiten*),

Часть изолекс не охватывает словенский и восточнославянские языки, но объединяет южных и западных славян. Среди них: **civriti*: болг. *цѝвря(се)* 'плакать, хныкать', макед. диал. *цимурим* то же, с.-хорв. диал. *цѝврит* то же, ср. чеш. диал. *cibriti* 'обучать, упражнять'[55]; **dolga*: болг. диал. *длáга* 'шина, с помощью которой укрепляют переломленную кость', с.-хорв. *dlaga* то же, ст.-чеш. *dlaha* то же[56]; **čavъka*: болг. *чáвка* 'галка, Corvus monedula', макед. *чавка* то же, с.-хорв. *čavka* то же, ст.-чеш. *čavka* 'галка'[57]; **patriti*: болг. *патрѭ* 'ворожить, гадать на бобах', с.-хорв. *pȁtriti*, *pȁtrîm* 'доставаться', 'выпадать на долю', чеш. *patřiti* 'принадлежать' и т. д.[58]

Очень показательно в плане древних контактов праславянского отсутствие на словенской территории ранних заимствований из германских языков **bl'udo* / **bl'udъ* (ср. болг. *блюдо*, *блюд*)[59] и **brъn'a* (ср. болг. *брѣня* 'броня', с.-хорв. *брња* 'коза с белым пятном на носу')[60].

Трудно судить, в какой степени приведенные изолексы отражают изначальные отношения праславянских диалектов, хотя бы потому, что многие славянские основы (**boraviti*, **patriti*, **tromъ*) не имеют однозначного этимологического истолкования. А состав устанавливаемых соответствий в ряде случаев определяется этимологическим объяснением основы. Кроме того, необходимо принять во внимание возможность утраты отдельных основ в ходе длительного исторического развития. Вероятность утраты особенно велика в случае морфонологической взаимосвязанности основ. При наличии чередующихся основ словенский нередко сохраняет один из чередующихся вариантов, тогда как на остальной ю.-слав. территории представлен в более полном виде набор чередующихся основ.

Так, из двух чередующихся основ **čeznǫti* / **kaziti* в словенском находим лишь вторую основу (*izkazíti* 'портить')[61]. Все ю.-слав. языки имеют продолжения основы **tuča* (ср. словен. *tuča* 'жир'), но только в восточной части представлены апофонические варианты **tyti*, **toviti*[62]: ср. ст.-слав. тꙑти, с.-хорв. *tòviti*, *tòvîm* 'откармливать животных' (RJA XVIII, 76, стр. 356; 77, стр. 501). Ограни-

---

см. V. Machek. Slovanská intensiva slovesná s příponovým *-stati*. — SaPL I, 1954, стр. 252; Он же. Verba mit suffixalem sk-. — SR X, 1957, стр. 75.

[55] ЭССЯ, вып. 3, стр. 196.

[56] ЭССЯ, вып. 5.

[57] ЭССЯ, вып. 4, стр. 31—32.

[58] Младенов, стр. 415 (: относит к заимствованиям из турецкого); Machek², стр. 438 и Skok II, стр. 623: этимологически темное. О. Н. Трубачев («Из славяно-иранских лексических отношений». «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 47—50) очень убедительно определяет праслав. диал. **patriti* как раннее заимствование из скифо-сарматского.

[59] ЭССЯ, вып. 2, стр. 132—134.

[60] ЭССЯ, вып. 3, стр. 55.

[61] ЭССЯ, вып. 4, стр. 100—101.

[62] Фасмер IV, стр. 133; Skok III, стр. 474—475.

чена в своем распространении глагольная основа **rějati*, родственные ей основы **rojь*, **rinǫti* охватывают всю ю.-слав. территорию[63]. Ю.-слав. языки довольно полно и широко представляют этимологическое гнездо с основами **lin'ati* (ср. болг. *линея* 'чахнуть, вянуть; линять'), **lěn-* (ср. словен. *lệni* 'ленивый'), **lěv-* (ср. словен. *lêv* 'линька у раков, змей; содранная кожа')[64], но в словенском отсутствуют продолжения для основы **lin'ati*. То же самое можно сказать о с.-хорв. *pŕliti*, *pȓlîm* 'палить, жечь' (RJA XII, 51, стр. 233) и болг. *пърл'ъ* то же, предполагаемая для них исходная основа **pьr-liti* чередованием связана с **parъ*, **pьrěti*, имеющими общеславянское распространение[65]. Аналогичную структуру (расширение корня в ступени редукции с помощью суффикса *-l*) имеют болг. *дърля се* 'ругаться, задираться', с.-хорв. *др̏љити* 'обнажать (обычно грудь)', с ними соотносительны основы **drolь* / **drol'a* (болг. *дрóла* 'растрепа', с.-хорв. *дрȍља* 'неряха' и т. д.), все эти образования, производные от общеслав. **der-* 'драть', не представлены в словенском[66]. Принадлежащее к этой же семье слово **drexa* (болг. *дреха* 'верхняя одежда', макед. *дреа* то же, с.-хорв. *дрѐха* то же)[67] также лишено словенских продолжений. На древнем праславянском уровне чередованием *e*/*o* в корне связаны глаголы **čuriti* / **kuriti*, словенский сохраняет лишь основу с корневым *o*: ср. *kuriti* 'топить, курить'[68]. Словами одного этимологического гнезда признаются глаголы **rydati* (ср. болг. *ридáя* 'рыдать', с.-хорв. *р̏дати* 'стенать') **ruditi* (ср. др.-чеш. *ruditi* 'омрачать', в.-луж. *wurudzić* 'обидеть')[69]. Вполне возможно, что единственным отражением этих основ в словенском является гл. *róditi*, *rǫ́dim* 'заботиться, печалиться' (Pleteršnik II, стр. 432). Общеслав. **kъrma*, **kъrmiti* родственны основы **skorma*, **skormъ*[70]: ср. русск. цслав. *скрамъ*, с.-хорв. *skrȁma* 'пленка на поверхности воды; тонкая кожица у лука; струпья, шелуха' (RJA XV, 64, стр. 310), болг. *скрàма* 'мыльная пена'[71], в западной части ю.-слав. языков следов этой основы не находим. Так же территориально ограничены с.-хорв. *pŕpa*, *pȓpor* 'горячий пепел, смешанный с водой' (RJA XII, 53, стр. 494), болг. *прѣпорица* 'большое пламя, которое дают солома и другие легко воспламеняющиеся предметы' (Геров IV, 2, стр. 325), *пр̥пор* 'горячий пепел, политый водой'[72]. Можно думать, что это редупли-

---

[63] Фасмер III, стр. 480, 484, 496; Skok III, стр. 145.
[64] Berneker I, стр. 722; Фасмер II, стр. 499; F. Bezlaj. Eseji, стр. 125.
[65] Skok III, стр. 46.
[66] ЭССЯ, вып. 5.
[67] Младенов, стр. 151.
[68] ЭССЯ, вып. 4, стр. 133—134.
[69] Фасмер III, стр. 527; Machek², стр. 523; Skok III, стр. 138.
[70] Фасмер II, стр. 329; III, стр. 652—653; Skok III, стр. 268—269.
[71] Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. «Известия на иститута за български език», кн. IV. София, 1956, стр. 235.
[72] Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, стр. 101.

цированные образования, соотносительные с общеслав. **parъ*, **pьrěti*[73].

Более сложную, пеструю картину представляют различия на уровне лексикословообразовательных единиц. В словенском отсутствуют точные цельнолексемные соответствия для многих ю.-слав. образований, но существуют близкородственные основы в ином суффиксально-префиксальном оформлении. Эти образования выступают на правах лексических диалектизмов. Вероятность их самостоятельного существования еще в праславянскую эпоху подтверждают севернославянские соответствия.

К числу ю.-слав. диалектизмов ограниченного распространения принадлежат некоторые названия растений и среди них **divizna*: ср. болг. *дивúзна*, диал. *дивúзма* 'полевая трава', с.-хорв. *dìvizma* 'раст. Verbascum thapsus L.' ст.-чеш. *divizna*, слвц. стар. *divizna* и др. В составе этого образования выделяется суффикс *-izna* и основа *div-*, родственная слав. **diviti*, **divina*. Соответствующее растение в словенском обозначается словами *lučnik*, *papeževa sveča*. Не распространено на словенской территории и название **glušina*, производное от **gluxъ*: ср. болг. *глушина* 'раст. Vicia varia, журавлиный горох', 'сорняк', с.-хорв. *gluha*, *glušina* 'Vicia cracca L.', ср. русск. *глýшина* 'раст. Betula verrucosa Ehrh'.[74]

Различия в лексике ю.-слав. языков касаются обозначений ремесленных изделий, предметов домашней утвари. В восточной части ю.-слав. языков в функции словен. *vrč* употребляются основы **kъrčaga*, **kъrčagъ*: ср. болг. диал. *кърчаг* 'глиняный кувшин для воды' (БТР), с.-хорв. *kȓčâg*, *krčága* то же (RJA V, 21, стр. 493), ср. далее чеш. *krčah* 'кувшин, кружка', др.-русск. *кърчага*. Новейшие этимологические исследования отклоняют старое толкование этого слова как заимствования из тюркских языков[75]. Это слово признается исконно славянским и объясняется на основе производящей основы **kъrkъ* 'шея'[76] или **korьcь*[77]. Представляется наиболее убедительным понимание слав. **kъrčaga* как производного с суффиксом *-(j)ga* от праслав. **kъrkъ* 'шея'.

В литературе уже освещалось соотношение старых терминов гончарного производства **gъrnьcь* — **lonьcь* в ю.-слав. языках. На основе внутриславянских данных было выдвинуто предположение о вторичном характере формы **lonьcь*, охватывающей территорию словенского языка, кайкавских и чакавских говоров. Слово **lonьcь* (ср. словен. *lonec*, хрв., кайк., чак. *lonac*/*lonec*),

---

[73] Фасмер III, стр. 207; Skok III, стр. 55 относит *skrama* к звукоподражательным образованиям.
[74] ЭССЯ, вып. 5; Картотека ЭССЯ.
[75] Berneker I, стр. 665.
[76] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 215—216.
[77] Sławski II, стр. 479.

как думают некоторые исследователи, заимствовано из языка более древнего населения, возможно из языка кельтских племен, в эпоху славянской экспансии [78]. На остальной территории сохраняется старый термин *gъrnьcь: ср. болг. *гърнѐц* 'большой горшок', макед. *грнец* то же, с.-хорв. *гр̏нац* то же [79].

В качестве названия решета в восточной части ю.-слав. языков используются слова *protokъ, *protakъ: ср. болг. *про̀тък* 'решето' (БТР), *про̀ток* 'вид сита' [80], с.-хорв. *prȍtâk* 'редкое решето' (Вук), от **tekti* [81]. Словенскому неизвестны эти названия, здесь представлено общеслав. *rešeto*.

Не имеют общеюжнославянского распространения и некоторые названия болезней. Эта часть лексики складывается в славянских языках самостоятельно и в известной степени независимо по типологически сходным моделям. Так, в западной части ю.-слав. языков не прослеживается основа *sǫ-grebъ, но ср. болг. *су́греб* 'сыпь на теле' (БТР), с.-хорв. *сугреб* в выражении *он je стао на сугреб* шутл. — он покрылся сыпью, заболел крапивной лихорадкой (Толстой [1], стр. 921) при русск. диал. *сугреб* 'куча' (Богораз, стр. 138). В качестве названия незаживающей раны в словенском не засвидетельствована основа **ne-žitь*, охватывающая довольно широкий ареал: ср. болг. *нежит* 'воспаление десен', 'рана на десне, на вымени' [82], с.-хорв. *nežit* 'рожа', *nežić*, *nežid* то же (RJA VIII, 1, стр. 158), чеш. *nežit* 'прыщ', польск. *nieżyt*, *nieżyd* 'насморк, простуда' [83].

В словенском не находим отдельных словообразовательных вариантов общеслав. основ. Так, на всей ю.-слав. территории представлена основа **tьrica*, производная от гл. **terti*, но только восточную часть характеризуют два другие варианта — **tьrunъ*/**truna* и **tьrina*: ср. с.-хорв. *trȗn* 'крошка, кусок' (RJA XVIII, 78, стр. 818), болг. диал. *трунѣ* 'отбросы от сена' [84], русск. *трун* 'тряпка' [85]; болг. *трина* 'мякина, полова' (БТР), с.-хорв. *тр̏не*, 'остатки сена в яслях' (Вук). Сербохорватский и болгарский сохраняют один из древних словообразовательных вариантов **gъrkl'anъ* (ср. с.-хорв. *гр̏кљан*, болг. *гръкла̀н*, *гръкля̀н* 'горло') с точным соответствием лит. *gùrklys* [86]. Словенский представляет другой тип образования — *grtanec*, родственный русск. *гортань* [87]. Словенский не участвует в одной из изоглосс, объединяющей

---

78 О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология. . ., стр. 211, 215.
79 Картотека ЭССЯ.
80 М. Младенов. Из лексиката в Кюстендилско. — БД VI, стр. 147.
81 Skok III, стр. 451.
82 С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., стр. 365; Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 220.
83 Machek [2], стр. 398.
84 Н. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 43.
85 Miklosich, стр. 363; Skok III, стр. 515.
86 БЕР, стр. 288; I. Popović. Указ. соч., стр. 25.
87 Фасмер I, стр. 444.

частично языки южной и западной групп, — *krěpъnъjь: ср. болг. диал. *крêпан* (Родопы) 'мощный, сильный', ц.-слав. *крѣпьнъ*, с.-хорв. стар. *krijepan* 'крепкий' (RJA V, 21, стр. 534), далее польск. *krzepniejszy* 'более крепкий' при общеслав. *krěpъkъjь [88]. Не характеризует словенский основа *luspa, являющаяся одним из словообразовательных вариантов в ряду *luska, *luzga, *lusta [89], но ср. с.-хорв. *ļȕspa* 'шелуха, чешуя' (RJA VI, 26, стр. 321), болг. *лýспа*, *люспа* то же (БТР).

Нет в словенском соответствий для некоторых образований с приставкой *pa-*. Ср. *paguba: ст.-слав. пагоуба, болг. *пáгуба* 'разорение, гибель' (БТР)[90]; *panorъ: болг. *панор* 'место, где река теряется под землей' (Геров IV, стр. 10), с.-хорв. название источника *Panórac*, *Panórca* (RJA IX, 41, стр. 617); *pažitь: ст.-слав. пажить (Супр.), с.-хорв. *pažit* 'пастбище, выгон' (RJA IX, 42, стр. 727: из русского), далее русск. *пажить*, чеш. *pažit* [91]; *pavětь, *pavětina: болг. *пáветь*, *пȁвит* 'раст. хмель' (БТР), с.-хорв. *пȁветина*, *пȁвит*, *павитина* 'бот. ломонос' (Вук), далее русск. *пáветвь*, *паветье* 'вторые ветви, второе разделение ветвей' (Даль³ III, стр. 16)[92].

Заслуживает внимания и семантическая противопоставленность ю.-слав. основ. Так, с.-хорв. *живи̑на* (Елезовић I), болг. *живинѝцъ*, *живенѝца* [93] служат для обозначения тяжелой болезни, тогда как словен. *živína* значит 'скот' (Pleteršnik II, стр. 965). Показательно использование многих основ в чисто географическом значении только в восточной части ю.-слав. языков, при этом наблюдается одна интересная особенность: в ряде случаев единая изоглоссная линия объединяет восточную часть ю-слав. языков, карпатоукраинские говоры и другие восточнославянские языки. Примером такой изоглоссы может служить слав. *kl'učь: болг. *ключ* и с.-хорв. *kļûč*, далее вост.-слав. *ключ* 'источник' [94] при словен. *ključ* 'крюк', 'запор'. Сходные отношения отражают следующие основы:

*padь, *padina: болг. *падѝнá* 'низина без реки; долина между холмами' (БТР), с.-хорв. *pâd* = *padina* 'низина, долина' (RJA IX, 41, стр. 551, 556), далее укр. *пад*, *падú* 'низменное место; терраса', *пáдина* 'небольшая круглая долина; долина между двумя горами или холмами' [95], блр. *падзь* 'впадина, яма' [96] при словен. *pàd* 'падение', *pâdec* 'скат', 'уклон'.

---

[88] S ł a w s k i III, стр. 224.
[89] Ф а с м е р II, стр. 530, 535—536.
[90] Р. М. Ц е й т л и н. К вопросу о значениях приименной приставки *па-* в славянских языках. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР» IX, 1954, стр. 210.
[91] Ф а с м е р III, стр. 185; M a c h e k², стр. 440.
[92] Р. М. Ц е й т л и н. Указ. соч., стр. 208.
[93] Н. К о в а ч е в. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 19; БЕР, стр. 541.
[94] Ф а с м е р II, стр. 258; S ł a w s k i II, стр. 235.
[95] Т. А. М а р у с е н к о. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов. «Полесье». М., 1968, стр. 240.
[96] І. Я. Я ш к і н. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, стр. 127.

**propastь*: с.-хорв. *про̏па̑ст* (Вук) и болг. *про́паст* (БТР) 'пропасть, бездна', далее русск. *пропасть*. Словен. *propast* считается заимствованием из хорватского (Pleteršnik II, стр. 349).

**prolomъ*: болг. *про́ло́м* 'проход между скалами, который прокладывает река' (БТР), с.-хорв. название горы в Далмации *Про̀лом* (Вук) при словен. *prelom*, *vlom*[97].

**prologъ*: болг. *про́лок* 'узкий проход'[98], с.-хорв. *prolog* в значении 'долина' относят к заимствованиям из русского, но известно название горы в Далмации *Про̀лог* (Вук). Ср. укр. *проліг* 'горная долина'[99].

**urъva*, **urъvina*: болг. *у́рва* 'проход с нависающими скалами', 'крутизна' (БТР), с.-хорв. *у̏рвина* 'крутой склон' и название горы (Вук), ср. далее укр. *у́рвисько*, *у́рвище* 'круча, пропасть; глубокий овраґ', *у́ров* 'ущелье с нависающими скалами'[100], но словен. *rov* 'яма, канал' (Pleteršnik II, стр. 439)[101].

Один из важных скотоводческих терминов с предполагаемой исходной формой **tьrdlo*[102] распространен на территории южнославянских (исключая словенский) и частично восточнославянских языков: ср. болг. *тъ̀рло* 'огражденное место для скота' (БТР), с.-хорв. *тр́ло* 'загон, место зимовки скота' (Вук), далее укр. с другой огласовкой *ти́рло* 'место, куда зимой загоняют скот', полесск. *тирло* 'место, где в полдень отдыхает скот'[103].

Список лексем, отсутствующих в словенском, может быть пополнен следующими образованиями:

**promъka*: болг. *про̀мка* 'щель, скважина' (БТР), с.-хорв. *promka* 'проход' (RJA XII, 52, 364);

žьm-: болг. *жьмка* 'горсть' (Геров II, 24), с.-хорв. *жама*, *жамица*, *жамка* 'пласт сена, поднимаемый одной рукой'[104], ср. русск. диал. *жменя* 'горсть' (Даль[3] I, стр. 527);

**zabělь*: болг. топ. *Zabel*, с.-хорв. *zabio* 'лес';

**liga*: болг. *ли́га* 'густая обильная слюна' (БТР), с.-хорв. *љига* 'слюна'[105], ср. польск. *ligawica* 'болотистая земля'[106] при словен. *slîz* 'слизь'[107].

---

[97] J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 39.
[98] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 253.
[99] Т. А. Марусенко. Указ. соч., стр. 245.
[100] Там же, стр. 252.
[101] J. Schütz. Указ. соч., стр. 31.
[102] Skok III, стр. 512. Известно и сближение с лит. *turiù, turěti* 'держать, иметь', см. J. Loewenthal. Etymologien. — ZfslPh VI, 1930, стр. 375.
[103] О. Курило. Матеріали до українськоï диялектологіï та фольклористики. Киïв, 1928, стр. 30.
[104] М. Влаjинац. Речник наших старих мера у току векова II. Београд, 1961, тр. 297.
[105] Т. Ђорђевић. Указ соч., стр. 699.
[106] Младенов, стр. 274; Sławski IV, стр. 251.
[107] Фасмер III, стр. 671.

Рассмотренный нами небольшой фрагмент лексической системы ю.-слав. языков со всей очевидностью свидетельствует о диалектной дробности еще в праславянскую эпоху. Естественно, определенную роль в дальнейшем размежевании ю.-слав. диалектов сыграл тот факт, что наслоение славянских диалектов произошло на разные субстратные основы. Материал, приведенный в настоящей работе, отражает лишь одно из различий в лексике ю.-слав. языков. В совокупности с другими данными он может послужить основой для решения вопроса об изначальной диалектной основе словенского языка.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. VI*

(*vъrkočь, *vъrčati, *vъrkati / *vьrkati и *vьrka / *vьrca; *piskъ / *piska; *ščeka, *gološčekъ / *gološčeka и *čekati, *čeka)

*vъrkočь, *vъrčati, *vъrkati / *vьrkati и *vьrka / *vьrca

Славянская группа имен: с.-хорв. *vȑkoč* 'франт', чеш. *vrkoč* 'коса' (и 'заплетенные волосы', и 'плетенка лука'), слвц. *vrkoč* 'коса', диал. *vrkoče* 'искусственные цветы' [1], польск. *warkocz* 'коса', русск. диал. *воркоч* 'коса' [2], др.-русск. *върkочь* 'женская убранная коса' [3] — неоднократно рассматривалась этимологами, но до сих пор не имеет общепринятого и более или менее убедительного истолкования. Из предложенных гипотез наиболее существенны следующие: Томанович предположил для с.-хорв. *vȑkoč* скрещение *vrtjeti*, *vrckati se* и *kočiti*, что, по мнению П. Скока, неправдоподобно для праславянского (судя по рефлексам) образования [4]; Брюкнер выделил суффикс *-oč* и, опираясь на написание *brczich* 'коса' в рукописи XI в., отождествил корень с с.-хорв. *brk* 'ус' [5], что представляется не оправданным фонетически;

---

* Предшествующие статьи этой серии см. в томах ежегодника «Этимология» за 1971—1975 гг.

[1] Machek[2], стр. 700.

[2] В диалектных словарях не упоминается; приведено с пометой «диалектное» Фасмером (I, стр. 351).

[3] Срезневский I, стб. 400.

[4] Skok III, стр. 628.

[5] Brückner, стр. 602.

Скок поддержал мысль о суффиксальном характере *-oč*, но непоследовательно определил корень как **vъr-*, не отождествив его [6]; наконец, Махек счел неясным элемент *-oč*, предположил родство с нем. *Werg* 'пакля' и реконструировал как исходное **vrko-toč* [7], однако непосредственная связь с нем. *Werg* невозможна, так как последнее предполагает и.-е. **u̯erǵ-* или **u̯erg-* [8], а реконструкция **vrko-toč* излишне усложнена.

Реконструкция праформы для рассматриваемой группы предопределяется структурным тождеством всех имен, а в отношении вокализма корня — русской лексемой: праславянским источником всей группы должно быть **vъrkočь*. Что же касается словообразовательного анализа этой формы, то, хотя определение одного комплекса фонем как суффиксальной морфемы может быть надежным лишь при одновременном отождествлении корня, для этимологизации слова существенна возможность суффиксальной природы элемента *-očь*. Сомнения Махека относительно этого элемента непонятны: в славянской лексике известен суффикс *-očь* как в отглагольных, так и в отыменных образованиях, ср. **blьvočь*, **laskočь* и с.-хорв. *glȁvoč* [9]. Если комплекс *-očь* является суффиксом, то соответственно корень определяется как *vъrk-*.

Для отождествления корня необходима реконструкция древнейшего значения слова. Сопоставление значений, представленных в славянских языках, — 'коса', 'искусственные цветы', 'франт' (см. выше) — позволяет предпочесть как наиболее старое и близкое к первичному значение 'коса' (из которого могут быть выведены прочие, через промежуточные ассоциации с 'убор', 'украшение'). Для этимологизации же слова со значением 'коса' полезно иметь в виду преобладающую мотивацию синонимичных лексем по двум моделям: как 'нечто плетеное, свитое, скрученное' (ср. русск. диал. *плетеница*, греч. πλόκος, англ. *plait*) и как 'нечто расчесанное, разодранное (на пряди, волокна?)' (ср. *коса*).

Возможно, однако, что значение 'коса' не является для **vъrkočь* первичным. Привлечение этнографических материалов позволило Махеку прийти к выводу, что чешский *vrkoč* первоначально был собственно куделью, обвитой зеленым шелком, которая вплеталась в косу невесты и вместе с нею укладывалась вокруг головы [10]. Если не только чешский *vrkoč*, но и праслав. **vъrkočь* был исконно куделью, то это название входит в круг терминов, связанных с прядением. В таком случае реальным фоном, точнее — одним из существенных элементов семантической обстановки, в которой возникло **vъrkočь*, была характерная для терминологии древнейшего текстильного производства связь тер-

---

[6] S k o k III, стр. 628.
[7] M a c h e k [2], стр. 700.
[8] P o k o r n y, стр. 1169; K l u g e - G ö t z e, стр. 871.
[9] Słownik prasłowiański I, стр. 103.
[10] M a c h e k [2], стр. 700.

минов плетения и терминов 'рвать', 'резать', 'рубить', 'ломать' [11]. Таким образом, с углублением семантической реконструкции слав. *_vъrkočь_ усиливается впечатление о возможности связи его с глаголами 'плести, вить' и 'чесать, драть, рвать, резать, рубить, ломать'. Действительно, ведь и кудель есть пучок, клок шерсти или льна, одновременно и в ы ч е с а н н ы й, и приготовленный для п р я д е н и я, с к р у ч и в а н и я.

Если учесть эти соображения семантического плана и возможность для *_vъrkočь_ корня _vъrk-_, то представляется реальной связь *_vъrkočь_ прежде всего с с.-хорв. _vȑčati_ 'драть, чесать (лен)' (откуда _vȑčica_ 'железная чесалка') [12]. В словаре Скока этот глагол не упоминается, соответствия в других славянских языках пока не отмечены. Однако он может быть рефлексом праславянской основы *_vъrčati_ или *_vьrčati_, имеющей индоевропейский источник: в индоевропейских языках известна основа *_u̯erk-_ / *_u̯rek-_, образованная от корня *_u̯er-_ 'рвать, царапать'. К *_u̯rek-_ возводят, например, греч. ῥάκος 'лохмотья, тряпье' [13].

С другой стороны, слав. *_vъrkočь_ 'коса' (< *'кудель') сопоставимо также с кимр. _cywarch_ 'пенька, трос' (*_kom-u̯orko-_, ср. брет. _koarc'h_ 'пенька'), которое отражает и.-е. *_u̯erk-_, производимое обычно от и.-е. *_u̯er-_ 'крутить, сгибать' [14]. Нем. _Werg_ 'пакля', с которым связывал слав. _vrkoč_ Махек, также толкуется в пределах этого гнезда как продолжение основы *_u̯erg-_ (или *_u̯erg'-_) [15], которая отличается от основы *_u̯erk-_ лишь по признаку звонкости / глухости детерминатива.

Эта «вторая» индоевропейская основа *_u̯erk-_, реализующая семантику 'крутить, сгибать', также может быть прослежена в славянских языках. Прежде всего, ее рефлексом представляется с.-хорв. диал. (u Lici) _vrkati_, _vrčem_ (чаще употребляющееся в варианте _frkati_) 'закручивать (например, усы)' [16]. Поиски других славянских продолжений этой основы базируются на известном для всего гнезда и.-е. *_u̯er-_ 'крутить' семантическом развитии 'крутить, вить, сгибать' → 'бросать': результат этого процесса представлен в нем. _werfen_ (и.-е. *_u̯erp-_) и слав. *_vergti_ (и.-е. *_u̯erg-_). На этом семантическом основании к данному гнезду может быть причислен (как продолжение и.-е. *_u̯erk-_) также праславянский глагол, производным от которого является русск. диал. (ростов., яросл.) _ве́ркало_ 'праща' [17]: этот глагол реконструируется как *_vьrkati_ 'бросать, метать'. Для приведенного выше с.-хорв. _vrkati_ 'крутить' в качестве источника возможна как эта глаголь-

---

[11] О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 250.
[12] RJA XXI, стр. 441.
[13] P o k o r n y I, стр. 1163.
[14] Там же, стр. 1155.
[15] Там же, стр. 1169.
[16] RJA XXI, стр. 519. В словаре Скока этот глагол не обнаруживается.
[17] Ф и л и н 4, стр. 147.

ная основа **vьrkati*, так и отличающаяся от нее по огласовке корня основа **vъrkati*. Во всяком случае, глагол, от которого образовано русск. *веркало*, и с.-хорв. *vrkati* могут быть родственными. Более проблематична принадлежность к этой группе лексем также южнославянских глаголов с корнем *vrk-* и значением 'улетать, исчезать': с.-хорв. *vŕknuti*, *vrcati* (*se*), болг. литер. *хвъркам*, *хвърча*, диал. *въркам*, *вържъ*[18]. Бернекер и Скок считали эти глаголы генетически связанными со звукоподражаниями[19]. Участие звукоподражаний в формировании этих лексем действительно трудно отрицать: об этом свидетельствуют особенно варианты с начальным *f* (*frknuti* в сербохорватском языке) и *х* (болг. *хвъркам*, *хвърча*). Однако это участие могло иметь характер вторичного влияния на какую-то исходную основу — так же, как, например, вторичные воздействия обусловили образование болг. *хвъргам* на базе праслав. **vergti*, *vьrgǫ*. В качестве же собственно источника вполне допустимо предполагать ту же глагольную основу **vьrk-* или **vъrk-* с комплексной семантикой 'крутить', 'бросать' и 'бросаться' → 'порхать, улетать, исчезать'[20]. Наконец, генетически двусмысленным является словен. *vréčati* 'бросать', которое может восходить как к праслав. **verčati* (< **verkēti*), так и к праслав. **vertjati*.

Итак, слав. **vъrkočь* сопоставимо с с.-хорв. *vȑčati* 'чесать (лен)' (и далее с греч. ῥάκος 'лохмотья, тряпье' и т. д.) и с с.-хорв. *vrkati* 'крутить' и гипотетическим **vьrkati* 'бросать', откуда русск. *веркало* 'праща' (при дальнейшем родстве с кимр. *cywarch*, брет. *koarc'h* 'пенька'). Эти два направления генетических связей не являются взаимоисключающими: и данные славянские лексемы, и другие индоевропейские рефлексы основ **u̯erk-* с семантикой 'драть, царапать' и 'крутить, сгибать', обычно распределяемые по двум индоевропейским гнездам **u̯er-* (со значениями одно — 'драть, царапать', другое — 'крутить, сгибать'), могут толковаться как производные одного индоевропейского гнезда *u̯er-* с синкретическим значением. Это подтверждается и параллелизмом значений 'драть' и 'крутить' в основах, образованных от корня *u̯er-* при помощи других детерминативов: ср. лит. *vel̃pti* 'прясть' (*'крутить') и др.-русск. *вьрпсти* 'рвать, грабить' (и.-е. **u̯erp-*); слав. **verzti*, **vьrzǫ* 'связывать, плести' и др.-инд. *vṛhati* 'вырывать' (и.-е. **u̯erg'h-*).

Если праслав. **vъrkočь* входит в одно этимологическое гнездо с с.-хорв. *vȑčati* 'чесать (лен)', *vrkati* 'крутить' и **vьrkati* 'бросать',

---

[18] Тодор Стойчев. Родопски речник. — БД II, 1965, стр. 141; Тодор Бояджиев. Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко. — БД V, 1970, стр. 226; Он же. Речник на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, 1971, стр. 16.

[19] Berneker I, стр. 410; Skok I, стр. 698; III, стр. 620.

[20] Вторичность *хв* (вм. *в*) в болг. *хвъркам* предполагал еще Младенов, исходивший из праслав. **verch-* 'издавать звук ф-ф', см. Младенов, стр. 667.

то для этого гнезда следует признать, как и для некоторых других славянских этимологических гнезд, возможность исконного варьирования корневого слогового *r̥* по твердости / мягкости: *r̥/r̥'* > *ъr/ьr-*. Ср. **pъrxati* и **pьrxati*. Это затрудняет, однако, отождествление глагола, послужившего производящей основой для **vъrkočь*: неизвестно первоначальное качество *r̥* в с.-хорв. *vȑčati* и *vrkati*. Можно лишь констатировать, что они могут быть продолжениями праславянских глаголов **vъrčati* и **vъrkati*, от одного из которых и было образовано при помощи суффикса *-očь* праслав. **vъrkočь*. В пользу отглагольного происхождения этого имени свидетельствует, помимо семантики его, также привлеченное для сравнения Голубом и Копечным ст.-чеш. *vrčení* 'вид прически' [21]: это отглагольное образование, производящей основой которого могло быть **vъrčati* (хотя возможны также корневой инфинитив и основа на *-iti*).

Вероятно, **vъrkočь* — не единственное имя, принадлежащее к славянскому этимологическому гнезду **vъrk-*/**vьrk-*. Например, представляется возможным образование в пределах этого гнезда с.-хорв. *vrka* 'опухоль, отек (главным образом как след удара)' [22]: это значение может быть понято как производное от 'крутить' → 'круглое', ср. др.-инд. *vṛkkáu* 'почки' — собственно 'опухоль', восходящее к и.-е. **u̯ert-*[23]. В болгарских диалектах отмечено синонимичное *върца* 'шарообразная опухоль на теле', которое толкуется болгарскими этимологами как **врът-ьца*, производное от *въртя* [24]. Судя по приведенному выше др.-инд. *vṛkkáu*, семантически это вполне вероятно. Однако болгарское *върца* вряд ли следует отделять от с.-хорв. *vrka*, которое предполагает корень с конечным *k*. В свою очередь, если болгарский диалектизм образован от того же корня, то его *ц* может быть объяснено лишь исконным корневым **r̥'* > **ьr*. Таким образом, признание родства этих двух лексем приводит к реконструкции праслав. **vьrka*/**vьrca*. Корневой вокализм данного имени тождествен вокализму русск. диал. *ве́ркало* 'праща' (см. выше).

**piskъ* / **piska*

Для чеш. *pisk* 'зародыш пера, стержень пера' Махек не видел соответствий в других славянских языках, кроме **šipъ* (которое он объяснял из **ksipъ*), а за пределами славянских языков возможным соответствием Махек считал лит. *speiglỹs* 'зародыш пера' [25]. Совершенно очевидно, что семантическая близость этих лексем не может быть обоснованием их родства при таких существенных различиях в формах. Зубатый, также исследовавший

---

[21] Holub-Kopečný, стр. 423.
[22] RJA XXI, стр. 519.
[23] Pokorny I, стр. 1157.
[24] БЕР III, стр. 213.
[25] Machek², стр. 451.

этимологию чеш. *pisk*, вообще не упоминал о возможных инославянских соответствиях: он связывал чешскую лексему с др.-инд. *piccha-* 'хвостовое перо' и гнездом слав. **piskati* 'свистеть' [26]. Это истолкование имеет и фонетические, и семантические основания, поскольку полый стержень пера может быть сопоставлен с дудкой, свистулькой и даже использоваться как свисток. Так, лтш. *pīkste* имеет значения 'плакса, нытик' и 'ствол пера', а *pīkstiņš* — 'ствол пера' и 'свисток из гусиного пера'; сочетание значений в последнем случае является существенным аргументом в пользу признания родства этих лексем с лтш. *pīkstêt* 'пищать' [27]. Но тождественна ли этимологическая ситуация чеш. *pisk* и лтш. *pīkste*? Исконно ли для чеш. *pisk* значение 'стержень пера'? Или, точнее, входил ли признак полой структуры в первичную семантическую мотивировку этой лексемы? На чешской почве нет возможностей для семантической реконструкции. Следует лишь помнить, что у чешской лексемы нет значения 'свисток из пера' (в отличие от лтш. *pīkste*), но, с другой стороны, присутствует значение 'зародыш пера'. Непосредственным же основанием для семантической реконструкции могут послужить инославянские соответствия, которые все-таки обнаруживаются для чеш. *pisk* в сербохорватском и болгарском языках и позволяют усомниться в существенности признака полой структуры для первичной мотивации славянского слова.

Речь идет прежде всего о сербохорватском диалектизме *piska*. В Посавье это слово засвидетельствовано со значением 'короткий кол, которым толкают тяжелые предметы'. С ним может быть отождествлено слово *pȉska*, функционирующее в области Риеки в значении 'деревце', точнее — 'обрубок дерева, пенек, щепка', ср. тексты: kada tko posiječe sve drveče na kojom mjestu, kaže se: ne ostavi ni *piske*; kada tko nema čim naložiti peć, reći će: nemam ni *piske* [28].

В болгарской лексике обращают на себя внимание зафиксированные Геровым *пы́ска* 'клин, вставляемый в дышло' и *пы́сек* 'рассоха, вставляемая одним концом в дышло, а другим в переднюю ось' [29], значения которых явно близки к с.-хорв. *piska*.

Корневой вокализм с.-хорв. *piska* двусмыслен: здесь возможны и праслав. **i*, и праслав. **y*. Так же обстоит дело, в конечном счете, и с болг. *пыска*, *пысек*, поскольку известно, что написание через *ы* у Герова может соответствовать как этимологическому **y*, так и этимологическому **i* [30]. Следовательно, сближение чеш. *pisk* (где *i* может восходить к праслав. **i*, но не к **y*) с с.-хорв. *pisk* и болг. *пыска*, *пысек* (где исконное **i* также возможно) в отноше-

[26] J. Zubatý. Studie a články. Svazek I, část 2. Praha, 1949, стр. 130.
[27] Mühlenbach-Endzelin XXIV, стр. 230; Фасмер III, стр. 271. — Мое внимание на эту латышскую лексику обратила С. М. Толстая.
[28] RJA IX, стр. 877.
[29] Геров IV, стр. 404—405.
[30] Геров I, XLII_1 (предисловие к фототипическому изданию 1975 г.).

нии формы вполне правомерно. Что же касается семантического плана, то для оценки соотношения этих лексем представляется существенным употребление русск. *пни*, *пеньки* для обозначения зародышей перьев у птиц. Аналогичным образом можно представить себе и историческую иерархию значений анализируемых слов: более древней в таком случае является семантика сербохорватских и болгарских слов — 'кол, обрубок дерева, клин', а чешское значение — более позднее. Или все зафиксированные значения — производные от какого-то более древнего значения. Но в обоих случаях при описанном наборе значений в основе первичной мотивации вряд ли мог лежать признак полости и потому гипотеза Зубатого о родстве чеш. *pisk* с **piskati* становится маловероятной.

При определении других возможных источников предполагаемого праслав. **piskъ*/**piska* представляется целесообразным обратиться к гнезду праслав. **pьx-*/**pix-*. Глаголы этого гнезда выступают в славянских языках не только со значением 'толочь', но и 'толкать', 'совать', а эти последние значения могут быть непосредственно соотнесены с семантикой с.-хорв. *pisk* в Посавье — 'кол, которым т о л к а ю т тяжелые предметы' (см. выше) и болг. *пыска*, *пысек* 'клин, в с т а в л я е м ы й в дышло'. Ср. аналогичные функциональные характеристики, лежащие в основе слав. **kolъ*, **klinъ* — собственно 'то, чем колют, раскалывают'.

С другой стороны, семантика гнезда **pьx-*/**pix-* 'толкать', 'совать' имеет точки соприкосновения с 'колоть': ср. **pěšьn'a* 'вид лома'. Если сопоставить с этим образование русск. *будыль*, *будылка* 'пенек, кол, тычина, тычок, сошка, подпорка; ствол крупного травянистого растения, стебель'[31] от глагола **bosti*, **bodǫ* 'колоть', то становится вероятной и иная первичная мотивация **piskъ*/**piska* в связи с **pьx-*, а именно — 'колючий, острый (обрубок)', откуда далее и 'зародыш или стержень пера', и 'кол, деревце, прут, клин'.

В словообразовательном плане слав. **piskъ*/**piska*, если принять предположение о его связи с гнездом **pьx-*/**pix-*, толкуется как производное с суффиксом *k*, перед которым закономерно сохраняется (не изменяясь в *x*) согласный *s*, исконно завершающий этот славянский корень (ср. и **pěstъ*). Трудно, однако, отождествить производящую основу слова. Наиболее вероятно отглагольное образование, но вряд ли производящей основой был итеративный глагол **pixati*, так как долгота в итеративе имела циркумфлексную интонацию, а с.-хорв. *pȉska* свидетельствует об исконном акуте в имени.

Таким образом, для слав. **piskъ*/**piska* предполагается иная, чем для лтш. *pīkste*, первичная семантическая мотивировка и соответственно иные этимологические связи. Что же касается

[31] Д а л ь[2] I, стр. 136.

предложенного Зубатым сопоставления чеш. *písk* с др.-инд. *piccha-*, то оно вызывает сомнения вследствие различия корневого вокализма (краткость в древнеиндийском!) и неясности древнейшего значения и ближайшего родственного окружения древнеиндийского слова [32].

**ščeka, *gološčekъ / *gološčeka* и **čekati, *čeka*

Праславянское имя **ščeka* и производное от него **paščeka* реализуются в славянских языках в качестве названий щеки, челюсти или пасти, рта: ср. русск. *щека́*, диал. также (вост.-сиб.) 'крутой скалистый берег реки', 'каждая из боковых частей жома, тисков' [33], укр. *щока́* 'щека', блр. *шчака* 'щека', польск. *szczęka*, стар. *szczeka* 'челюсть', диал. (рыбацкое) 'вогнутая сторона сети, образующая тайник', *szczęki* 'щеки', 'уста' [34], слвц. диал. *śčeka* 'челюсть' [35] и русск. *па́щека* 'челюсть и щека у зверя' [36], укр. *паще́ка* 'пасть', *пащеки* 'лицевые скулы', блр. *па́щека* 'челюсть, особенно нижняя', польск. *paszczęka* 'пасть, зев', чеш. морав. *paštěka*, *paščeka* 'рот' [37], слвц. диал. *paśčeka* 'челюсть' [38].

Все три значения: 'щека', 'челюсть' и 'пасть, рот' — представлены как в продолжениях **ščeka*, так и в продолжениях **paščeka*. Поэтому трудно установить исконное значение **ščeka* и семантическое отличие от него префиксального **paščeka*. Опираясь на характерные для отыменных образований с префиксом *pa-* значения, можно лишь предположить, что **paščeka* обозначало нечто, характеризующееся по отношению к предмету, обозначенному **ščeka*, как близко расположенное (ср. *голень* — *паголенок*) или меньшего размера (ср. *труба* — *патрубок*) или отросток, ответвление (ср. *рой* — *парой*) или сходное, похожее (ср. *груздь* — *пагруздь*) или плохая разновидность, с оттенком осуждения (ср. укр. *кінь* — *пакінь*) [39]. Очевидно, что, если бы различие значений **ščeka* и **paščeka* заключалось в противопоставлении 'щека' — 'челюсть' ('рот'), то для реконструкции первичной мотивации **paščeka* больше всего подошла бы характеристика по близкому расположению, по смежности (независимо от направления развития значения: 'щека' → ... или 'челюсть' → ... и т. д.). Но при наличии всех трех значений в рефлексах **ščeka* приходится признать возможным осуществление

---

32 Mayrhofer 12, стр. 271.

33 Даль² IV, стр. 652—653. — Впрочем, такие переносные значения представлены и во многих других славянских языках.

34 Варшавский словарь VI, стр. 586.

35 F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 217 (далее — Buffa, Dlhá Lúka).

36 Даль² III, стр. 27.

37 Kott II, стр. 506—507.

38 Buffa. Dlhá Lúka, стр. 194.

39 См. характеристику значений префикса *pa-* в работе: Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях приименной приставки *па́-* в славянских языках. «Ученые записки Института славяноведения», т. IX, 1954, стр. 220—221.

этого развития значений уже в имени *ščeka по отдельным славянским диалектам. Что же касается *paščeka, то для него можно предполагать первоначально оттенок осуждения (ср. русск. *пащека* 'челюсть и щека у зверя'), впоследствии стершийся.

Связь между обозначениями челюсти и щеки хорошо известна в индоевропейской лексикологии[40]. Существенно, что при объединении в одной форме значений 'щека' и 'челюсть' мотивировка названия нередко ориентирует исследователя на исконность значения 'челюсть', так как опирается на глаголы со значением 'жевать' или 'кусать', например: др.-англ. *cēace*, *cēce* 'щека' и 'челюсть' образовано от др.-англ. *cēowan* (ср. др.-в.-нем. *kiuwan*, ст.-слав. жьвати), голланд. *kaak* 'щека', 'челюсть', ср.-н.-нем. *kake* и *keke*, норв. *kjake* родственны н.-перс. *gazīdan* 'кусать'[41]. И для славянских языков актуальна зависимость названия челюсти от глаголов 'жевать', 'кусать': ср. польск. *żuchwa*, кашуб. *žuχav'ica* 'челюсть'[42], производные от **žuxati* 'жевать'. Представляется, что и вопрос о происхождении слав. **ščeka* может быть решен аналогичным образом.

Относительно этимологии **ščeka* было высказано несколько гипотез. Предложенное Горяевым сопоставление с русск. *щегла* 'скула, жабра' вызывает возражения в плане фонетических соотношений. Педерсен предположил связь слав. **ščeka* с др.-исл. *skegg* 'борода, окончание носа судна', *skagi* 'мыс'[43]. Эта гипотеза опирается на известную возможность семантической производности названий частей человеческого тела от названий предметов сходной формы (ср. слав. **golva*) и хорошо согласуется, например, с употреблением русск. *щека* в значении 'крутой берег реки'. Однако эта семантическая связь нередко осуществляется и в обратном направлении — от названия части тела к названию предмета (ср. *нос* 'мыс').

Еще одно направление в толковании генетических связей **ščeka* наметил Брандт: он связал название щеки с польск. *szczekać*, чеш. *štekati* 'лаять', предположив, что глагол **ščekati* имел значение собственно 'шевелить щеками'[44]. Связь польск. *szczęka*, *szczeka* и *szczekać* признавал и Брюкнер[45]. Дальнейшая разработка этой гипотезы принадлежит Якобсону: он генетически объединил польск. *szczekać* 'лаять', русск. *щекотать* 'щебетать', *щекать* 'бойко говорить, тараторить, трещать, тявкать', русск. *щекотать* 'раздражать кожу легким прикосновением', ст.-слав. скъкътати 'titillare' и русск. *скочить*, *скакать* и присоединил сюда же русск. *щека*, связывая

---

[40] Buck, стр. 220.
[41] Buck, стр. 221—222.
[42] Sychta VI, стр. 316.
[43] H. Pedersen. Przyczynki do gramatyki porównawczej językow słowiańskich. MPKJ t. 1, z. 2, стр. 171—172; Фасмер IV, стр. 499.
[44] Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. — РФВ XXIV, № 4, 1890, стр. 191—192.
[45] Brückner, стр. 543.

его с *щекать* 'тараторить' (поскольку у говоруна щеки движутся, скачут)[46].

В этой последней версии некоторые моменты представляются спорными: например, сомнительна принадлежность к рассматриваемой группе глагола *скочить* и толкование первичной мотивации *щека* как движущейся части лица. Однако существенно установление опосредованной связи между *щека и щекотать*, что позволяет иначе взглянуть на этимологическое значение слав. **ščeka*.

Русск. *щекотать* принадлежит к гнезду слав. **šček-* / **ščьk-*/ **ščik-*, глаголы которого представляют значения 'дергать', 'щипать', 'рвать', 'кусать', 'колоть': ср. с.-хорв. диал. *čökat* 'клевать', словен. *ščekáti* 'доить', чеш. *ščikati* 'рвать листья с деревьев на корм скоту', диал. морав. 'небрежно жать', польск. *szczykńąć*, *szczknąć*, *szczykać* 'ущипнуть, сорвать (травинку, цветок и т. п.)', редк. 'глотнуть, сшить, наметать наскоро', русск. *чкать*, *чкнуть* 'ударить, бить, стучать', псков. *щекану́ть* 'уколоть', вост. *щечить* 'теребить, дергать, брать, щипать; таскать украдкой', др.-русск. *ущькнути* 'ущипнуть', укр. *щакати* 'раскалывать (дерево)', блр. *щыка́ць*, *щыкануць* 'щипать'[47]. К числу производных имен этого гнезда принадлежит, например, кашуб. *úščkńica* 'жадная, ненасытная женщина'[48]. Представляется, что в пределах гнезда **šček-* / **ščьk-* / **ščik-* на базе семантики 'щипать', 'рвать', 'кусать' возникло и слав. **ščeka*, исконно — название челюсти, обозначенной как 'кусающая, рвущая (часть лица)'.

Такое толкование первичной семантики и этимологической мотивации слав. **ščeka* позволяет объяснить материальное тождество этого имени и второй части сложения **gološčekъ*/**gološčeka*, продолжениями которого являются русск. *голощок* курск., орл., тульск., калуж. 'гололедица', южн. 'чистый, тонкий лед без снега'[49], укр. *голощо́к*, *голощі́к* 'гололедица, лед, обнаженный от снегу'[50], блр. диал. *галашчо́ка* 'земля без снега, покрытая льдом, гололедица'[51]. Это сложение может быть сопоставлено по структуре со словен. *golosèk* 'сплошная вырубка леса'[52] и понято как родственное во второй своей части с тем же гнездом **šček-*, а этимологическое значение **gološčekъ*/**gološčeka* в таком случае — 'наголо ободранная, очищенная (поверхность)'.

---

[46] Р. Якобсон. Ущекоталъ скача. «Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky». Helsinki, 1965, стр. 84—85.

[47] Ж. Ж. Варбот. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 108—109.

[48] Sychta VI, стр. 37.

[49] Филин 6, стр. 330.

[50] Гринченко I, стр. 305.

[51] А. М. Прышчэпчык. Лексіка Свержаньскай гаворкі. «З народнага слоўніка». Мінск, 1975, стр. 76; Л. Ф. Шаталава. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975, стр. 37 (далее — Шаталава).

[52] Pleteršnik I, стр. 229.

Впрочем, не исключена и возможность довольно позднего образования русск. *голощок* и под. от *щека* как от обозначения части лица: ср. *голощёк* 'безбородый', упоминаемое Дикенманом [53]. Если это значение не является реконструкцией автора (оно приведено без указания источника и отсутствует в диалектных словарях), то семантика 'гололедица, земля без снега, покрытая льдом' — результат вторичного развития.

И еще одно имя можно этимологически сблизить со **ščeka*. На базе глагольных значений 'колоть', 'драть', 'щипать' в славянских языках нередко развиваются именные 'палка', 'щепка', например: **kolъ*, **ščepa*. Подобное развитие реально и для гнезда **šček-*: сюда принадлежит с.-хорв. *štika* 'щепка, заноза' [54]. Поэтому представляется вероятным рассмотрение в связи с данным гнездом и русского слова *чека* 'стержень, клин, вкладываемый в отверстия осей или болтов'. Семантическая мотивировка его на фоне гнезда **šček-* может быть понята двояко: 'нечто отщепленное, отколотое' и (что более вероятно) 'колющее, вонзающееся' (ср. принадлежащее к гнезду **šček-* русск. диал. *щекунец* 'муравей' [55]).

Специального объяснения требует форма слова *чека* — его начальное *č* при обычном для данного гнезда *šč*. Начальное *č* встречается и в некоторых глаголах гнезда **šček-*, но преимущественно при исконном вокализме в ступени редукции, так что начальное *č* может толковаться как следствие вторичного упрощения *šč* в соседстве с другим согласным (*k*): ср. польск. *czkać* 'икать', с.-хорв. *čkȁti* 'ковырять в зубах', русск. *чкать* 'ударять, бить' (откуда далее *чикать, чикнуть*) [56]. Существенно, однако, что *č* представлено также в глаголах с исконным полным вокализмом в ступени **e*: так могут быть истолкованы болг. диал. *чѐкам* 'тыкать, колоть' [57], с.-хорв. диал. *čȍkat* 'клевать' [58] и *čȅknuti* 'щипнуть' [59]. Близость значений этих глаголов к семантике **šček-* является вполне реальным основанием для предположения об их генетическом единстве с данным гнездом. В таком случае структурные различия между **ček-* (< **kek-*) и **šček-*

---

[53] E. Dickenmann. Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen. Leipzig, 1934, стр. 211.

[54] RJA XVII, стр. 790.

[55] Иванова. Подмоск., стр. 549.

[56] Так толкует эти формы Славский (См. Sławski I, стр. 122), возражая против реконструкции **čьkati*, предложенной Бернекером (Berneker I, стр. 166).

[57] ЭССЯ 4, стр. 36—37 (**čekati* II). — Глагол рассматривается как звукоподражательный, связанный в конечном счете с **čekati* I ('ждать'). Как звукоподражание, вне всякой связи со **šček-*, его толкует и Słownik prasłowiański II, стр. 123 (*čekati* 2).

[58] L. Zore. Paļetkovaņe. «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», knj. 138, 1899.

[59] RJA I, стр. 925. — В ЭССЯ 4, стр. 37 (**čeknǫti*) и Słownik prasłowiański II, стр. 123 (**čekati* 2) с.-хорв. *čȅknuti* толкуется как глагол звукоподражательного происхождения, соотносительный с **čekati*.

(< **skek-*) сопоставимы с вариантностью в гнездах **(s)kel-*, **(s)kep-*, **(s)kem-* и объясняются, как и в последних, функционированием *s*-mobile, породившим в славянских языках многочисленные примеры структурного расхождения родственных лексем. Если же в глаголах гнезда **šček-* реконструируется вариантность начальных *šč/č*, то правомерно включение в данное гнездо и русск. *чека* < **čeka*. В пределах гнезда **šček-* русск. *чека* оказывается самым тесным образом связанным с **ščeka*: их различает лишь наличие/отсутствие *s*-mobile.

Корневое русск. *чека* не имеет соответствий в других славянских языках, но для родственной и семантически тождественной суффиксальной лексемы русск. *чекот* такое соответствие есть — это макед. *чокотка* 'прут', *чекутка* 'травинка' [60]. Начальное *č* этих имен подтверждает вероятность предположения о древнем происхождении *č* в русск. *чека* и его связи с функционированием *s*-mobile и позволяет поставить вопрос о древности родственных форм с начальным *č* в русских сибирских говорах: ср. *чекота́ть* 'щекотать', *чеко́тно* 'щекотно' [61], *чекотли́вой* 'осторожный, боязливый' [62].

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. VII.

(С.-хорв. *осуга*, болг. *краса́т, краса́ф*, слав. **terzvъ*)

С.-хорв. *осуга*

С.-хорв. диал. *осуга* 'лента, тесьма', зафиксированное Загребским словарем [1], приводится Скоком без этимологического толкования [2]. Слово представляется любопытным и заслуживающим подробного рассмотрения.

Прежде всего нелишне отметить, что в Словарях Шулека и Поповича, цитируемых составителями Загребского словаря, значение лексемы *осуга* передается с помощью таких слов, как нем. *Band* ('лента, тесьма', 'завязка') и лат. *ligamentum* ('завязка, пере-

---

[60] ЭССЯ 4, стр. 37 (**čekotъ*).
[61] Словарь Оби 3, стр. 223—224.
[62] Там же, Дополнение II, стр. 263.
[1] RJA IX, стр. 292.
[2] S k o k II, стр. 573.

вязь’)[3], которые соответственно родственны глаголам *binden* и *ligo* ‘связывать, соединять’. Можно указать и другие примеры, демонстрирующие производность значения ‘лента (тесьма)’ от ‘связь, скрепа’ (далее — к ‘завязывать, стягивать’): чеш. *stuha* ‘лента, шнурок’, польск. *wstęga*, *wstążka* ‘лента’, русск. *стуга* ‘связь, скрепа’, др.-русск. *сътуга* то же и т. д. — из **sъtǫga* (к **tęgnǫti*, **tęga*)[4]; словен. *vezalka* ‘тесемка’[5] — к **vęzati*, см. еще у Срезневского *съвѫзьнꙗ* ‘связь, тесьма’[6]; ср. также с.-хорв. *трâк* ‘лента, полоска’ и польск. *troki* ‘ремни, веревки, завязки’, н.-луж. *trok* ‘завязка, веревка для ноши’, лтш. *tẽrka* ‘веревка для прикрепления буйков к рыбачьей сети’ и т. д.[7] Исходя из указанной семантической модели ‘лента’ < ‘связь, скрепа’ < ‘связывать, стягивать, скреплять’, можно предполагать, что с.-хорв. *осуга* ‘лента’, реконструируемое как **o-sǫga*, производно от **o-sęgti* (**o-sęgati*, **o-sęgnǫti*) (см. с.-хорв. *опсéгнути* ‘охватить’, ст.-чеш. *osieci* то же и др.) и первоначально означало ‘то, что охватывает, стягивает’. Важным аргументом в пользу данного сопоставления служит наличие ряда слов, которые, будучи семантически близкими к сербохорватскому *осуга* и несомненно восходя к тому же **sęgti* (**sęgati*, **sęgnǫti*) ‘протягивать руку, касаться, хватать, достигать’ (: русск. *сягáть* ‘доставать, достигать’ и др.), демонстрируют корневой вокализм, присущий производящему глаголу (**ę*), а, следовательно, являются более поздними, чем имеющее корневое **ǫ* с.-хорв. *осуга*, образованиями. Это русск. арханг. *ся́га* ‘веревка, на которой стягивается с поперечной стороны поезд (плавная сеть)’[8], новг. *сяг* ‘усик’ (зоол.) и ‘деревянный крючок’[9]. Показательно, что значения, сходные с теми, которые отмечены у с.-хорв. *осуга* и перечисленных выше русских слов (‘лента’, ‘веревка’, ‘крючок’), характерны и для некоторых слов иных индоевропейских языков, так же, как слав. **sęg-* (**sǫg-*), восходящих к и.-е. гнезду **seg-* (**seng-*) ‘прикреплять, касаться’: нем. *Senkel* ‘шнурок (для ботинок)’, лит. *sãgas* ‘петля’, *sagà* ‘застежка’, ирл. *suanem* (**sogn-*) ‘канат’[10]. Итак, с.-хорв. *осуга* ‘лента’ (**osǫga*) производно от **o-sęgti* (**o-sęgati*) ‘охватывать’. В связи с этим выводом уместно напомнить краткую ремарку Ф. Миклошича («осѧгъ ‘tactus’... cf. *osuga* ‘Band’»)[11], которая, не будучи подкрепленной аргументами, не привлекла к себе внимания исследователей и не нашла отражения в этимологической литературе.

Интересно, что с.-хорв. *осуга* имеет точные формальные соответствия в других славянских языках, которые, однако, зафикси-

---

[3] RJA IX, стр. 292.
[4] Фасмер III, стр. 786.
[5] J. Pretnar. Rusko-slovenski slovar. Ljubljana, 1973, стр. 863.
[6] Срезневский III, стлб. 665.
[7] Фасмер III, стр. 85.
[8] Подвысоцкий, стр. 170.
[9] Картотека Новгородского ГПИ (Выписки В. А. Меркуловой).
[10] Фасмер III, стр. 825; Pokorny I, стр. 887—888.
[11] Miklosich LP, стр. 526.

рованы там с совсем иными значениями. Так, укр. *осуга* 'на поверхности жидкости плавающие слои жира, налет на воде, ржавчина на воде' [12], несмотря на его существенное семантическое отличие от сербохорватского слова, также с полным правом производится Ж. Ж. Варбот от **sęgti* (с ссылкой на русск. волог. *осягáться*, арханг. *осяжáть(ся)* 'оседать'), впрочем, как и ст.-чеш. и чеш. диал. *osuhlý* 'пасмурный', слвц. *osuhel'* 'иней' [13], которые связывал с **sęgti* еще Зубатый [14], но против чего возражал Махек, считавший, что чешское слово могло прийти из польского, где *osęgły* 'дождливый', якобы, развилось из **osędły* (от диал. *oszedzieć* 'поседеть') [15], что не кажется убедительным.

Заметим, что лексема *осуга* отмечается в украинском и с другими значениями: 'налет на губах (от жажды, при высокой температуре)' [16], 'осадок в (растительном) масле' [17], а уменьш. *осужка* значит также 'сливки, сметана' [18]. Причем, думается, что, кроме изложенного выше семантического объяснения 'налет на воде' < 'осадок' (ср. приведенные выше русск. диал. *осягáться*, *осяжáть(ся)* 'оседать, осаживаться'), которое кажется особенно подходящим для значения 'осадок (в растительном) масле', можно предложить и несколько иное толкование: 'налет на воде', 'налет на губах', 'сливки, сметана' как 'то, что стягивает, обметывает, охватывает, связывает'. См. показательные в данном отношении примеры: укр. *узá* 'жирный налет на воде' [19] и русск. *узá* 'пчелиная смола, масса, которой пчелы защищают внутренность улья от света и воздуха', причем последнее возводится к **vǫza*, родственному словам *ýзел* и *вязáть* [20]; с.-хорв. *пȍвлака* 'сливки', 'пенки' и *нȁвлака*, *нâвлака* 'налет на языке', соответственно — к *пову́ħи* 'потянуть; вытащить' и *наву́ħи* 'стянуть, натянуть, собрать' [21].

К указанным сербохорватскому и украинскому словам, восходящим к **osǫga*, следует также присоединять зафиксированное Махеком слвц. диал. *osuha* 'иней, сырой туман' [22] и приведенное составителями Белорусского этимологического словаря блр. диал. *асуга* 'пот', 'иней', которое (вкупе с украинской и чешской лексемами) интерпретируется здесь по-иному — как образование с помощью суффикса *-ga* от глагола **osuti* 'обсыпать' (что касается

---

[12] Гринченко III, стр. 73.
[13] Ж. Ж. Варбот [Рец.:]. V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.—«Этимология. 1970». М., 1972, стр. 380.
[14] J. Zubatý. Studie a články. Praha, 1945, I, 1, стр. 167—170.
[15] Machek², стр. 421.
[16] Укр.-рос. словник III, стр. 173.
[17] А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, стр. 54.
[18] Гринченко III, стр. 73.
[19] Гринченко IV, стр. 323.
[20] Фасмер IV, стр. 152.
[21] Толстой¹, стр. 612, 428, 615, 430.
[22] Machek¹, стр. 344.

сербохорватского слова, то тут специально отмечается, что проблема его родства с рассмотренными выше примерами остается нерешенной)[23].

Итак, на основе семантически отличающихся, но этимологически сводимых к единому корню *sǫg- (//*sęg-) слов можно констатировать праславянскую лексему *osǫga, континуанты которой представлены в с.-хорв.-укр.-блр.-слвц. ареале. Кроме того, необходимо указать, что, наряду с *осуга*, в украинском засвидетельствовано и беспрефиксальное существительное *сугá* (с тем же, что и *осуга*, значением)[24], с которым, возможно, следует сопоставлять болг. диал. *сѫгъ* 'плесень на поверхности вина'[25] — и тогда *sǫga — также вероятное праславянское образование ограниченного распространения.

Болг. *красáт, красáф*

В болгарских говорах отмечены любопытные примеры со значением 'кисловатый' — *красáт*[26] и *красáф*[27] (причем первое из указанных слов зафиксировано и в македонском языке[28]), которые, по-видимому, не обращали на себя внимания этимологов и нуждаются в интерпретации.

Чтобы решить проблему соотнесения данных лексем с тем или иным славянским гнездом, необходимо прежде всего проанализировать примеры с аналогичными значениями ('кислый', 'терпкий', 'горький') для выявления существующих семантических моделей, в соответствии с которыми образуются соответствующие слова. И тогда выясняется, что значения 'горький', 'прогоркнуть' могут быть связаны с 'гореть, жечь' (см., в частности, слав. *gorьkъ — к *gorěti, словен. *grének* (*grěnъkъ) — к *grěti и др.; с.-хорв. *ужéћи се* 'зажечь' и 'прогоркнуть' и болг. диал. *вжúза се* 'прогоркнуть (о масле)' — к *žegti, *žigati) или (реже) — с 'резать' (лит. *kartùs* 'горький', родственное славянскому *čersti 'резать'[29]). Причем часто одно и то же слово может значить 'терпкий' и 'горький' или 'терпкий' и 'кислый', а иногда и все три «острые» вкусовые ощущения — 'кислый', 'терпкий', 'горький', причем такие лексемы обычно связаны с глаголами с семантикой 'резать, сечь, драть...' Это, например, др.-русск. ц.-слав. *бридъкыи* 'терпкий, острый, кислый, горький'[30], которое производно от глагольной основы *bri-* (*briti)[31], русск. *тéрпкий* 'кислый, вяжущий'[32], блр.

[23] Этимологический словарь белорусского языка, I (рукопись).
[24] Гринченко IV, стр. 225.
[25] Д. Евстатиева. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, стр. 229.
[26] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 192.
[27] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, стр. 181.
[28] И-С, стр. 228.
[29] Фасмер II, стр. 336.
[30] Срезневский I, стб. 178.
[31] Berneker I, стр. 86; Фасмер I, стр. 214; ЭССЯ, вып. 3, стр. 29.
[32] Даль² IV, стр. 401.

це́рпка, нареч. 'кисло'[33], с.-хорв. *тр̏пак* 'терпкий'[34], кот. обычно связывают с **tьrpěti*, **tьrpnǫti* 'цепенеть'[35], что, однако, не исключает возможности его сопоставления с с.-хорв. *тр̏пати* 'набивать, напихивать'[36] — ср. восходящие к слав, **daviti* 'душить, давить' русск. диал. *да́йки* 'терпкий, вяжущий', блр. *да́йкі* 'терпкий', с.-хорв. диал. *да̀вљика* 'фрукты с терпким вкусом'[37]. Как можно отсюда заключить, значение 'давить, пихать' также является производящим для 'терпкий', 'кислый'. См. ряд примеров, когда значение 'кислый' (иногда вкупе с 'терпкий') вырастает из более общего 'острый, резкий (о вкусе)', которое, в свою очередь, часто производно от 'резать, сечь': см. с.-хорв. *рѐзак*, *рѐскӣ* 'острый, едкий, кислый'[38], укр.-блр. (полесск.) *рыз*[с]*кыј* 'резкий, острый, жесткий, колючий' и 'кислый'[39] — к **rězati*, ср. с.-хорв. *рѐзити* 'кислить, иметь кисловато-сладкий вкус; пощипывать язык'[40]; алб. *át-hëtë* 'терпкий, кислый', родственное русскому *острый*, литовскому *aštrùs* то же, латинским *ācer*, *ācris* 'острый, пряный, резкий, едкий' и *ăceo*, *-ēre* 'быть кислым (о вине)' (ср. и франц. *aigre* 'кислый, терпкий, острый', 'резкий', 'ломкий' — от нар.-лат. **acrus*, лат. *acer*) — к и.-е. **ak̂-* (**aq-*) 'быть острым'[41]; см. лит. *skir̃bti* 'делаться кислым', родственное праславянскому **ščьrba*, латышскому *šķir̃ba* 'трещина, щель' и *skar̃bs* 'острый, грубый'[42], а также с.-хорв. *у̏секнути* 'скиснуть (о вине)' и 'высечь (огонь)'[43]. Итак, значение 'кислый' чаще всего производно от 'резкий, острый; резать', а, следовательно, родственные для *краса́т* и *краса́ф* образования нужно искать скорее всего среди слов именно этой семантической сферы.

Что касается структуры исследуемых прилагательных, то ее следует определить, как корень+суффикс (*крас-ат*, *крас-аф*), причем корень можно, по-видимому, реконструировать как **kors-* < и.-е. **kort-s-* — к **(s)kert-s-* 'поперек, через' ('в поперечном разрезе'), от **(s)ker-t-*, далее — к **(s)ker-* 'резать'[44]. Ср. указанное выше лит. *kartùs* 'горький', столь близкое семантически словам *краса́т* и *краса́ф* ('кисловатый'), которое также восходит к **(s)ker-* (**(s)ker-t-*) 'резать'. С рассматриваемыми прилагательными, очевидно, сопоставим болгарский диалектный глагол *за̀краса* 'сломать, повредить, испортить, избить; испачкать'[45]

---

[33] Сцяшковіч, стр. 538.
[34] Толстой[1], стр. 956.
[35] Фасмер IV, стр. 49.
[36] Толстой[1], стр. 956.
[37] ЭССЯ, 4.
[38] Толстой[1], стр. 824.
[39] Лексика Полесья, стр. 64.
[40] Толстой[1], стр. 824.
[41] Фасмер II, стр. 166—167; Преображенский I, стр. 666—667; Dauzat, стр. 19—20.
[42] Фасмер IV, стр. 503—504.
[43] Толстой[1], стр. 1013.
[44] Pokorny I, стр. 949—950.
[45] Ст. Илчев. Към ботевградската лексика. — БД I, стр. 191.

(учитывая значения 'сломать, избить', возможность его родства с болг. *крася́* 'украшаю' менее вероятна). Кроме того, *краса́т* и *краса́ф* оказываются родственными еще целому ряду слов с иными, но также выводимыми из 'резать' значениями. Это интерпретированные В. А. Меркуловой др.-русск. *вскоросъ* (**vъz-korsъ*) 'курносый' (< '*обрезанный'), русск. диал. *скоро́сый* 'сердитый, вспыльчивый, сварливый' и укр. бойк. *корос* 'через' [46]. См. арханг. *скоро́сой* не только 'вспыльчивый, горячий,' но и 'скоропостижный' [47], яросл. 'торопливый', яросл. *скоро́с* 'тороплив, нетерпелив', *скоро́с*, м. 'человек неровного характера, вспыльчивый', *скоро́соватый* 'горячий, вспыльчивый' [48], череп. *сукоросный* 'капризный, сердитый, ворчливый' [49]. Не исключено, что сюда же следует присоединять и полесск. *уз-корос-ень* (**vъz-kors-ьnь*?) 'загнутая часть полозьев у саней' [50], формально близкое указанному выше *вскоросъ* (**vъz-kors-ъ*), а семантически выводимое, возможно, из 'вздернутый (курносый' (нос) также собственно 'вздернутый, задранный кверху'). Тогда встает вопрос, не может ли быть к нему присовокуплено и полесск. *ко́рса* 'загнутая часть полоза в санях'. 'полоз в санях', 'обруч в форме полукруга, употребляющийся при сооружении пастушеской хижины' [51] (см. укр. *ко́рса* 'полоз саней' [52]), которое восходило бы при такой интерпретации к другой ступени того же корня — **kъrs*-? Однако следует учесть, что Онышкевич, по-видимому, придерживается иного мнения по этому поводу, сравнивая укр. *ко́рса* с польским *korca*. Тем не менее ступень **kъrs-* все же, очевидно, представлена в русском *корсо́к* (икры?) 'ломоть, кусок' [53] (< **kъrs-ъkъ*), как, по-видимому, и в некоторых других славянских языках: см., в частности, чеш. *krsati* 'изнашиваться, худеть, гибнуть', *zakrslý* 'малорослый, недоразвитый физически', *zakrsnouti* 'зачахнуть', *zákrsek* 'малорослое дерево' (ср. в семантическом плане ирл. *cert* 'маленький', родственное русскому *коро́ткий* и русск.-ц.-слав. *чрѣсти* 'резать' [54]), которые Махек восстанавливает как **kъrs-*, фиксируя праславянский глагол **kъrsati*, хотя далее толкует его иначе, выводя из **kъrp-sati* (к **kъrpěti*) [55], а не из **kъrt-sati*. См. еще с формальной точки зрения неясное ст.-польск. и

---

[46] В. А. Меркулова. Картотека ДРС и этимологические исследования. «Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы. Октябрь 1975 г. Москва». Вып. 4. «Теория и практика исторической лексикографии». М., 1975, стр. 62.
[47] Подвысоцкий, стр. 158.
[48] Опыт, стр. 205; Мельниченко, стр. 186.
[49] Герасимов, стр. 80.
[50] М. В. Никончук. Лексичний атлас Правобережного Полісся (рукопись). (Выписки В. А. Меркуловой).
[51] Онышкевич, стр. 370—371.
[52] Гринченко II, стр. 288.
[53] Даль² II, стр. 170.
[54] Фасмер II, стр. 336.
[55] Machek², стр. 296.

польск. диал. *korsać* 'толкать, пихать, задевать, подгонять, понукать' [56].

Итак, в славянских языках, очевидно, наличествуют континуанты индоевропейского **(s)ker-t-s-*, (к **(s)ker-* 'резать'), не только в полной ступени **kors-*, но и в редуцированной — **kъrs-*.

Слав. **terzvъ*

О.-слав. и праслав. **terzvъ* 'трезвый' не имеет надежной этимологии. Даже по поводу его возможной праформы высказывались различные мнения: **stverzъ* (Миклошич), **tverzъ* (Торбьернссон), **terzvъ* (Фасмер, Скок, Махек и др.). Что касается существующих этимологических версий, то все они уязвимы. Так, гипотеза Петерссона относительно связи данного слова с греч. ταρχύω 'погребаю' была отвергнута Мейе по фонетическим соображениям [57]. Фасмер также считал ее недостоверной, впрочем, как и мысль Ильинского о родстве **terzvъ* с **storža*, далее — к и.-е. **(s)ter-* 'быть твердым; цепенеть, каменеть' [58] (здесь существенно напомнить, что само **storža* объясняется по-разному, не имея общепризнанной этимологии, и нуждается в дальнейших исследованиях). В свою очередь, Ильинский по семантическим и фонетическим основаниям отклонял сравнение **terzvъ* с др.-инд. *tṛṣu-* 'жаждущий', предложенное Потебней [59]. Это сопоставление не принял и Фасмер [60]. Махек специально указывал, что данное прилагательное чрезвычайно трудно для этимологизации. Сначала он пытался, исходя из предположения о первичности формы **terzbъ* (а не **terzvъ*), реконструируемой им на основании лужицких (*strozby*, *trzozby*) и моравского (*střízbý*) примеров, которые, по-видимому, напротив, вторичны, связать его со **sterb-/*storb-* (укр. *стеребити*, чеш. *třěbiti*; чеш. *strabiti* и др.) [61]. Затем сам же отказался от этой версии и предложил новую, однако еще менее правдоподобную, согласно которой **terzvъ* объединяется с такими далекими в формальном отношении германскими словами, как др.-датск. *edrugh*, др.-в.-нем. *urtruct*, др.-англ. *gedréog*, а также ст.-фриз. *êderskip*, причем эти последние сами являются неясными и требуют специального изучения [62].

Представляется, что исходной праформой следует признать **terzvъ* (она восстанавливается на основе русского *терёзвый*, ст.

---

[56] Варшавский словарь II, стр. 481.
[57] A. Meillet [Рец.:]. H. Petersson. Vergleichende slavische Wortstudien. Lund, 1922. — BSL t. 23, f. 2, 1922, стр. 48.
[58] Фасмер IV, стр. 46.
[59] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. VI. Дцсл. *трѣзвъ* 'νήφων' — Изв. ОРЯС, т. XXIII, кн. 1. СПб., 1918, стр. 135—137; А. А. Потебня. Заметки этимологические и о народной поэзии. — РФВ, т. III, 1880, стр. 101—102.
[60] Фасмер IV, стр. 46.
[61] Machek [1], стр. 482.
[62] Machek [2], стр. 589.

слав. трѣзкъ и др.), тогда как варианты с начальным *s-* (чеш. *s-třízlivý* и др.) и *-b-* на месте *-v-* (морав. *střízbý*, *třízbý* и др.) являются результатом ее последующей трансформации. Вторичный характер начального *s-* в слове *střízlivý* отмечают, например, авторы Чешского этимологического словаря [63], о возможности появления *-b-* на месте первоначального *-v-* (в частности, для лужицких параллелей *strózby*, *strozbny*) пишет Махек [64]. Зафиксированная в русском и украинском форма *тверезый* также, безусловно, поздняя и объясняется обычно как метатезная [65] или появившаяся под влиянием прилагательного *твердый* [66].

Чрезвычайно близким в формальном отношении к **terzvъ* является прилаг. **rězvъ* (русск. *резв-ый* и т. д.), которое связывают с глаголом **rězati* (русск. *ре́зать*) [67]. Это наталкивает на мысль, что и исследуемое нами **terzvъ* также может быть соотнесено с каким-то глаголом, имеющим ту же, что и рассматриваемое прилагательное, огласовку корня. Им, по-видимому, должен быть праслав. глагол **terzati(sę)* (ср. **rězvъ* — **rězati*), который можно реконструировать на основе древнерусского *терезатися* 'терзаться, страдать' и ст.-слав. трѣзати, трѣжꙋ 'терзать', трѣзатися 'терзаться' (см. ступень **torz-* в глаголе *торозати*, *торожꙋ* 'терзать', зафиксированном у Срезневского со знаком вопроса [68]). Представляется, что формальная сторона такой реконструкции не вызывает затруднений, что же касается семантической, то она может быть обоснована следующим образом. Целый ряд примеров дают основание предполагать для **terzvъ* первоначальное значение 'крепкий, здоровый (сильный; бодрый, подвижный)': русск. ряз. *тре́звый* 'трезвый', 'крепкий, здоровый, выносливый, подвижный' [69], пск., твер. *потрезве́ть* 'после долгой болезни сделаться бодрее, сильнее' [70], ст.-слав. трѣзвѣ 'бодро', трѣзвъıи 'сильный, крепкий', 'здравый' (перен.), 'воздержный', др.-русск. *терезвꙑй* 'трезвый, не пьяный' и 'трезвый, здравый' [71] и т. д. Представляет интерес и семантическое сходство глаголов, образованных соответственно на базе прилагательных *трезв* и *резв* — пск., твер. *потрезве́ть* 'после долгой болезни сделаться бодрее, сильнее' (см. выше) и волог. *обрезве́ть* 'выздороветь' [72].

Что касается возможности возникновения на базе исходного признака 'твердый, крепкий' значения 'трезвый' (а также 'це-

---

[63] Holub-Kopečný, стр. 359.
[64] Machek², стр. 589.
[65] Brückner, стр. 581.
[66] Брандт. — РФВ 25, стр. 27.
[67] Фасмер III, стр. 461—462.
[68] Срезневский III, стб. 950; 1025; 982.
[69] Деулинский словарь, стр. 564.
[70] Доп. к Опыту, стр. 207.
[71] Срезневский III, стб. 1026, 950.
[72] А. Шустиков. Сказания и сказки. — ЖСт. год пятый. СПб., 1895, вып. II, стр. 208.

лый' и 'проворный'), то она подтверждается, в частности, такими примерами, как слав. **čitъjь* и родственное ему **čitavъ*, имеющими следующие континуанты: русск. диал. *чи́тый* 'трезвый, не пьяный', блр. диал. *чыты* 'трезвый', с.-хорв. *чи̑т* 'целый', словен. *čȉt*, *čít* то же, а также болг. диал. *чи́тъф* 'здоровый, целый', укр. диал. *чи́тавий* 'крепкий, здоровый, сильный', 'ловкий, проворный', 'работящий, старательный', 'разумный', которые, согласно этимологии Ягича, связаны с лит. *kíetas* 'твердый, крепкий, жесткий', лтш. *ciẽts* — то же [73].

По-видимому, и в нашем случае значение 'трезвый, не пьяный' могло развиться на базе 'крепкий (здоровый)', которое, в свою очередь, производно от 'дергать, рвать; терзать'. Реальность возникновения значения 'крепкий, жесткий, твердый' на основе глаголов, означающих разрушительные действия ('рубить', 'колоть', 'тереть' и т. д.), подтверждается целой серией примеров. Так О. Н. Трубачев признает возможность появления значения 'твердый, жесткий' на основе 'бить, ударять', в частности, применительно к славянскому **čьrstvъ* ('твердый, сухой, жесткий', 'бодрый, ловкий' и др.), который трактуется как прилагательное, образованное от глагола **čersti*, **čьrtǫ* 'рубить (резать)' [74]. См. также блр. *му́лкі* 'жесткий' при *му́ляць* 'тереть, натирать' [75], укр. диал. *що́лно* 'крепко' [76] — к **(s)kel-* 'колоть' и т. д. Кроме того, существенно, что в составе и.-е. гнезда **ter-*, **terə-* 'тереть', в которое входят рассмотренные выше слав. **terzati*, **tьrzati* (с расширителем *-ĝh-*) и **tъrgati* (с велярным расширителем), а также, согласно нашей точке зрения, и слав. **terzvъ*, зафиксированы и другие примеры в значении 'крепкий, жесткий, твердый': см. нов.-в.-нем. диал. *drell*, *drall* 'stark, fest, derb', англосакс. *đearl* 'streng, hart' (ср. ст.-фризск. *thralle* 'быстро') [77].

И еще одно важное обстоятельство, продтверждающее правильность реконструкции для **terzvъ* исходного признака 'твердый' — это факт существования вологодского прилагательного *черé́зовый* 'целый, несоставной' (о дереве, нитке) [78]. Если учесть, что отмечено нижег. *черёзвый* (*черезвый*) 'трезвый' [79], то это облегчает объединение обоих этих примеров под исследуемой праформой **terzvъ*. И в то же время волог. *черé́зовый* 'цельный' свидетельствует, по-видимому, именно в пользу первичности для **terzvъ* значения 'крепкий, твердый, прочный': ср. указанные выше **čitъ*, **čitavъ*, продемонстрировавшие возникновение значений 'целый' и 'трезвый' на базе 'крепкий, твердый'.

---

[73] ЭССЯ, вып. 4, стр. 124; Фасмер IV, стр. 367.
[74] ЭССЯ, вып. 5.
[75] Касьпяровіч, стр. 191.
[76] Малорусские сказки и байки из Галичины. — ЖСт., год пятый. СПб., 1895, вып. III, стр. 455.
[77] Pokorny I, стр. 1072.
[78] Опыт, стр. 256.
[79] Даль [2] IV, стр. 592; Фасмер IV, стр. 338.

И. П. Петлева

К ВОПРОСУ О G-ПРОТЕТИЧЕСКОМ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящая заметка посвящена лишь одному из аспектов данной проблемы, а именно — случаям, когда звук *g* неэтимологического характера появляется в начале слов, начинающихся на сонанты. Ограничение исследования указанной группой лексем вызвано прежде всего тем, что как раз эти случаи собраны и изучены крайне неполно. Правда, отдельные примеры подобного рода и раньше обращали на себя внимание ученых. В частности, в Словаре Миклошича приведены такие случаи, как польск. *gmatać*, *gmatwać* — *matać*, с.-хорв. *гмиљети* — *миљети*, *гњурац*, *гњирити* — *њирити*, укр. *гнуздати* (ср. *узда*, *уздати*), а также чеш. *zánět* — к **gnět-*[1]. Обычно начальное *g-* неэтимологического характера констатируется в славянском **(g)nězdo*, хотя причины его появления объясняются по-разному [2]. Бернекер пытался связать слав. **gnědъ* с лат. *nīdor* 'чад, пар', что, однако, по мнению Фасмера, не объясняет начального *g* [3]. Махек отмечал возможность появления протетического *g* в целом ряде случаев (чеш. *mělký* > *hnělký*, *mzet* > *hnizet* и др.), которые он считал носящими экспрессивный характер [4]. Почти все примеры с возможным *g*-протетическим, представленные в обширной статье Дебеляка, посвященной старым префиксам *ka-*, *ga-*, *ko-*, *go-*, *ha- (h-)*, *ko-*, *sko-*, *če-*, *še-*, двусмысленны и могут толковаться различно [5]. О некоторых, в основном уже известных, случаях появления *g*-протетического и утраты начального этимологического *g* перед *n* палатальным писал Шевелов [6]. Чалыков в статье, посвященной чередованию начальных *g-* : *v-* в славянских языках, указал, что в результате фонетического изменения *ń* > *ḿ* (> *m*) (с.-хорв. *гњио* > *гмио*, болг. диал. *н'урна* > *гн'урна* > *гмурна*) начальный звук *g* неэтимологического характера стал наблюдаться не только перед *ń*, но и перед *m* (болг. диал. *мацам* > *гмацам*, *буца* > *муца* > *гмуца* и т. п.). Он же привел отдельные примеры, в которых *g-* появляется перед другими сонантами — *l*, *v* [7].

---

[1] Miklosich, стр. 67, 422 и др.

[2] Berneker I, стр. 313; Brückner, стр. 146—147; Фасмер I, стр. 420.

[3] Berneker I, стр. 312; Фасмер I, стр. 420.

[4] Machek², стр. 13—14, 171, 386 и др.

[5] A. Debeljak. O mrtvih velarnih predponah. — SR V—VII, 1954. Ljubljana, стр. 169—177.

[6] G. J. Shevelov. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 209.

[7] М. Чалъков. Началното консонантно редуване *g-*: *v-* в славянските езици. «Славистичен сборник. По случай VI Международен конгрес на славистите в Прага». София, 1968, стр. 19—29.

Кроме того, отмечены отдельные случаи «обратного» характера, когда фиксируется отпадение начального этимологического *g* в аналогичных указанным условиях (перед сонантами): **gnětiti*: с.-хорв. диал. *унитити*, чеш. *nítiti*, *záněť* и т. д.; др.-русск. *разънѣвати*, польск. диал. *rozniewać* — ср. русск. (и др.) *разгневать* [8]. Учитывая это явление и основываясь на польском материале, демонстрирующем данный процесс утраты (в частности, перед *l* начальным) этимологического (исконного) *g*, Шустер-Шевц предложил несколько новых этимологий: слав. **lyda*, **lydъka*, **lytъka* < **glyd(ъk)a*, **glyta*; в.-луж. *liwki* 'тепловатый' и др. — к и.-е. **gleū-*/**glīu-* (слав. **glěvъ*/**glivъ*) [9].

В поле зрения исследователей попадали и некоторые другие примеры такого рода, однако данное явление, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении, так как до сих пор не решены многие связанные с ним вопросы и, более того, как мы уже указывали, даже соответствующий лексический материал собран далеко не полностью. Поэтому мы считаем целесообразным и актуальным прежде всего обратиться к дальнейшему выявлению примеров на исследуемую тему.

Любопытно с.-хорв. диал. *гви̏дати*=*ви̏дати* 'врачевать раны знахарством' [10]. Скок приводит в своем словаре лишь *ви̏дати(се)* 'лечить', *ви̏дат* 'доить', *пови̏да(т) (козу)*, *видар* 'лекарь', отмечая, что эти диалектные образования не вошли в литературный язык [11]. Вариант *гви̏дати* 'лечить раны' Скоку, очевидно, был неизвестен. См. еще макед. диал. *видам (се)* 'лечиться' [12]. Скок справедливо сомневается в правильности предлагаемого Миклошичем сопоставления с румынским *a vindecá* 'защищать, спасать' > 'лечить' (от лат. *vindicare* 'освятить'), предпочитая объяснение Мажуранича, связывавшего с.-хорв. слова с праславянским гнездом **vid-*, **věd-*, куда восходит и *видовита трава* 'лечебная трава для глаз, euphrasia officinalis', *ви̏дац* 'вид травы'. Согласно этому, одним из значений глагола *ви̏дати*, как и *ле́чити*, было 'лечить взглядом, магией'. Интересно, что с.-хорв. глагол *глѐдати* 'смотреть' (слав. **ględati*) отмечен в Космете с значением 'массировать живот, вправлять пупок' [13], т. е. собственно 'лечить'.

С.-хорв. диал. *гру̏тати* 'провалиться сквозь лед' [14], видимо, должно быть связано со слав. **rut-* (ср. др.-русск. *сърȣтитисѧ* =

---

[8] Фасмер I, стр. 421; Shevelov. Указ. соч.

[9] H. Schuster-Šewc. Zur Etymologie von č. *lytko*, poln. *łydka* 'Wade' usw. — «Slavia» XXXII, 2, 1963, стр. 176—179; Он же. Серболужицкие этимологии. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 87—88.

[10] РСА III, стр. 219; Толстой [3], стр. 51.

[11] Skok III, стр. 585—586.

[12] J. Тасевски. Зборови од Тетовскиот говор. — МЈ III, 7, 1952, стр. 170.

[13] Skok I, стр. 568.

[14] РСА III, стр. 712.

сърътитисѧ 'ринуться, броситься' [15], русск. диал. *рути́ть* 'ронять, разливать', болг. *ру́тя се* 'падаю', с.-хорв. *rutati* 'отсечь, обрезать', словен. *rutiti* 'ранить', польск. *rzucić* 'бросить', чеш. *routiti* 'низвергаться'). Сюда же, очевидно, относится и приведенное в Словаре Юнгмана ст.-чеш. *hrutiti* 'ломать, рушить', которое и сопоставлялось там с *rutiti* [16], но впоследствии выводилось Махеком из **grutati* (от **greu-/*grou-*)[17]. Думается, что и русск. курск. *ру́тка* 'колодец', которое предположительно толкуется Фасмером как **рудъка* [18], может быть интерпретировано как **rutъka*, ср. полесск. *рутка* 'место, где много источников' [19].

Укажем с.-хорв. диал. *г-миждати=за-миждати* 'сочиться, вытекать слабой струей' [20], русск. диал. *гнедо́тка* 'рыболовная снасть из грубого холста или рогожи, то же, что *недотка*' [21] (ср. пск., твер. *недотка* 'не желающий, чтоб до него дотрагивались, недотыка' [22] и с.-хорв. *нёдотка* 'брак в ткани' [23]) — все к **ne-do-tъkati*; русск. диал. *глузг=лузг* (к *узг*) 'стык глазных век у носа' [24]; польск. диал. *glipki=lipki* 'клейкий', *gljuska=łuska* [25]; в.-луж. *hlin* 'рыба' — к слав. **linъ/ь* [26], н.-луж. *gnizki=nizki* [27]; укр. *гластівка=ластівка* [28], *гмертвец=мертвец* [29] и т. д. Как видим, случаи появления *g*- протетического перед сонантами наблюдаются во всех славянских языковых группах.

Как уже отмечалось, наряду со словами, демонстрирующими присоединение вторичного протетического *g*, существуют примеры противоположного характера, свидетельствующие об утрате этимологически исконного *g* в начале слова перед *r*, *l*, *n* (*m*?). Это чеш. *rabovati* — к *grabiti* [30], словен. диал. *rábje=gráblje* 'грабли' [31], укр. *лазо́к* 'металлическое грузило на сетях'=*глазки́*, мн. 'железные грузила у невода' [32], укр.-блр. (полесск.) *лухы́ј*

---

[15] Срезневский III, стб. 817; Фасмер III, стр. 523; RJA XIV, стр. 344.
[16] Jungmann I, стр. 748.
[17] Machek[1], стр. 436; Machek[2], стр. 533—534.
[18] Фасмер III, стр. 524.
[19] М. В. Никончук. Лексичний атлас Правобережного Полісся (рукопись). (Выписки В. А. Меркуловой).
[20] РСА III, стр. 377; VI, стр. 133.
[21] Словарь Ср. Урала I, стр. 115.
[22] Доп. к Опыту, стр. 141.
[23] Толстой[1], стр. 472.
[24] Даль[2] II, стр. 271; IV, стр. 478.
[25] Linde I, 2, стр. 1312, 710.
[26] Pfuhl, стр. 206.
[27] Мука I, стр. 285.
[28] Гринченко I, стр. 288.
[29] Верхратський, стр. 503.
[30] Machek[2], стр. 503.
[31] Бодуэн де Куртенэ. Терские славяне в север. Италии. 1873 г. Словарный материал. Архив АН СССР, ф. 102, оп. I, № 11, л. 268 (Выписки Л. В. Куркиной).
[32] Гринченко II, стр. 341; I, стр. 288.

'глухой' [33], русск. диал. *лыза* 'большой ком вспаханной земли' [34] и *глыза* 'ком, кусок, глыба' [35]. Очевидно, калуж. *лóтва* 'обжора, объедало' [36], пск. *лóтва* 'обжора' [37] — ср. ряз. *глот* 'питух, опивало' [38], яросл. *глóты* 'жадные старики, ведающие мирскими делами' [39], а также (с экспрессивным *ж*-) челяб. *жглот* 'нелюдимый, жадный человек' [40], смол. *глотвá* 'глотка, горло', костр., онеж. *глот* 'горло, глотка', арханг., волог., костр., курск. 'обжора' костр., яросл. 'жадный человек', арханг., костр. и др. 'пьяница' [41]. Безусловно, приведенный перечень далеко не исчерпывает всего материала и поэтому при дальнейших исследованиях он будет значительно пополнен.

В заключение остановимся вкратце на некоторых соображениях относительно путей появления вторичного (неэтимологического) *g* в начале слов перед сонантами, когда его нельзя объяснять чисто фонетическими причинами. Как уже отмечалось некоторыми исследователями, такое *g* может, в частности, восходить к предлогу *k*-. Так, согласно Дебеляку, трактуется, например, *g* в словенском *gnaditi* (=*naditi*) — ср. с.-хорв. *кнадити* (*при-на-до-к-на-дити*) [42]; аналогичным образом Фасмер объясняет и русск. диал. *гнадобить* 'беречь, копить' (< *к надобе*; ср. *надоба* 'потребность') [43], хотя в данном случае нельзя исключить и возможного взаимодействия с русск. *гонобить* (слав. **gonobiti*); см. еще польск. *gmysli*=*kmysli* < *ku mysli*, *gwoli*=*g woli* < *k woli*, *ku woli* [44]. Кроме того, иногда дублетные формы (с начальным *g* и без него) могут быть результатом различных заимствований. Для некоторых примеров не исключены контаминационные процессы, воздействие близких по звучанию слов. Так русск. диал. *глохтать* (ср. и *лохтать*) объясняется Фасмером как результат контаминации **glъtati* (*глотать*) и **lъkъtati* (*лохтать*) [45], хотя такое толкование не бесспорно.

Попутно коснемся причин появления вторичного вокализованного *g*- — **go*-, **gy*- и т. д. и укажем в качестве одной из них переразложение. См., например, болг. диал. *гибáница* (< **gybanica*) [46], которое, непосредственно соотносясь с *баница* (< **gъba*-

[33] Лексика Полесья, стр. 46.
[34] Картотека Словаря русских народных говоров (Выписки В. А. Меркуловой).
[35] Подвысоцкий, стр. 31; Куликовский, стр. 15.
[36] Даль [2] II, стр. 268.
[37] Картотека Словаря русских народных говоров (Выписки В. А. Меркуловой).
[38] Диттель, стр. 209.
[39] Мельниченко, стр. 51.
[40] Филин 9, стр. 93.
[41] Филин 6, стр. 201, 202.
[42] Debeljak, указ. соч., стр. 173.
[43] Фасмер I, стр. 419.
[44] Linde I, 2, стр. 727, 811.
[45] Фасмер I, стр. 415.
[46] Извлечения из Соф. арх., сделанные О. Н. Трубачевым.

nica), вполне могло послужить основой для выделения начального *ги-* (**gy-*), обнаруживаемого, в частности, в болг. диал. *гиврѣтнѫ* 'опрокинусь, кувыркнусь' [47], ср. еще *гъврѣтнъ* 'выпить одним залпом' [48], а также *гивъртам*, *гавъртам*, толкуемые составителями Болгарского этимологического словаря по-иному [49]. Аналогичным образом на базе переразложения таких слов, как укр. *Говерла* и с.-хорв. *ховрлица*, справедливо интерпретируемых О. Н. Трубачевым из **ob-vьrtl-*, осложненного вторичным развитием протетического придыхания [50], которые впоследствии могли быть соотнесены с беспрефиксальными образованиями типа сербохорватских *вр̑љати*, *вр̑љав* и т. п., могло быть вычленено начальное *го- (хо-)*.

И последнее замечание. Так как наблюдаемые примеры, как правило, фиксируются лишь в каком-то одном из славянских языков (за исключением, по-видимому, сербохорватского *грутати* и чешского *hroutiti*, *hrutiti*), то, очевидно, их следует квалифицировать как сравнительно поздние.

Т. В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(некоторые продолжения праслав. **kъrz-;* русск. диал. *слетъ*)

Некоторые продолжения праслав. **kъrz-*

В северных русских говорах широко распространен глагол *ка́рзать (ко́рзать, корзати)*, *ка́рзи́ть* олонец., каргоп., новгор., вытегор., петрозав., заонеж., белоз. 'рубить, снимать кору с дерева', 'рубить хвою от ели для подстилки скоту', (*карзать деревья*) 'обрубать сучья', (*обкарзать волоса*) 'окорнать', 'худо выстричь волоса на голове'; (*накарзать моху*) 'надрать граблями'; красноуф. 'теребить шерсть'; черепов. 'убирать лен, начиная с сушки и кончая чесаньем' [1].

Впервые на синкретизм значений этого глагола, а именно: 'резать — плести' обратила внимание В. А. Меркулова, расширив

---

[47] Д ю в е р н у а, стр. 349.
[48] Н. К о л е в. По-особени думи в говора на с. Страхилово, Свищовско. — БД III, стр. 297.
[49] БЕР III, стр. 221.
[50] О. Н. Т р у б а ч е в. Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 85.
[1] Д а л ь [3] II, стб. 228; Доп. к Опыту, стр. 77; К у л и к о в с к и й, стр. 34; стр. 41; стр. 107; Я. С в е т л о в. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии). ЖСт, год второй, вып. III, СПб., 1892; Словарь Сред. Урала II, стр. 17; Герасимов, стр. 48.

его ареал в восточнославянских языках включением блр. *ке́рзаць* 'плести' и укр. сумск. *закбрзати* 'заплести пошкоджені місця в лисі, корзині, кошику' [2]. Сюда же можно добавить еще укр. *ко́рзати* 'плести, морщить (в работе)' [3]; 'плохо и очень небрежно выполнять работу' [4]; блр. диал. *скоро́бзяный* 'няякасна, неахайна зроблены (сплецены, вытканы, складзены і інш.)', *скоро́бзяты* 'няякасна, неахайна зрабіць (сплесці, выткаць і інш.)' [5], а также русск. диал. *прика́рзить* новг. белоз. 'кой-как прибить одну доску к другой' [6]; *закарзать* 'заштопать' [7].

Однако относительно происхождения русск. диал. *ка́рзать* 'рубить' нет единого мнения. А. А. Шахматов связывал этот глагол со словен. *kŕzati* 'резать тупым ножом', серб. *кр̏зати* 'стачивать, обтачивать', объясняя при этом вокализм *а* в ударном слоге следующим образом: «Сочетание *ъr* > *ŗ* > *ar*, где *a* — неопределенный звук. Под ударением в слоге, за которым шел слог с *а*, он реализовался в *а*» [8]. Калима считал русск. *карзать* 'обрубать (сучья деревьев)' заимствованием из олон. *karzi-*, вепс. *kaŕźin* то же [9], ему возражал, однако, Фасмер, приводя (как и А. А. Шахматов) южнославянский материал как противоречащий гипотезе о финском происхождении [10].

В. Кипарский, анализируя слав. **kъrzno* 'vestis pellicea', связывал его с укр. *ко́рзити*, *ко́рзати* 'плести, морщить (в работе)', русск. диал. *корзова́тый* 'шероховатый', сербохорв. *kȑzati* 'точить, стачивать', словен. *kŕza* 'плохой нож', *kŕzati* 'резать плохим ножом', *kŕžati*, *kržljati* 'уродовать, искажать', далее с лтш. *kurzât* 'плохо шить, чинить', высказывая при этом сомнения в возможности возведения праслав. **kъrzno* к и.-е. **(s)ker-* 'резать' [11], куда отнес ст.-слав. кръзно Покорный [12].

Однако, кажется, что есть все основания для возведения праслав. **kъrzati* 'резать — плести' (как и восходящего к нему **kъrzno* 'vestis pellicea') к и.-е. **(s)ker-* 'резать — плести' (< **(s)ker-g'-*,

---

[2] В. А. Меркулова. Народные названия болезней, II. «Этимология 1970». М., 1972, стр. 181.

[3] Гринченко II, стр. 283.

[4] В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів, вип. I. Харків, 1960, стр. 50.

[5] Ф. Д. Климчук. З лексікі цэнтральнага Загароддзя. «З народнага слоўніка». Мінск, 1975, стр. 149.

[6] Доп. к Опыту, стр. 212.

[7] Филин 10, стр. 118.

[8] А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми и третье полногласие. Изв. ОРЯС, т. VII, кн. 2. СПб., 1902, стр. 334.

[9] J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Mémoires de la société finno-ougrienne XLIV. Helsinki, 1919, стр. 40.

[10] Фасмер II, стр. 199.

[11] V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Serie B, Bd. 32, N 2. Helsinki, 1934, стр. 97—98.

[12] Pokorny I, стр. 943.

*(s)kr̥g'-; с расширителем g' и возможным вариантом его g). Возможно, сюда же и лтш. *kurzât* 'плохо шить, чинить', с которым связывают также русск. *корзина*[13] (ср. еще русск. диал. *корзинка* 'рогожа'[14]; русск. *короб* 'корзина' также связывается Преведеном с и.-е. **(s)ker-* 'резать' < **(s)kor-bh-*[15]).

Интересно значение слова *корзни* 'корни', служащее подтверждением родства праслав. **kъrzati* с **kora*; оно отсутствует в диалектных словарях и употребляется только в тексте былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник»:

> «Застистал-то Соловей да
> по-соловьему
> Закричал злодей Разбойник
> по-звериному,
> Так все травушки муравы
> уплеталися,
> Да й лазуревы цветочки
> осыпалися.
> Темны лесушки к земле все
> приклонялися.
> Его добрый конь да богатырский
> А он на *корзни* да потыкается»[16].

У праслав. **kъrzati* четко определяется сумма значений: 'резать' — 'плести', 'морщить; портить, плохо шить'; однако, в русских говорах есть глагол *ко́рзи́ться* псков., твер. осташ. 'кочевряжиться, чваниться, бахвалиться'[17]; 'ломаться, упрямиться'[18], вят. 'грезиться, мерещиться, видеться'[19], урал. *ка́рзиться*, сов. *пока́рзиться* 'казаться'. — «Никаво нет, пакарзилась тебе»[20]; *карзиться* вят. уржум. 'чудиться, казаться, представляться'[21].

Значения 'кочевряжиться, ломаться, упрямиться' вполне естественны для глагола с первоначальной синкретической семантикой 'резать' — 'плести'. Для сравнения можно привести русск. *коро́биться*, которое несомненно связано с *короб*, возводимым Преведеном к и.-е. **(s)ker-* 'резать' (*< *(s)kor-bh-*).

К русск. *корзиться* 'кочевряжиться ломаться', вероятно, и *хо́рзать(ся)*, псков. 'чваниться и важничать собою', *хо́рза* 'коза — девка, бойкая'[22], а также *ха́рзи́ть, ся*, псков. 'зазнаваться // сер-

---

[13] M ü h l e n b a c h — E n d z e l i n, burt. XV, Riga, 1926, стр. 326.
[14] Сл. Сред. Урала II, стр. 49.
[15] F. R. P r e v e d e n. Church slavonic *korabь* and greek κάραβος. Language, v. 6, N 4. Baltimore, 1930, стр. 283.
[16] Былины. Вступительная статья, подбор текстов и примечания П. Д. Ухова. М. (Изд. МГУ), 1957, стр. 63.
[17] Доп. к Опыту, стр. 88.
[18] Д а л ь³ II, стб. 417.
[19] Там же.
[20] Сл. Сред. Урала II, стр. 17.
[21] М а г н и ц к и й. Уржум., стр. 26.
[22] Д а л ь³ IV, стб. 1220.

диться и горячиться'; *харзистый* 'заносчивый и бранчивый' [23].

Так, уже Потебня относил русск. *хорзаться* 'чваниться, важничать' к серб. *крзати, -се* 'detero' [24].

Значения 'сердитый, заносчивый', 'бойкий' также вполне допустимы, ср. *резвый* 'бойкий', *резкий* 'гневный', к *резать* [25]; *ко́рза́* псков. твер. 'девушка, резвушка' [26] — *корзать* 'резать'.

Генетическое включение в гнездо праслав. **kъrzati* 'резать' — 'плести', 'плохо шить', 'портить в работе' глаголов со значениями 'мерещиться, казаться' требует дополнительных семантических обоснований, тем более, что эти глаголы этимологии не имеют.

Для ее выяснения существенно привлечение русск. диал. арханг. *корза* 'очень рябой' [27], *корзова́тый* (о древесной коре) 'имеющий наросты, лишаи и мхи'; (о человеке) 'рябой' [28], что несомненно к *ко́рзати* 'резать' (менее убедительным кажется возведение к *ко́рзати* 'вить, плести', т. е. 'плести' → 'морщить' → 'рябить').

Переход от значения 'резать' к значению 'чудиться, казаться, мерещиться' мог быть следующим: 'резать' → 'рябить' → '*блестеть' → 'чудиться, казаться' (относительно последних двух семантических звеньев ср. праслав. **kazati sę* 'казаться', родств. др.-инд. *kā́çatē* 'появляется, блистает, светит' [29] и нем. *scheinen* 'сиять', 'казаться').

Известно, что лексемы со значением 'пестрый, рябой' могут восходить к глаголам в значении 'резать, рвать', ср., например, лит. *raĩ-nas* 'серый, пестрый', *raĩ-mas* 'пестрый', *raĩ-bas* 'в крапинках, пестросерый' (*raĩbti* 'сверкать, мерцать; рябить, 'пестрить', восходящие к **rei-* 'резать, рвать' [30], а также праслав. **rębъjь* 'рябой', родств. **rǫbiti* 'рубить' [31].

При этом интересно вят. (уржум.) *ка́рзовка* 'чертовка' [32], которое может указывать на развитие значений праслав. **kъrzati* 'резать' → '*делать зарубки, метки' → '*ворожить' (ср. сербохорв. *cȑtiti* 'obtestari, заклинать, божиться' [33]).

Развитие значений 'рябой, пестрый' → 'блестящий' также хорошо известно: ср. лит. *márgas* 'пестрый, разноцветный, (много)цветный', *mar̃gti* (*-gstù, -gaũ*) 'быть пестрым, блестеть' также *márgstytis*

---

[23] Даль³ IV, стб. 1169.
[24] А. А. Потебня. Заметки этимологические и о народной поэзии. — РФВ, т. III, 1880, стр. 95.
[25] Фасмер III, стр. 461—462.
[26] Даль³ II, стб. 417.
[27] Куликовский, стр. 41.
[28] Опыт, стр. 90.
[29] Фасмер II, стр. 159.
[30] Pokorny I, 859.
[31] ЭССЯ I, стр. 74.
[32] Магницкий. Уржум., стр. 26.
[33] В последнее время О. Н. Трубачев высказал иную этимологию праслав. **čьrtъ* — 'роющий, копающий' («что характерно для подземного духа») и привел при этом аналогию с **krъtъ* 'крот' — ЭССЯ, вып. 4, стр. 165—166.

(в обороте речи) *pradeda márgstytis* 'мысли начинают путаться, становятся безумными'[34].

Ср. также развитие значений 'резать' → 'быть пестрым, рябым' → 'блестеть' в этимологическом гнезде др.-инд. *téjate* 'заостряет', *téjaḥ* 'острие пламени, жар, зной, блеск, энергия', которые родственны греч. στικτός 'пестрый', гот. *stiks* 'укол, точка'[35].

Рассмотрим теперь некоторые другие славянские образования, которые могут быть генетически связаны с праслав. **kъrzati* 'резать — плести'.

Словен. *kržè, ęta* 'пестрый, пегий бык, вол'[36] не имеет этимологии. Оно может быть отнесено к словен. *kržati* 'портить, уродовать' (< 'резать'), как *корза* 'рябой' к *корзати* 'резать'. Сюда же, вероятно, словен. *kržovatka* 'синица', которое Штрекель считает темным словом[37]. *Kržovatka* — возможно, 'звонко поющая' или же 'пестрая' → '*блестящая, сияющая'?[38] Русск. диал. арханг. *карзанная рыба* 'вяленая, провесная треска'[39], бесспорно восходит к *карзать* 'резать', т. к. в России существовал способ вяления рыбы, при котором ее разрезали на ломтики, натирали солью и развешивали на солнце[40].

Интересно также астрах. *кораз* 'ковш'[41], которое Фасмер считает неясным[42]. Это слово можно реконструировать как **korozъ* и также возвести к **kъrzati* 'резать'; ср. родственное *корец* 'ковш' (< **korьcь*), св. с *кора*[43]. Русск. диал. *карзубый* пск. твер. 'у кого недостаток в передних зубах'; *карзун*, *карзунья* 'карзубый человек'[44] Фасмер объясняет как **kъrno-zǫbъjь*, а *карзун* как свободное образование (вслед за Петерссоном) и отвергает предлагаемую Миклошичем связь с сербохорв. *крѐзуб*, *кре́зо* 'человек, у которого недостает передних зубов'[45]. Однако, для русск. *карзубый* более приемлема реконструкция **kъrzo-zǫbъjь* и связь с **kъrzati* 'резать'.

---

[34] F r a e n k e l 6, стр. 410.
[35] M a y r h o f e r 7, стр. 526.
[36] P l e t e r š n i k I, стр. 483.
[37] K. Š t r e k e l j. Jezikoslovne mrvice. LjZv IX, 1889, стр. 103.
[38] Возможно, что некоторые лексемы с семантикой цветообозначения также могли восходить к глаголам в значении 'резать' (при семантическом развитии 'быть пестрым, рябым' → 'блестеть, сиять'). Так, например, слав. **sinьjь* возводят к и.-е. **k̑ei* 'в обозначениях цвета (темных оттенков)', 'серый', к которому восходят также др.-инд. *śāra* 'пестрый' (< **k̑e-ro*), греч. κηρύλος 'der blaue Eisvogel'; нельзя ли и.-е. **k̑ei-* 'в обозначениях цвета (темных оттенков)', в конечном итоге считать восходящим к **ak̑-* 'острый' (как **k̑ē(i)* 'точить, острить' — Pokorny I, стр. 540—541)?
[39] Д а л ь³ II, стр. 228.
[40] Б р о к г а у з и Э ф р о н. Энциклопедический словарь, т. 14, стр. 728.
[41] И. С о л о с и н. Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре Ахтубинских сел Царевского уезда. — РФВ, т. XIII, 1910, стр. 130.
[42] Ф а с м е р II, стр. 322.
[43] Ф а с м е р II, стр. 325.
[44] Д а л ь³ II, стб. 228.
[45] Ф а с м е р II, стр. 199.

Блр. *карзун* 'кабан, вепрь, самец дикой свиньи' [46] также восходит к праслав. **kъrzati* 'резать', возможно, как болг. *кръчак* 'вепрь' [47] к **kъrnǫti* 'резать' (болг. *нѐрез*, *небрез* 'некладеный кабан' [48]), или ср. также другие обозначения вепря в болгарском: *шипар* (к *шип*), *глыг*, *глиг* [49] (связывается с русск. *клык* [50]).

В белорусском языке есть интересное название сойки (Corvus glandarius) *карзуй* 'сойка': «Ишь карзуй скваретца»; 'капризный, придирчивый человек': «Јон карзуй такей!», а также *карёза* 'сойка'; 'человек задорный, капризный': «Карёза на дуби кричить» [51]; *карбза* ж. 'сойка; иволга обыкновенная' (Oriolus galbula) [52]; сюда же, видимо, *казора* ж. юж. 'птица соя' (< *кароза*, метатеза) [53], а также фамилия *Кароза* [54].

М. Фасмер считает слово темным [55]. Блр. *карзуй* (< **kъrzujь*), *кароза*, *карёза* можно, вероятно, связать с праслав. **kъrzati* 'резать', 'плести'; в таком случае мы имеем в *кароза* (**koroza*) форму с вторичным полногласием, а в *карёза* — гиперкорректность в условиях отвердения *р'*.

Здесь следует несколько слов сказать о семантической типологии названий сойки. Они опираются, по нашим наблюдениям, в основном, на три семантических признака:

1) пестрое, яркое оперение — ср. напр. русск. *сойка*, блг. *усойка* (св. с *сиять*) [56]; также лтш. *sīlis* 'сойка' (родств. праслав. **sinǫti*);

2) болтовня, пересмешничанье, имеющие ворчливые интонации (весенняя песня), а также характерный для сойки (как и иволги) резкий крик, издаваемый в различных ситуациях: при виде пищи, приближении опасности и т. д., ср. англ. *jay* 'сойка'; 'глупый болтун; балаболка', серб. *kreja* 'сойка' (звукоподражательное) [57];

3) способ добывания пищи: обдирание, лущение плодов, семян (орехов, желудей и т. д.), ср. в.-луж. *łupak* 'сойка' (к **łupiti*) [58].

В основу белорусского названия сойки лег, видимо, второй семантический признак, а именно: резкий крик. Биологи считают, что при определении сойки важнее крик (чем ее пестрое оперение), который слышится издалека и поражает своей резкостью [59].

---

[46] Байкоў-Некрашэвіч, стр. 142, Гарэцкі, стр. 76.
[47] Геров I, стр. 118.
[48] Фасмер II, стр. 265 (s. v. *кнороз*).
[49] Геров I, стр. 118.
[50] БЕР, св. II, стр. 249.
[51] Добровольский, стр. 313.
[52] Байкоў-Некрашэвіч., стр. 142; Гарэцкі, стр. 76.
[53] Даль[3] II, стб. 182.
[54] М. В. Бірыла. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1969, стр. 187.
[55] Фасмер II, стр. 198.
[56] Фасмер III, стр. 731.
[57] Skok II, стр. 188.
[58] Трофимович, стр. 105.
[59] А. Н. Промптов. Птицы в природе. М., 1957, стр. 395.

При этом, однако, нельзя исключать возможность образования названия по первому семантическому признаку, а именно: пестрота, яркость оперения. Ср. также вероятность семантического развития 'рябой', 'пестрый' → 'сварливый, капризный', например, *корза* 'очень рябой' — 'капризный'; *щербатый* 'капризный', *щербáчить* 'задориться, забиячить' (к **(s)ker-bh-* 'резать')[60], а также 'блестящий' → 'капризный', 'гневный': и.-е. **ghel-*'блестеть', 'сиять' > греч. χόλος 'гнев'[61]; дат. *spræk* 'блестящий' ~ дат. *fræk* 'дерзкий, нахальный'[62]. Трудность установления семантического признака, легшего в основу названия птицы, в данном случае определяется тем, что название связано с глаголом, имеющим разветвленную семантику.

В этом отношении интересны некоторые названия птиц, восходящие к гл. **dъrati/*derti*, имеющему сходную и столь же богатую семантику: 'драть, рвать', 'ссориться, огрызаться', 'громко, нестройно петь, кричать' и т. д.[63]

К этому глаголу восходит русск. диал. влад. *дерýга* 'птица сойка', волог., вят., перм. 'плаксивый ребенок', 'вздорный, сварливый человек', перм. 'несговорчивый человек'[64], а также укр. *деряба* ж. р. 'птица соя, Corvus glandarius' (русск. *деряба* 'тот, кто громко и фальшиво поет', 'заносчивый, чванливый, высокомерный человек', 'рябая, крупная и неуклюжая женщина'[65]); сюда же вошедшее в научный обиход название дрозда (Turdus viscivorus L.) *деряба*. Название дрозда *деряба* также можно истолковать двояко: птица могла быть названа по цвету оперения (грудь в крупных пестринах), а также за печальную красивую песню (низких тонов), которую весною можно услышать в густом хвойном лесу.

Русск. диал. *слеть*

В русских говорах (владимирских) есть редкий глагол *слеть* в значениях: 'не тлеть, не таять, а маяться, нежиться в пару, в сыром тепле или преть, потеть под солнцем': «Все косточки слеют в бане на полке. Полотна на стлище по вешнему насту, или по траве, слеют, пускают пар и белятся»[66]; 'белиться на снегу (о полотнах): «Полотна слеют, когда выстланы для беленья весною в болоте на снег»[67].

Слово неизвестно другим славянским языкам и не имеет этимологии. Наиболее реальной для русск. диал. *слеть* представля-

[60] Дополнение к Опыту, стр. 310, 311.
[61] Pokorny I, стр. 429.
[62] Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 237.
[63] ЭССЯ V, вып. 00.
[64] Филин 8, стр. 32.
[65] Филин 8, стр. 29.
[66] Даль[3] IV, стб. 276.
[67] Дополнение к Опыту, стр. 247.

ется реконструкция **sьlěti* и связь с русск. диал. *сло́та*, *слоть* ж. вост. юж. 'слякоть; мокредь', 'снег с дождем, чичер, мокрый снег', 'зимнее мокропогодье', *слоти́ть* 'грязнить, пачкать, плескать и лить вокруг' (На дворе слотит 'стоит мокредь, слота́ идет') [68].

Русск. диал. *слота* наряду с укр. *сло́та*, *сльота* 'мокрый снег, осеннее ненастье', блр. *сло́та* 'слякоть', др.-русск., сербск.-цслав. *слота* 'ненастье', болг. *сло́та* 'град', сербохорв. *сло̏та* 'дождливая погода', словен. *slota* 'непогода', польск. *słota* 'мелкий дождь, изморозь', а также др.-русск. *слана* 'иней' считаются родственными лит. *šáltas* 'холодный', *šal̃tis* 'холод, мороз', *šálti*, *šą̃la* 'мерзнуть', лтш. *saîts* 'холодный', авест. *sarəta-* 'холодный', нов.-перс. *serd* 'то же' [69].

Эти лексемы восходят к и.-е. **k̑el-* в значениях 'мерзнуть, холодный', 'теплый'; сюда относят также лит. *šylù*, *šilaũ*, *šìlti* 'становиться теплым', лтш. *silt* то же (что фонетически и семантически соответствует русск. диал. *слеть*), кимр. *clyd* (< **k̑l̥-to-*) 'теплый тепловатый', лат. *caleo*, *-ere* 'быть теплым, горячим, пылать', норв., дат. *lum* 'мягкий, тепловатый' и т. д.[70] Здесь следует отметить специальную общность *слеть* (< **sьlěti*) и лат. *calēre* в их принадлежности к глаголам состояния на *-ē-*, с возможностью общей реконструкции и.-е. основы **kəl-ē-* 'быть теплым, быть в тепле'. Развитие значений русск. диал. *слеть*, видимо, было следующим: 'быть теплым, париться, потеть' → 'становиться мягким, белиться (о холсте)'.

Сочетание противоположных значений 'мерзнуть, холодный' — 'теплый', выявленное для и.-е. **k̑el-*, не единично в индоевропейских языках. Ср., например, и.-е. **preus* 'мерзнуть', 'гореть': др.-инд. *pruṣvā́* f. 'капля, иней, замерзшая вода', лат. *pruīna* 'иней, мороз'; др.-инд. *plṓsati* 'жжет, горит'; лат. *prūna* 'раскалённые угли' [71], а также в русских диалектах: *знойкий. знойкая зима* 'очень холодная зима' [72]; *пекун* смол. 'о сильном морозе' [73] *плящий* (о морозе) 'трескучий, сильный' [74]; *попекает*, *попекло* (подразумевается озеро) 'озеро покрылось тонким ледяным слоем' [75].

В ст.-чеш. языке есть глагол *sálám*, *ati* 'выдыхать из себя пар, горечь, вонь и т. д.', 'извергать из себя пламень, жечь, пылать, гореть, сверкать'; 'выдыхать горечь'. «W peci se topilo, až z kamen sálalo. Slunce dnes sálá», т. е. палит [76]; также в слвц.- *sálat'*, *-a*, *-aju* (об источнике тепла или света) 'издавать, распространять

---

[68] Даль[3] IV, стб. 261.
[69] Фасмер III, стр. 675—676.
[70] Pokorny I, стр. 552.
[71] Pokorny I, стр. 846.
[72] Иванова. Подмоск., стр. 168.
[73] Добровольский, стр. 578.
[74] Подвысоцкий, стр. 123.
[75] Маштаков, стр. 87.
[76] Jungmann 4, стр. 10.

вокруг себя сильное тепло, жар, свет'; «Oheň salal z kozuba. Slnko sálalo svetlom a teplom»; «sálave lúče letného slniečka».

Махек возводит чеш. *sálati*, морав. *sáłit'* (сюда же морав. *salačka* 'сухая хвоя') к **svalati*, и далее к лит. *svilù svilaũ svìlti*, лит. жемайт. *svelù svil̃ti*, лтш. *svilstu svilt*, нем. Schwellen, др.-англ. *svelan* 'тлеть, гореть без пламени', объясняя утрату *-v-* в корне *sal-* влиянием корня *pal-* [77]. Эта этимология кажется недостоверной ввиду фонетических трудностей.

Чеш. *sálati*, морав. *sáłit'*, слвц. *sálati*, видимо, можно связать с русск. диал. *слеть* и реконструировать как **salati*, **saliti* (ср. **tьlěti*: **taliti* [78]). При этом следует указать также на морфологическое отличие **salati* ~ **sьlěti* (итератив — глагол состояния).

Значения 'гореть, жечь' и 'преть, потеть' связаны непосредственно, ср., например, русск. *жалеть* 'гореть' → 'преть' [79].

В. И. Даль с пометой «старое» приводит также *услѣти*? в значении 'сделать что полезное, принести пользу'?: «Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, от Бога мьзды да чаетъ» (Духовная Мономаха) [80]. Возможно, что этот глагол также можно связать со *слеть* 'потеть, преть' и реконструировать его как **usьlěti* в первоначальном значении 'сделать теплым, мягким, приятным, полезным'. Ср. близкое семантически нем. *mildtätig* 'щедрый, благотворительный', *Mildtätigkeit* f. 'благотворительность, щедрость', при *mild* 'мягкий', а также родственное русск. *слеть* лит. *šìltis* (*šiliúos*, *šýliaus*) 'заботиться, хлопотать, мучиться' (возвр. форма к лит. *šil̃ti* 'растворяться, таять, проходить, смягчаться; позволять что-либо делать с собой'), *šil̃tas* 'теплый, приятный' [81].

Не получает ли в связи с этим русск. диал. *сáлиться* 'мучиться, стараться' (< **saliti sę*: **sьlěti*) объяснение, отличное от того, которое дает Фасмер: «вероятно, тождественно *салиться* 'пачкаться, делаться засаленным', от *сало*» [82].

---

[77] Machek [1], стр. 439.

[78] Ж. Ж. Варбот. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. «Этимология. 1970», М., 1972, стр. 59.

[79] И. П. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике III. «Этимология 1973». М., 1975, стр. 46.

[80] Даль [3] IV, стб. 1071.

[81] Fraenkel 13, стр. 984.

[82] Фасмер III, стр. 550.

Л. А. Сараджева

К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ОСНОВЫ * *ZYBЬ* И ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО *CUP/P'* 'ЗЫБЬ'

До настоящего времени праславянская основа **zybь* не имеет надежной этимологии [1]. Эта основа представлена в ст.-слав. зыбати, зыблѭ 'колебать', др.-русск. *зыбь* 'трясина', *зыбунъ*, *зыбень* в том же значении, *зыбежь* 'внутреннее смятение, волнение', русск. *зыбать*, *зыблю* 'колебать, качать', *зыбь* 1) 'мелкое волнение без ветра (мертвая зыбь — после бури при отсутствии ветра)'; 2) 'трясина', прилаг. *зыбкий* 'неустойчивый, легко приходящий в колебание', диал. *зыбка* 'колыбель'; укр. *зибацъ*, *зибнуць*; блр. *зыбаць* 'качать, колебать'; словен. *zibati* 'колебать', *zibika*, *zibel* 'колыбель'; серб. *зибати*; кашуб. *zebac* 'колебать', полаб. *zaibka*, *zaibla*, *zaiblo* 'колыбель'.

Приведенные выше слова объединяются наличием корневого элемента **zyb-* и широкого комплекса значений, связанного с идеей колебания.

Известно несколько объяснений этого слова. Г. Хирт [2] и Х. К. Уленбек [3] сопоставляют славянские словоформы с индоиранскими: др.-инд. *jávate-* 'спешить', *javin* 'поспешающий, быстрый, скорый', *junāti* 'спешить', *jutás* 'быстрый', н.-перс. *zūd* 'скоро'; авест. *zāvarə*, н.-перс. *zōr* 'сила', которые вместе со славянскими словоформами возводятся к и.-е. **g'eu̯-*, **g'eu̯ə-* 'двигать, быть в движении'.

Кроме указания на индоиранские параллели, сравнения с другими индоевропейскими языками ни Гирт, ни Уленбек не производят. Данное сравнение не представляется убедительным ни структурно (ввиду наличия конечного *b*, которое остается необъясненным) [4], ни семантически.

В словаре Ю. Покорного [5] под корнем **g'eu̯-*, **g'eu̯ə-* приводится др.-инд. *jávate-* 'спешить', *jutás* 'быстрый', *java-* 'двигаться', а также н.-перс. *zūd* 'скоро', авест. *zāvarə*, н.-перс. *zōr* 'сила', которое сравниваются с с.-хорв. *журити се* 'спешить' [6]. Праславянская основа **zybь* под этим корнем не приводится.

---

[1] Преображенский, стр. 297; Фасмер II, стр. 109.

[2] H. Hirt. Der indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältniss zur Betonung. Strassburg, 1900, стр. 103.

[3] C. C. Uhlenbeck. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899, стр. 55.

[5] Pokorny I, стр. 399.

[4] Конечное *b* — детерминатив?

[6] В словаре Ю. Покорного приводится только с.-хорв. *журити се* 'спешить' (Pokorny I, стр. 399). Ср. аналогичное значение у словен. *žuriti* 'торопить, заставлять', *žuriti se* 'спешить' (Преображенский I, 238; Фасмер II, 68).

Следует заметить, что славянская параллель не считается надежной и отвергается М. Майрхофером [7].

Сравнение Н. Горяева [8] с литовскими словоформами: *sùpti*, *supù* 'качать, укачивать (в колыбели)', *sūboti*, *suboju* 'качаться, покачиваться верхней частью тела' отвергается по фонетическим причинам Ф. Миклошичем [9] (ср. начало слова).

М. Фасмер [10] приводит сопоставление Г. Майера [11] с албанским *djep*, *djepe* 'колыбель' и также отвергает его по фонетическим соображениям.

Ключ к выяснению характера праславянского корневого элемента **zyb-*, по-видимому, дает армянское *cup/p'*.

В древнеармянском литературном языке слово *cup/p'* имеет значения: 1) 'зыбь — волнение', 2) 'внутреннее смятение, волнение' (ср. с др.-русск. *зыбежь* в том же значении); 3) 'пытливость'; в диалектах кроме вышеуказанных значений встречаются также значения: 1) 'кишеть, рябить', 2) 'бить', 3)'блестеть'. Древнеармянский корень является продуктивным: от него имеются многочисленные именные и глагольные образования (к примеру, *cp'al*, *cp'il* 'колебаться (о воде)', *cp'ank'* 'зыбь, волнение', *cp'un* 'всплеск, плеск', *cp'umn* 'колебание, волнение' и т. д.).

Слово *cup/p'* употребляется как самостоятельное и встречается в армянских письменных памятниках с V в., причем в формах *cup* и *cup'*[12].

До настоящего времени армянское слово не имеет надежной этимологии. Авторы новоармянского словаря Г. Аветикян, Х. Сюрмелян, М. Авгерян считают данный корень звукоподражательным [13].

Автор первого этимологического словаря Х. Хюнкарпейентян связывает арм. *cup/p'* со словом *cov* 'море' [14].

Вместе с этим некоторые исследователи привлекают для сравнения также и неиндоевропейские слова. Р. Ачарян указывает на случайное совпадение с семитскими словоформами: евр. *ṣuf*, арам. *tuf* 'течь, плыть' и упоминает попытку Йозефа Карста (Yušarjan, Венеция, 1911, стр. 425), который совершенно необоснованно сравнивает армянское слово *cup*, *cup'* с тюркскими *top*, *tob* 'куча' [15].

---

[7] Mayrhofer, стр. 425.
[8] Горяев, стр. 119.
[9] Miklosich, стр. 405.
[10] Фасмер II, стр. 109.
[11] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891, стр. 69.
[12] Р. Ачарян. Этимологический корневой словарь армянского языка (на арм. яз.), т. II. Ереван, 1973, стр. 474—475.
[13] Nor baragirk' haykazean lezui. Venetik. — Новый словарь армянского языка, т. I. Венеция, 1836, стр. 276.
[14] Следует считать несостоятельной попытку сравнения Л. Патрубани арм. *cov* с др.-инд. *jávate* и *java-* 'двигаться'. См. L. Patrubani. Sprachwissenschaftliche Abhandlungen. Budapest, I, стр. 4 и сл.
[15] Р. Ачарян. Указ. соч., II, стр. 475.

Ввиду того что слово имеет широкое распространение в армянских диалектах, мысль о заимствовании следует считать неправомерной.

Исходя из близости фонетической структуры и семантики праславянской основы **zybь*, ст.-слав. зыбати 'колебаться', русск. *зыбь* и т. д. и арм. *cup/p*ʿ 'зыбь', возможно предположить отнесенность данных слов к единой индоевропейской праформе и восстановить основу **g'ēu-b-*: **g'ūb-* 'качаться, колебаться'.

По-видимому, если **-b-* является детерминативом, то исходя из данных армянского языка, следует предположить вариативность конечного согласного, допустив наряду с **-b-* также и **-p(h)-*. В армянском языке отражение и.-е. интервокального и конечного **b* как *p* засвидетельствовано и в других словах: ср. и.-е. **steib-* > арм. *stēp* 1) 'спешка', 2) 'быстрый, неугомонный', 3) 'быстро, поспешно', *stipem* 'торопить, заставлять спешить и вообще заставлять' [16], и.-е. **(s)tob-* > *tʿopel* 'бить' [17], и.-е. **ub-* > арм. *hup* (диалектное) — в выражении *hup tal* 'теснить' [18].

Значительный интерес представляет и семантическое развитие этих слов, относящихся первоначально к сфере материальных процессов, затем — к сфере человеческой психики (др.-русск. *зыбежь* и др.-арм. *cup/p*ʿ 'внутреннее смятение, волнение').

Следует заметить, что армянские и славянские слова, насколько нам известно, стоят обособленно и не имеют соответствий в других индоевропейских языках, в том числе литовском, греческом, германских (ср. лит. *ribĕjimas* 'зыбь', греч. τὸ σάλεμα 'зыбь', σαλεύω, χινέω 'зыблю', нем. *Seegang* 'зыбь', *schwankend*, *wackeling* 'зыбкий', англ. *after-tossing* 'зыбь', *unsteady* 'зыбкий' и т. д.). Вопрос об отношении восстанавливаемой и.-е. основы **g'ēu-b-*: **g'ūb-* к **g'eu̯-*, **gēu̯ə-* пока остается нерешенным.

К. Влахов

УПЧЕ ~ РОДОПИ ~ МЕРÓПН

В родопской микротопонимии, а также в разговорной речи существует слово *упче* (другие формы: *упчето*, *хубче*, *хубчето*) 'небольшой холм' (холм может быть небольшим по высоте, а в некоторых случаях имеющим пологие склоны).

В топонимике слово засвидетельствовано и в формах *хуб-* и *куб-*, которые обозначают место на холме, где находится различное недвижимое имущество местных жителей.

[16] Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, стр. 91.
[17] Р. Ачарян. Указ. соч., т. II, стр. 197.
[18] Р. Ачарян. Указ. соч., т. IV, стр. 402—403.

Так, например, в «Емлячен регистър», т. II, дело № 47 от 1949 (район с. Могилица, Смолянский округ) одна местность называется *Покубка*.

Форма *Покубка* состоит из трех элементов: славянского предлога *по*-, апеллатива *куб*- и славянского суффикса -*ка*, образующего уменьшительные имена женского рода. Таким образом, *По-куб-ка* буквально обозначает, что «недвижимое имущество в (местности) *По-куб-ка* находится на *(х)упчето* — небольшом холме».

В родопских говорах для обозначения различных по величине холмов существует три апеллатива:

а) *(х)упче* — небольшой холм;

б) *бърдце* (варианты *бърце*, *борце*) — средний по величине холм; *бърд-це* — деминутив от *бърдо*, образованный посредством славянского суффикса -*це*, функционирующего в именах среднего рода;

в) *бърчина* (*барчина*) — большой холм.

Последние два апеллатива, как и суффиксы, — славянские.

Формы *(х)уп-че* и *куп-че* представляют собой результат контаминации или изменения *уп*- по аналогии со славянским апеллативом *копа (купа)*, причем начальное *к*-, согласно все еще действующему в отдельных случаях закону передвижения согласных, перешло в *х*- (т. е. дало *хуп*-), а потом это начальное *х*- исчезло, тем более, что в Родопах употребляется форма *уп*-, которая засвидетельствована в большинстве случаев и известна также живым говорам.

С другой стороны, присоединение славянского суффикса -*че* к формам, возникшим в результате контаминации или по аналогии, кажется странным, ибо суффикс -*че* употребляется для образования деминутивов от имен м. р., переходящих в ср. р., в то время как апеллатив *купа(копа)* женского рода.

Кроме того, нельзя принять, что *(х)уп-че* произошло от слав. апеллатива *куп* (ср. *куп-чина*, *куп-чин-ка*), т. е. имело место развитие форм *куп-че* > *хуп-че* > *уп-че*, так как это не оправдано семантически. Апеллатив *куп* (*куп-че*, *куп-чина*, *куп-чин-ка*) обозначает ‘нечто собранное в одно место’, в то время как родопский апеллатив *(х)уп-че* означает ‘небольшой холм’.

Выяснение этого вопроса, а также раскрытие причин появления формы *уп-че* с современным значением ‘небольшой холм’ тесно связано с правильным толкованием оронима *Родопи*.

Название горного массива Родопи засвидетельствовано еще в древности в формах Ῥοδόπη, Ῥοδόπα, *Rhodopā*, *Rhodope*. От этого оронима были образованы производные: *Rhodopeni* — жители Родоп, Ῥοδοπιανος, Ῥοδοπαῖος, *Rhodopaios*, *Rodopius* — родопец, последние употреблялись и как личные имена [1].

---

[1] D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 398 (далее — Detschew).

В болгарском языке название *Родопи* имеет множественное число. Единственное число — *Родопа* создано искусственно, литературным путем, поскольку подразумевалось, что -η в форме ʽΡοδόπη появилось под влиянием греческой фонетики из ᾱ, т. е. ʽΡοδόπᾱ > ʽΡοδόπη, позже η перешло в *i*, вследствие чего греч. передача ʽΡοδόπη, читаемая как *Родопи*, совпала в звуковом отношении с болгарской формой множественного числа. Но если для греческого языка и для фонетического развития на греческой почве фрак. ʽΡοδόπᾱ > ʽΡοδόπη > болг. *Родопи* нормальным является, что данный ороним имеет форму ед. ч. ж. р., то форма мн. ч. этого оронима в болгарском остается непонятной. С точки зрения болгарского языка невозможно сочетание *Родопи планина*, аналогично стереотипным сочетаниям (как это возможно для любого горного массива): *Стара планина*, *Пирин планина*, *Рила планина*, *Витоша планина* и т. п. Что же касается слова *Родопи*, то она не может употребляться в единственном числе, а только во множественном — *Родопи(те)*.

В производных данного оронима — *родопски* и *родопчанин* нельзя с достоверностью установить, был ли конечный гласный основы *-а* или *-и*, поскольку этот гласный утратился перед начальным гласным суффикса (*-ski* < *-ьskъ* < *-ĭscos*).

Эта характерная особенность (мн. ч. названия горного массива) закономерна и в родопских диалектах. Местные жители не говорят, что они *занимаются*, *ходят*, *обрабатывают свои земли* или *пасут стада в лесах*, *в горах*, *в Родопах* [«*по Родопа(та)*, *по Родопи(те)*»]; в этом случае они говорят «*по барчините*» (т. е. *по холмам*). Эта особенность является хорошим опорным пунктом для этимологизации интересующего нас названия.

Все существующие попытки толкования и этимологизации оронима ʽΡοδόπᾱ нельзя считать удовлетворительными.

Неприемлемо толкование ʽΡοδόπᾱ, предложенное Томашеком[2], что название гор произошло от гидронима *Rudapa* — один из левых притоков р. Места, в первой части которого он видит *Rud-*, родственное слав. *ruda* ʽжелезо, металлʼ, откуда и название гор толкуется как ʽErzbergʼ, относительно чего еще Дечев в свое время правильно заметил, что данная река называлась не *Rudapa*, а *Ratapa*, усмотрев в последнем возможный рефлекс старого наименования этих гор[3].

Во всех до сих пор высказанных толкованиях названия ʽΡαδόπχ все снова возвращались к предположению, что название гор произошло от имени какой-то речки (которая в виду своей незначительности не была даже зарегистрирована!) в форме **Rud-upe-*

---

[2] W. T o m a s c h e k. Die alten Thraker. «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Classe (I. Übersicht der Stämme, 128, IV, 1893, стр. 1—130; II. Die Sprachreste, 1. Glossen aller Art und Götternamen, 130, II, 1893, стр. 1—70; 2. Personen- und Ortsnamen, 131, I, 1894, стр. 1—103).

[3] D e t s c h e w, стр. 400.

(-ира), чей первый компонент был *rud(a)-* 'железо, металл', а второй *-ира*, *-ире* 'вода, река, речка'. В подтверждение такого толкования привлекаются только семантические параллели (sic! — *К. В.*). Эта концепция с различными вариациями господствует в литературе.

Но в Родопах почти в каждой большой и малой долине есть вода, потоки и маленькие речки, которые, как и многие горные речки, быстры и во многих случаях безымянны. Поэтому невероятно и практически невозможно, чтобы имя одного из бесчисленных малых потоков, к тому же безымянных, было перенесено на весь горный массив, тогда как название этого потока нигде не засвидетельствовано! С другой стороны, остается неясным появление имени гор в форме множественного числа, если бы даже a priori мы приняли, что ороним произошел от названия какой-то речки.

Для того чтобы правильно истолковать имя Ῥοδόπᾱ, Ῥοδόπη, а также объяснить причины, почему имя появляется в болгарском языке в множественном числе, унаследованном от фракийского, необходимо принять во внимание геоморфологическую специфику Родоп.

Когда первобытные племена создавали новые названия гор, рек, вод и т. д., они называли их по наиболее характерному признаку.

Когда же в данном ареале появлялись другие племена, они или воспринимали уже готовые названия, адаптируя их соответственно своим артикуляционным возможностям, после чего эти имена развивались по фонетическим законам языка-восприемника, или переводили субстратные имена на свои языки, или, наконец, независимо от предшественников создавали новые имена, но по тем же наиболее характерным признакам объекта.

Если мы сейчас рассмотрим и сравним всесторонне не только в лингвистическом плане, но и в плане реально-географическом наши горы: *Стара Планина*, *Рила*, *Пирин*, *Родопы*, то сразу заметим, что каждая из них имеет свои специфические особенности, которые стали предпосылкой для возникновения каждого из упомянутых названий.

Какое же наиболее характерное и наиболее типичное свойство Родоп послужило причиной появления такого имени?

По геоморфологическим признакам Родопы представляют собой скопище многих холмов, различных по величине, но образующих одно целое, причем каждый в отдельности холм четко и резко разграничен с другими и доступен для восхождения с любой стороны. Если взглянуть на них с какого-нибудь высокого места, например, от с. Чокманово, то холмы предстают лежащими один за другим, простираясь вдаль и вширь, образуя при этом единый комплекс.

В целях этимологического истолкования названия *Родопи*, необходимо, следовательно, взять за исходную точку в реальном плане именно эту характерную особенность.

А теперь к фактам.

Выше мы установили, что апеллатив в форме *(х)упче* теперь имеет значение 'небольшой холм' < 'холм'. Он содержит славянский суффикс *-че*, с помощью которого образуются апеллативы среднего рода, и родопский апеллатив *уп-*. Здесь мы не будем устанавливать, каким был его конечный гласный, поскольку это станет ясным ниже.

Апеллатив *уп*-вскрывается и в названии *Rhodopā*, отождествляемый с второй его частью — *-opā*. Гласный *-ā* является падежным окончанием именительного падежа.

Элемент *-up*, *-op* произошел от **up*, а последний, в свою очередь, от и.-е. корня **upo* 'etwa unten an etwas heran' [4].

От и.-е. корня **upo* произошли предлоги: др.-инд. *úpa*, авест. *upa* 'hin-zu, bei, zu', гот. *uf* 'ἐπί, ὑπό'; в греч. ὑπ- дало ὕψι 'высоко', которое могло произойти от *ὕπ-σι и может быть локативом мн. ч., как др.-ирл. *ōs*, *ouas* < **oup-su*, в таком случае становится ясно и греч. ὑψί-τερος, ὑψίων 'более высокий', ὕψιστος 'самый высокий'; с другой огласовкой — кельт. *ou*, др.-ирл. *ŏ̄s*, *ūas* 'вверху, сверху' (< **oup-su*), либо это *s*-расширение (т. е. **(s)up-s-i-*), что подтверждается греч. ὕπ-ατος, ὕπ-ερ.

Греч. ὕπ-ατος 'высший, самый высокий', возможно, позже субстантивировалось в ὁ ὕπατος, равное по значению лат. *consul*.

Форма на -ατος произошла по аналогии с ἔσχ-ατος, δέκ-ατος, μέσσ-ατος и т. д., будучи образована с *-to-* суффиксом вместо *-mo-* суффикса, ср. др.-инд. *daśamá-*, *madhyamá*, лат. *summus* < **sup-mo-s* [5].

Появление начального *s-* в лат. *sub*, греч. ὕπο, ὑπό и в производных неясно [6]. Вероятно, здесь может быть протетическое *s-* к корню **upo*, которое появляется только в греч. и лат.

От и.-е. корня **upo*, расширенного посредством *-es*, произошли основы **up-es*, **up-s*, **up-*, давшие субстантивы в и.-е. языках:

1) от **up-es* произошли гот. *ubizwa* f. 'Vorhalle', др.-исл. *upsi* m. 'Vorhalle einer Kirche', др.-в.-нем. *obisa*, *obasa* 'Vorhalle'.

2) от **(s)up-s* произошло греч. ὕψος, -εος, τό 'высота, верх' < **sup-s-es* (*es*-основа), ὑψηλός 'высокий'.

3) от **up* в фрак. произошла форма **up-es* (*es*-основа) и далее во фракийском же **upes* > **upos* > **upă*, сохранившееся в родопском апеллативе *уп-че* 'небольшой холм' < 'холм, высота'.

Так как в и.-е. языках именительный падеж ед. ч. в именах с *es*-основой ср. р. образовывался через качественный аблаут *es* : *os*, а во фракийском языке и.-е. *o* трансформировалось в *a* [7],

---

[4] W a l d e — P o k o r n y I, стр. 192.

[5] F r i s k II, стр. 913.

[6] W a l d e — P o k o r n y I, стр. 192; F r i s k II, стр. 978.

[7] D. D e č e v. Charakteristik der thrakischen Sprache. Sofia, 1952; изд. 2 — «Linguistique Balkanique», II, 1960, XXI, I. (=Дечев. Хар.).

то в результате этой фракийской фонетической закономерности все имена ср. р. с *es*-основой перешли в *a*-основы, ср. тот же случай с фрак. апеллативом δίζα < **deiz-os* < **deiz-es* < и.-е. **dheig'h-es*=греч. τεῖχος, др.-перс. *didā*, авест. *daeza*[8].

Следовательно, фракийский апеллатив, означавший 'холм, высота' имел форму *upă* и *opă*. Конечное *-s*, которое выступает в им. п. ед. ч. м. р. с *ă*- основой, — вторично, поскольку во фракийском *s* в ауслауте было утрачено.

После того, как фракийский апеллатив *upă*, *opă* перешел в разряд *ă*-основ, он получил и падежные окончания этих основ. Таким образом, им. п. мн. ч. был *opā*, *upā* < *upă* + *ās* (и.-е. окончание им. п. мн. ч.), причем конечное *s* исчезало.

Во фракийском языке форма *upă*, *opă* с кратким конечным *ă* выражала ед. ч. ('холм'), а форма *upā*, *opā* с долгим конечным *ā* — мн. ч. ('холмы'). Во фракийском языке сохранялось количество гласных[9].

После выяснения происхождения долгого *ā* в *upā* становится понятным закономерное ионийско-аттическое замещение ᾱ через η, почему в греческом языке мы имеем формы ед. числа Ῥοδόπᾱ, Ῥοδόπη, в то время как во фракийском *opā* — мн. число, которое и было унаследовано болгарским языком от фракийского, откуда форма мн. ч. — *Родопи(те)*.

Относительно закономерного появления *ŏ* < *ŭ* см. ниже.

Теперь перейдем к истолкованию первой части оронима — *Rhod-*.

Выше мы говорили, что родопские холмы простираются один за другим, смыкаются один с другим. Отсюда правомерно искать в элементе *Rhod-* какое-то из указанных значений, так как форма *rod-* — закономерный продукт фракийских фонетических законов.

Фрак. *rod-* произошло из **ṛ-dh-*, нулевой ступени от **rē-dh-*: **rə-dh-*, где *dh-* — расширение *seṭ-* основы *-(a)rē*, от которой образовались и греч. слова ἄρθρον 'сустав', 'член', ἄρθμος 'союз, дружба', ἀρθρόω 'сочетаю, соединяю' (и.-е. **ṛ-dh-ro-m*, **ṛ-dh-mo-s*, **ṛ-dh-ro-*).

Если для данных греческих имен допустимо все же, что они могли быть новообразованием с сложным суффиксом -θρο-, -θμο-, то др.-инд. *ṛdhati*, *ṛdhyati*, *ṛdhnoti* 'преуспевать', авест. *ərədaiti* 'поощрять' произошли бесспорно от нулевой ступени **ṛ-dh*[10], как и в случае с фрак. *Rod-*.

В фракийском и.-е. *ṛ* > *ur*, *or*; *ŏ* возникает в результате открытого произношения фрак. *ŭ*[11]. Звукосочетание *ur*, *or* через метатезу может переходить в *ru*, *ro*[12]. И.-е. *dh* > фрак. *d*[13].

---

[8] Подробнее см.: K. Vlahov. Das thrakische Wort δίζα und seine Deutung. «Балканско езикознание» XVII, 2, 1974, стр. 33 и сл.

[9] K. Vlahov. Über die Vokalquantitäten im Thrakischen. «Actes du I-er congrès international des études Balkaniques et Sud-Est Européennes» VI, Sofia, 1968, стр. 480—495.

[10] Walde — Pokorny I, стр. 74.

[11] Дечев. Хар., гл. XXX, § 1.

[12] Дечев. Хар., гл. XXX, § 2.

[13] Там же, гл. III, § 1.

Итак, фрак. форма *Rod-*, восходящая к *ord- < *urd- < *r̥-dh-, имела значение 'лежать, связывать, соединять'.

В целом обе части *Rod-* и *-opā* в композите 'Ροδόπᾱ, 'Ροδόπη < *rud-йрā < *r̥-dh-йр-ā значили букв. 'лежащие (один возле другого), связанные, соединенные холмы'.

После установления этимологии *Rodopā* позволим себе перейти к выяснению этимологии Μερόπη — горная местность, ныне Карлыкдаг с яйлой (т. е. восточная половина Родоп)[14]. Cantacuzen 2. 402: τὰ ἐν τῇ Μερόπῃ φρουρία 'укрепления в Меропе'; 2, 403: τὰς κατὰ τὴν Μερόπην ἄλλας κώμας οὐκ ὀλίγας οὔσας 'все деревни по Меропе, которых не мало', τῶν Μερόπην φρουρίων 'укреплений Меропы'.

Название засвидетельствовано поздно (византийское время), но фракийская форма передана достаточно точно.

Μερόπη — двусоставное имя, образованное от: 1) фракийского прилагательного *μηρος < *mē-ro-s 'большой, высокий, сильный, славный'[15] (первый элемент композита появляется в форме Μερ-); 2) фракийского апеллатива -οπη < *йр-ā 'холмы'.

В византийское время η звучало как *i*, а в греческом языке различие гласных по долготе давно было утрачено. Поэтому фрак. *ē* было передано с помощью греч. ε[16]. Фракийский композит *Μηροπᾱ в греческом языке произносился как Μερόπη (читай *Мерони*), так что фракийское множественное число было воспринято в качестве единственного числа. Оба составные элемента *Μερ-όπη с их значением подтверждаются турецким наименованием этого объекта *Kar-lăk-dagh* 'снежная гора; гора, на которой лежит снег'. Чтобы снег сохранялся более длительное время на горе, последняя должна быть сравнительно высокой (не следует забывать, что восточная половина Родоп продвигается достаточно далеко на юг) и по этому характерному признаку она могла получить свое наименование.

Множественное число Μερόπη может быть установлено и из контекста «в, по Меропе есть укрепления и немало сел», что невозможно при наличии лишь одного холма.

Итак, имеются все предпосылки, в том числе и лингвистические данные, считать, что *Μηροπᾱ — двусоставное фракийское название с вторым элементом -οπᾱ (мн. ч.), а весь композит Μερόπη обозначает 'большие, высокие холмы' и является частью 'Ροδόπη 'лежащие, соединенные друг с другом холмы'.

Перевел с болгарского
Л. А. Гиндин

---

[14] D e t s c h e w, стр. 295.

[15] K. V l a h o v. Die *L*- und *K*-Suffixe in der thrakischen Personennamenbildung. «Annuaire de l'univ. de Sofia, Fac. des lettres», t. LXII, 1, 1968, стр. 57 след.

[16] K. V l a h o v. Die Vertretung der indoeuropäischen ă und ĕ im Thrakischen. «Annuaire de l'univ. de Sofia. Fac. des lettres», t. LX, 1966.

А. С. Львов

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *CHRĚNЪ*

Название растения Cochlearia Armoracia по-славянски звучало как *chrěnъ*, позже диал. *krěnъ*, ср.-русск. *хрен* < **chrěnъ*, диал. *хрень* и *хрён* (новг., твер., псков., прибалт.) [1]; укр. *хрін — хріну* и *хрін — хрону* (последнее явно вторичное, происшедшее под влиянием чередований типа: *кін — кону*, *кінь — коня*, *стіл — столу*, *віл — вола* и т. д.), блр. *хрэн*; болг. *хрян*; с.-хорв. *хрен*, *hren*, *ren* (последнее с известным отпадением *h* в начале слова), диал. *kren* [2], словен. *hren*, ст.-чеш. *chřěn*, совр. *křen*, слвц, *chren*, польск. *chrzan*, диал. *krzan* [3], в.-луж. *khrěn*, н.-луж. *kśěn*. Нем. *Kren*, лит. *krienas*, рум. *hrean* — все из славянских языков, причем немецкое из верхнелужицкого или чешского; литовское, видимо, из польских диалектов, а румынское — из болгарского.

Начальный *k* в чешском, польском и лужицких из *ch*: в чеш. *chřěn* > *křen* подтверждается данными памятников письменности; верхнелужицкий переход начального *ch* > *kh* обычен, ср. еще *хлѣбъ* > *khleb*. Говоря иначе, *k* на месте *ch* в слав. *chřenъ* > *křen*, *khrěn*, *krzan* и т. д. вторично. В чеш. *kren* зафиксирован в первой четверти XII в. [4], а *chrěn* — в XIII в. в глоссе: *chren* raphanum graecum nos radicem vocamus [5] — 'хрен — редька (или: редиска) греческая, мы (его) редькой (или: редиской) называем'. Таким образом в чехо-моравском языке еще в XII в. явно ощущалось, что слово *chrěnъ* не собственное, а чужое название редьки или редиски.

Когда, из какого языка произошло заимствование слова *chrěnъ* (по-видимому, как культурное слово быстро распространившееся по всем славянским языкам) и каков его состав, нам не известно. Самые старшие сведения об употреблении слова *chrěnъ* — приведенные данные чешских памятников письменности. В памятниках же русской письменности церковного обихода интересующее нас слово зафиксировано с XIV в., ср. снѣдать... съ хрѣнемь мѧса (Исх. XII, 8 по сп. XIV в.) [6], в греч. φάγονται τὰ κρέα... ἐπὶ πικρίδων. Как отмечает И. Срезневский, в других списках и памятниках греч. πικρίδων передано словом горьчицами [7], в частности, у Григория Назианзина. Отметим, что форма *хрѣнь*, свойственная новг., пск. и другим примыкающим к ним говорам, была употребительна уже

---

[1] Даль^4 IV, стб. 1238; Опыт, стр. 251; Говоры Прибалтики, стр. 338.
[2] Skok I, стр. 686.
[3] Brückner, стр. 185; Sławski I, стр. 84.
[4] Gebauer I, стр. 555.
[5] Там же.
[6] Срезневский III, стб. 1413.
[7] Срезневский I, стб. 561; III, стб. 1413.

в XIV в. В польских памятниках письменности интересующее нас слово фиксируется с XV в.[8], а в сербохорв. — только с XVIII в.[9]

В других неславянских языках другое слово, независимое от славянского *chrěnъ*, но генетически связанное с последним, не обнаружено [10]. Правда, ссылаются на др.-греч. ботаника Теофраста (II в. до н. э.), который записал: ἔτι δὲ δαῦκον δαφνοειδὲς κροκόεν, καὶ ἣν ἐκεῖνοι μὲν ῥάφανον ἀγρίαν καλοῦσι τῶν δ'ἰατρῶν τινες κεράϊν — также δαῦκον ('морковь', или 'стафилин, нарывник' [11]) лавроподобный шафраново-желтый, его же, однако, и капустой дикой называют, врачи же — κεράϊν 'дикая капуста' или 'дикая редька (редиска)'. Κεράϊν, по всей видимости, являлось названием корнеплода, поэтому допускают возможность связи этого слова со слав. *chrěnъ*.

Однако в отличие от славянского *chrěnъ*, в котором невозможно усмотреть наличие в прошлом какого-либо гласного между [*ch*] и [*r*], в греч., как видели, в указанном положении зафиксирован ε, и это ε невозможно отнести к опискам, так как и Плиний то же слово записал в виде *ceraïn* [12].

П. Шантрен, ссылаясь на известный этимологический словарь Фриска, утверждает, что греч. слово, должно быть, заимствовано из какого-то языка Причерноморья [13]. При этом следует допускать, что в этом языке Причерноморья интересующее нас слово не было собственным по происхождению, и в нем не могло быть, как, например, в тюркских языках, сочетания согласных. В этом случае объяснимо наличие ε в рассматриваемом слове. Но все это только предположение, которое пока невозможно подкрепить каким-либо фактическим материалом. Более того, по мнению П. Шантрена, κεράϊν косвенная форма от κεραΐς [14]. Если это так, то трудно предполагать генетическую связь между *chrěnъ* и κεραΐς, так как между ними общим является только *-rě-* и - ραϊ-. Помимо того не ясно, обозначалось ли словом κεραΐς растение Cochlearia Armoracia. Говоря иначе, остается все еще справедливым замечание Э. Бернекера: Doch bleibt das Verhältnis von κεράϊν zu *chrěnъ* dunkel [15].

Не будем останавливаться на этимологиях интересующего слова, предложенных Лёвенталем [16], получивших справедливо отрицательную оценку М. Фасмера [17]. Заслуживает внимания

---

[8] Sławski I, стр. 84.
[9] RJA 10, стр. 698.
[10] Berneker I, стр. 402; Vasmer III, стр. 271; Фасмер IV, стр. 275.
[11] Chantraine I—II, стр. 254.
[12] Фасмер IV, стр. 275.
[13] Chantraine I—II, стр. 516.
[14] Там же.
[15] Berneker I, стр. 402.
[16] J. Loewenthal. Zur baltisch-slavischen Wortkunde. — AfslPh XXXVII, 1920, стр. 384; Он же. Etymologien. — ZfslPh VII, 1930, стр. 407.
[17] Фасмер IV, стр. 275.

этимология М. Рясянена, который слав. *chrěnъ* возводит к чуваш. *хĕрен* [*ch'ьr'en'*] [18]. К этой этимологии присоединились В. Махек [19] и И. Г. Добродомов. Последний так излагает этимологию Рясянена: «Общеславянское распространение имеет булгаризм **хърѣнъ*, удачно проэтимологизированный М. Рясяненом: русск. *хрен*, укр. *хрін* (род. *хріну*) и гиперистично *хрон* (?! — вм. *хрін* — *А. Л.*), *хрону*, блр. *хрэн*, болг. *хрян*, с.-хорв. *хрен*, чеш. *křěn*, ст.-чеш. *chřěn*, слвц. *chren*, польск. *chrzan*, *krzan*, он выводится из булгарского источника (ср. чуваш. *хĕрен* 'хрен', дословно 'жгучий', причастие от глагола *хĕр-* 'накаляться') в соответствии с древнетюркским *qyz-* 'краснеть, пламенеть, багроветь'. Уже через славянское посредство слово распространилось по языкам Европы. . .» [20].

Начнем с того, что в булгарском никакого слова **хърѣнъ* не могло быть, потому что в нем закон сингармонизма был безусловным. Этот закон стал нарушаться в чувашском (в потомке булгарского) только в наши дни. В булг. могло быть либо **хъранъ* (такое слово не зафиксировано), либо *хърѣн'* — и только так! С этой точки зрения признавать слав. *chrěnъ* восходящим к булг. теоретически невозможному **хърѣнъ* более чем странно. По мнению И. Г. Добродомова, чуваш. *хĕрен* буквально значит 'жгучий', но ведь чувашский глагол *хĕр-* не имеет такого значения. Он известен только в таких значениях: 'накаливаться, закаливаться'; 'преть, перегорать (о муке, зерне)'; переносно 'опьянеть' [21]. В целом основным в значении глагола *хĕр-* из **qyz-* является 'нагреваться', 'становиться теплым, горячим', и ему несвойственно значение 'жечь'. *Жгучий* по-чувашски — *çунтаракан*, *пĕçерекен*, *пĕçертекен* [22] от глаголов: *çунтар-* 'жечь', *пĕçер-* 'палить, жарить'. Таким образом, *хĕр-* в слове *хĕрен* не имеет отношения к семантике глагола *хĕр-* в указанных выше значениях. Помимо всего этого, при допущении, что слав. *chrěnъ* действительно заимствовано из булг. **chьrěn'*, мы должны ожидать его в виде **šьrěnь* (по первой палатализации заднеязычных), но отнюдь не *chrěnъ*.

Словом, утверждение, что общеслав. *chrěnъ* заимствовано из булг.-тюрк. языка, не имеет под собой никакой основы.

Наоборот, изолированное в тюркских языках только чув. *хĕрен* легко выводится из русск. *хрен* < др.-русск. *хрѣнъ*. По-

---

[18] M. Räsänen. Beiträge zur den altaisch-slavischen Berührungen. «Commentationes Fenno-Ugricae in honorem I. H. Toivonen». Helsinki, 1950, стр. 125 и сл. Он же: Slav. *хрѣнъ* 'Meerrettich'. — «Festschrift fur W. Eilers». Wiesbaden, 1967, стр. 558; Räsänen, стр. 269.

[19] Machek [1], стр. 241; Machek [2], стр. 299.

[20] И. Г. Добродомов. Отражение двух разновидностей ротацизма в булгарских заимствованиях славянских языков. — ВЯ, 1974, № 4, стр. 109.

[21] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. XVII. Чебоксары, 1950, стр. 27 и сл.

[22] Русско-чувашский словарь. М., 1971, стр. 184.

скольку в чуваш. не могло быть сочетания согласных, то при заимствовании слова между [*х*] и [*р*] был вставлен *ĕ* [ь], потому что далее шел смягченный [*р*'] в слоге *-ре-* < *-рѣ-*. По закону сингармонизма все слово стало произноситься в мягком варианте: [*ch*'ь*r*'*en*']. Кроме того, как отметили выше, *хĕр-* в слове *хĕрен* 'хрен' не соотносится с чувашским глаголом *хĕр-*, потому что последний не имеет значения 'палить, жечь'.

Все это дает основание для утверждения, что чуваш. *хĕрен* из русск. *хрен*.

Итак, одно кажется ясным: слав. *chrĕnъ* — заимствованное слово [23], но из какого языка — вопрос остается открытым.

В. В. Усачева

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ. IV*
(семейство Cyprinidae)

Дополнение к списку сокращений

Андреев — А. Андреев. Риболовство в Никополско. «Известия на народният етнографски музей в София», год. II, кн. III—IV. София, 1922.

Добродомов — И. Г. Добродомов [Рец.] I. Leder. Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1969. «Этимология. 1970». М., 1972.

Карпов — Сборник слов синонимов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.

Лашков — Н. В. Лашков. Бессарабия (Географический и историко-статистический обзор состояния края). Кишинев, 1912.

Л. и Г. — Г. У. Линдберг и А. С. Герд. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран. Л., 1972.

В. Маринов — В. Маринов. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в североизточна България. София, 1956.

---

[23] Кажется, первый, кто отнес слав. *chrĕnъ* к заимствованным словам, был Миккола, см. I. I. Mikkola. Urslavische Grammatik, I. Heidelberg, 1913, стр. 11.

* Начало см.: «Этимология. 1971», «Этимология. 1973», «Этимология. 1974». Основной список сокращений помещен в 1-м из названных ежегодников. См. также общий список сокращений данного издания.

Младенов 1974 — М. Младенов. Характеристика на говорите. «Добруджа». София, 1974.

Романска — Цв. Романска. Риболовът на руситe-некрасовци от с. Казашко, Варненско. «Годишник на Софийския университет филол. фак»., т. LIV, 1. София, 1960.

Селищев — А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931.

Цанков — Н. Цанков. Наши сладководни риби. София, 1950.

Bąk 1968 — P. Bąk. Gwara okolic Kramska w powiecie konińskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.

Brehm — A. Brehm. Życie zwierząt. Warszawa, 1967.

Dobrzyński — W. Dobrzyński. Z badań nad rozwojem polskich deminutywów. Wrocław, 1974.

Kiss — G. Kiss. Ormánysági szótár. Budapest, 1952.

Laumane 1973 — B. Laumane. Zivju nosaukumi latviešu valodā. Rīgā, 1973.

Lor. GP — F. Lorentz. Gramatyka pomorska, t. II. Wrocław, 1959.

MSGP — Magazyn Słownika gwar polskich. Pracownia dialektologiczna Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie.

MSWMO — Magazyn Słownika gwar Warmii, Mazur i Ostrudzkiego. Zakład Instytutu Języka Polskiego PAN w Warszawie.

Pluta — F. Pluta. Słownictwo Dzierżysławic w powiecie prudnickim. Wrocław, 1973.

Siatkowski — J. Siatkowski. Dialekt czeski okolic Kudowy, cz. II. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962.

Zaręba AJŚ — A. Zaręba. Atlas językowy Śląska, t. IV, cz. I—II. Warszawa—Kraków, 1974.

Карп Cyprinus carpio L.

bataš русск. *баташ* 'очень крупный карп' (Варненское и Белославское озера близ Варны — Романска 378).

bobyr' русск. *бобырь* (ворон. — Л. и Г. 151).

car na šaranite болг. *цар на шараните* 'королевский или зеркальный карп C. carpio rex cyprinorum L.' (Моров 33).

ćvik польск. *ćwik* 'старый большой карп' (SWil, SW; р. Висла от Канева до устья р. Сан — Now. 21).

čartančeta см. čortan

čavra макед. čavra 'однолетний карп длиной до 25 см' (оз. Охрид, Преспа — Hirtz, Апостол. и др. 31).

čertan(ika) см. čortan

čertanička см. čortan

čobъče болг. *чобъче́* 'маленький карп' (Видин — Млад. ГВ).

čortan русск. *чортан* 'малек карпа' (дельта р. Дунай — Гриценко 31: «семантический сдвиг объясняется случайным совпадением с «черт» — нечистый, что и привело к наименованию этим словом самого «бросового» продукта»); укр. *чертан* 'маленький карп' (ниж. Поднестровье — Берлізов 78); с.-хорв. *čortan* то же (Славонский Брод — RJA XVII, 478: под *šaranac*; Сербия, Земун — Hirtz); болг. *чорта́н* то же (Видин — Млад. ГВ: «заимств. из рум. яз.»; Силистра, Тутракан — Кочев 129: «вид карпа»), *чортан* (Кабаив. 48: «карп до 30 см длины и весом до 900 г»; Дрен. 116: «трехлетний карп весом около $^3/_4$ кг»); ср. рум. *ciortan* 'карп весом в 1 кг' (Antipa 144: «название, употребляемое рыбаками»), тур. *ciortan* 'карп' (Antipa 114) и *čortan* то же (устье р. Дунай — Hirtz);

болг. *чартанчета* мн. ч. 'карп менее 1 кг весом' (р. Дунай от устья р. Искыр до Шувена — Андреев 119);

русск. *чортанчик* 'маленький карп' (дельта р. Дунай — Гриценко 31: «употребляется очень редко и уходит в пассивный запас»);

русск. *чертаника* (дельта р. Дунай — Гриценко 31: «заимств. из рум. диалектов, употребляется очень редко»); укр. *чорта́ника* 'мелкий карп весом менее 1,5 ф.' (Ш. и Т. 84); ср. рум. *ciortănică* 'карп длиной 30 см' (Antipa 114: «название, употребляемое рыбаками»);

русск. *черта̀ничка* (дельта р. Дунай — Гриценко 32: «уменьш. суфф. *-ичк-* повторяет значение рум. суфф. *-aş-* в *ciortănâş*; употребляется очень редко, уходит в пассивный запас»);

укр. *чорта́нка* 'мелкий карп' (Ш. и Т. 84).

čortančik см. čortan

čortanka см. čortan

čortokarp русск. *чортокарп* 'крупный карп весом от 1,5 до 3—4 кг' (дельта р. Дунай — Гриценко 31); укр. *чортокра́п* 'мелкий карп весом от 3 до 6 ф.' (Ш. и Т. 84); ср. рум. *ciortocrap* 'карп весом до 3 кг' (Antipa 114)

čortokrap см. čortokarp

čuč болг. *чуч* 'маленький карп 18—20 см длины до 200—500 г весом' (р. Дунай от устья р. Искыр до Шувена, оз. Кара—Буаз — Андреев 119, 127; Моров 29); ср, рум. *ciuciu*, *ciuciulan*, *ciuciulică* 'карп меньше, чем *ciortănică*' (Тутракан — Antipa 144).

čurbak русск. *чурба́к* 'крупный карп' (н. т. р. Дон — Миртов; Вёшенская — Макаров РЛК 240: «карп весом 2,5 кг»).

demskij korop см. karp

glovač польск. *głowacz* 'карп старше 3-х лет' (SWil, SW).

godžar макед. *гоѵар* 'однолетний карп до 25 см длины' (оз. Дойран — Апостол. и др. 31).

golec укр. *го́лец* 'голый карп C. carpio nudus Heck.' (Жел.); польск. *golec* 'зеркальный карп' (Brehm 99).

gorbyl' русск. *горбы́л* 'сазан [1] средних размеров' (урал. — СРНГ), *горбы́ль* (Раненбаум. р-н Ряз. обл., Ахтуба — СРНГ; Арал. море — Л. и Г.; Иссык-Куль — СРНГ: «вид сазана»), ~ 'мелкий сазан' (Каменная на р. Донец — Миртов; Усть—Медвед. на р. Дон — СРНГ; астрах. — Клыков: «мелкий сазан длиной 18 см»), *горбыль* 'вид карпа C. gibbosus' (бывш. Саратов. губ., рр. Волга, Сердоба — Саб. 367, 385); ср. русск. *горбыль* 'рыба ласкирь' (юж. — Даль [2] I, 377: под *горб*), *горбы́ль* 'рыба вообще' (донск. — СРНГ);

русск. *горбылек* 'молодой карп 2—3-летнего возраста' (Саб. 366);

русск. *горбыш* 'мелкий карп' (ПР 449).

gorbyl'ok см. gorbyl'

gorbyš см. gorbyl'

gordan укр. *горда́н* (Лиман Татарбунар. р-на Одес. обл. — Дрозд. КД).

xan' с.-хорв. *hanj* 'зеркальный карп' (Hirtz.)

xarča укр. *харча* (Бачка в Югославии — Горбач Сб. МУК 328: «заимств. из венг. — *harcsa*»).

japonec русск. *японец* (р. Псел в Курск. обл. — Плетенев 34).

kabarožnik русск. *кабаро́жник* 'самый крупный карп' (Багаевская — Миртов; н. т. р. Дон — Макаров АКД 5: «слово донское по происхождению»), *кабарожник* то же (Ниж. Гниловская, Елизаветинская — Макаров 1966, 48).

kapr см. karp

kapře см. karp

kapr(ř)ik см. karp

kapr(ř)iček см. karp

kapšik см. karp

karabec см. karob

karapuda укр. *karapuda* 'маленький карп' (р. Прут близ г. Черновцы — Jawor. 42); польск. *karapuda* то же (Now. 1889, 53).

karasek чеш. *karásek* 'недоразвитый карп' (Kott I, 669: под *kapr*).

karob русск. *ка́роб* (Добродомов 384);

блр. *karabiec* (Княж-озеро на Витебщине — Mosz. PW 19);

русск. *коробок* 'небольшой карп' (р. Псел в Курск. обл. — Плетенев 36).

karp русск. *карп* (Сл. АР, сев., вост. — Даль [2], ССРЛЯ, Ефим. р-н Ленинград. обл., н. т. р. Волхов, курск., р. Сейм, Глушк., Льгов. р-ны Орлов. обл. и рр. Сосна, Кривец, н. т. р. Любовша — Герд ДД; средняя Россия — Саб. 365; в. т. р. Днепр — Воронцов 1930, 145; р. Сура — Варп. РС 7; бывш. Пензен. губ. — Магн. 21: «рыбаки считают сазана и карпа разными рыбами, но это только 2 формы одного вида, C. carpio L., одна с удлиненным, другая — с высоким телом»; низовья

[1] Термины *сазан* и *карп* употребляются как синонимы.

р. Волга — Кес. 1870, 248; юг РСФСР — Берг 831; рр. Кама, Урал — Ревн. 218), *зеркальный* ~ (ССРЛЯ, ворон. — Герд ДД), *никольский* ~ 'карп весом до 20 ф., который нерестится около дня св. Николая' (р. Сев. Донец — Саб. 375), *православный* ~ 'самый жирный карп' (бывш. Сарат. губ.— Зол.), *стрежневой* ~ (р. Свияга — Саб. 370), *троицкий* ~ 'самый крупный карп до пуда весом, нерестящийся в конце мая' и *юрьевский* ~ 'карп небольших размеров до 10 ф. весом, нерестящийся около дня св. Георгия' (р. Сев. Донец — Саб. 375), *karp nemezkoi* 'карп, привезенный из Германии и разведенный в прудах' (Петербург и Москва — Pall. ZRA 289), *кброб* (юж. — Даль[2] II, 93: под *карп*), *короб* (р. Псел в бывш. Курск. губ. — Плетенев 8, 31), *кброп* (брян. — Тиханов; грайворон., курск., кубан. — СРНГ; юж. — Даль[2]; дельта р. Дунай — Гриценко 1970, 24: 1) 'карп', 2) 'крупный карп более 3-х кг весом'), *короп* (рр. Сож, Остер, Ипуть — Воронцов 1927, 27; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 41; р. Сура — Варп. PC 7; в. т. р. Сев. Донец — Саб. 367: «горбатый карп C. gibbosus; отличается рыбаками от речного сазана»; низовья р. Волга — Кес. 1870, 248; н. т. р. Дон — Макаров 1966, 47: «влияние укр. яз.»; Азов. море — Кузн. ОРР 16), *korop* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 114); укр. *карп* (Жел., Самбор — Majew. II, 266; в. т. р. Буг; Буск, Сасов, Потужице, Залещики на р. Днестр, р. Стрый — Now. 51, 54, 63, 73; надсанск. — сообщение М. М. Онышкевича; Саджава Ивано-Франков. обл.— Клепикова 43; р. Днепр и ее басс. — Емел. 20; в. т. р. Припять, ср. т. р. Стоход, в. т. р. Серет, ср. т. р. Стрыпа, р-н Галича, верховья р. Юж. Буг, в. т. р. Случь, ср. т. р. Збруч — АУМ), ~ *зеркáльный*, ~ *їстий* (Ш. и Т. 84), *кáрпи* мн. ч. (р-н Львова — АУМ), *карпи́* мн. ч. (р-н гг. Владимир-Волынский, Луцк, Теребовля, ср. т. р. Горынь — АУМ), *коропъ* (XVII в. — Тимч. КІС), *кбрап* (Жел.), *корап* (Бережан. округ — Majew. II, 266), *кброб̯* (Мельнич, Уличне — КДА), *короб* (рр. Днепр, Днестр — Бурнашев), *кброп* (Жел., Гринченко, СУМ, Ш. и Т. 84, Полесское, Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД; Чайковичи — КДА; Данул, Тецканы, Стольничаны, Василивцы, Лагофтяны на территории Молдав. ССР — АУМ; ниж. Поднестровье — Дзенд. КД, Берлізов 48; в. т. р. Припять, н. т. р. Горынь, в. т. р. Днестр, в. т. р. Случь, н. т. р. Свича, р-н Галича, в. т. р. Юж. Буг, ср. т. р. Днестр, р-н гг. Ивано-Франковск, Каменец-Подольский, Могилев-Подольский, Черновцы, р. Ушица л. п. р. Днестр — АУМ), *дзеркáльний* ~ (СУМ), *демський* ~ 'королевский карп' (Лебедин Шполян. р-на Черкас. обл. — Лисенко СЛЧ), *кбрôп* (Листвин на сев. Житомир. обл. — Никончук КД), *кбропи*• мн. ч. (Белявинцы на территории Молдав. ССР — АУМ), *кбруп* (в. т. р. Юж. Буг — АУМ),

коро́п (р-н Коломыи — АУМ; юго-зап. губ. — Саб. 365), *короп'і́ў* род. пад. мн. ч. (р. Буг в пределах Кривозерск. р-на Николаев. обл. — Терешко КД), *короп* (М. и К. 136: «и. т.», р. Днепр и ее басс. — Емел. 20; Чортков. округ — Majew. II, 266; Днестров. лиман — Берг 1918, 30; рр. Дунай, Днестр, Прут в Бессарабии — Лашков 114), *морской* ~ 'венгерский карп C. hungaricus' (устье р. Днепр — Саб. 367: «название, услышанное у днепровских рыбаков; в других русских реках эта разность карпа до сих пор не была найдена»), *kórop* (Pall. ZRA 289), *korop* (Солотвин, Станислав, Галич — Łom. 50; р. Сивка п. р. Днестр, р. Днестр близ г. Нижнев — Barta 8, 9; р. Прут близ г. Черновцы — Jawor. 42; р. Днестр от Галича до с. Побережье — Barta RD 59; р. Днестр близ г. Езополь — Barta 1877, 448; Коломыя, Делятин, Снятин, устье р. Черемош — Now. 85); блр. *карпъ* (XV—XVII вв. — Купр. 1965, 156), *карп* (р. Песчанка в Славгород. р-не Могилев. обл. — Яшкін 122; Олтуш, Луково, Здитово, Власовцы, Лопатин, Рубель, Хоромск, Ольманы, Голубица, Боложевичи, Шестовичи — Крив. 168), *karp* (р. Мозырь — Mosz. PW 19), *kàrpi* мн. ч. (р. Неман в р-не Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6), *ко́роп* (Боложевичи, Конотоп, Дерновичи — Крив. 168), *короп* (р. Припять — Жуков РБ 319); польск. *karp* (начало XV в. — Sł. stpol.; 1472 г. — Majew. II, 266; Rostaf. 396, SW, SDor; кашуб. — Sychta; Избица, Рольбек, Хойнице — Lor. PW; Вармия и Мазуры — M.-K. 15: «редко употребляемая форма»; Лопенно в Сев. Великопольше — Tomasz. 136; р. Нотец — Tomasz. MMW 115; Крамск Конин. пов. — Bąk 1968, 19; Доманевек Ленчиц. пов. — Szym; Стар. Сёлковице Опольск. пов. — Zaręba; Домброва Подуховна Илжиц. пов., Божинин, Осек Рыпин. пов., Хелмица Мала Липнен. пов., Зузулка Вонгровец. пов., Пробошчевице Плоцк. пов., Ловынь Мендзыжеч. пов., юго-вост. часть Влодавского и прилегающая к нему часть Любартов. пов., Возники Серадзке, Пшедмосц Велюньск. пов., Ополе, Голомб Пулав. пов., Стшебница Тарногруд. пов., Рогожник Новотарг. пов. — MSGP; силез. — Zaręba AJŚ t. IV, cz. I, карта № 586, cz. II, стр. 23; в. т. р. Висла, рр. Пшемша, Сола — правые притоки р. Висла, р. Скавинка л. п. р. Висла, рр. Раба, Дунаец п. п. р. Висла от истока до г. Новы-Тарг, рр. Шкло, Вишня — притоки р. Сан, в. т. р. Буг; Буск, Сасов, Потужице, Добротвор — Now. 21, 26, 27, 33, 34, 36, 48, 51; р. Сан близ г. Ярослав, р. Любачувка п. п. р. Сан — ZR 26; оз. Арнёнис в Литов. ССР — собств. наблюд.), ~ *goły* 'голый карп C. carpio alepidotus' (SW), *karp'* (1554 г. — Majew. II, 266; Leś. 55: «и. т.»), ~ *błotny*, ~ *rzeczny* (SWil), ~ *talarkowy*, ~ *wielkołuski* 'зеркальный карп' (Majew. II, 266), *karṕ* (Сворнигаче, Хойнице — Lor. PW; Закличин Бжеск-Малопольск. пов., Громник, Лихвин, Плесна Тарнов. пов. — MSGP), *karṕe* мн. ч. (Зёмаки, Пужец, Радзи-

ков-Стопки, Корница Седлец. пов., Крынка Луков. пов. — MSGP), *kårṕe* мн. ч. (Ставигуда Ольштын. пов. — MSWMO), *karṕ*, *karp*ˢ (Вармия и Мазуры — М.-К. 15: «наиболее часто употребляемая форма»), *karpś* (Яблонка, Кот, Лайс, Згнилоха Нидзиц. пов. — MSWMO), *karpśe* мн. ч. (Езёраны Решельск. пов., Морозек Оструд. пов., Вейсуны Пишск. пов. — MSWMO), *karpf* (Коможно Ключборк. пов., Совин Немодлин. пов., Мошна Крапковиц. пов., Старэ Будковице, Малина Опольск. пов., Хоцяновице, Кнея Олеснин. пов., Боболуски Глубчиц. пов. Опольск. воев. — Zaręba AJŚ t. IV, cz. I, карта № 586, cz. II, стр. 23; Дзержиславице Прудник. пов.— Pluta), *karpfy* мн. ч. (Бредынек Решельск. пов., Гавлик Гижиц. пов., Олецко, Шиба Элкск. пов., Ожиш, Здоры Пишск. пов., Джвежуты Щитнен. пов. — М. - К. 15: «измененная немецкая форма»), *karpχe* мн. ч. (Копанька Ольштын. пов. — MSWMO; Слухоцин Вонгровец. пов., Пирог Седлец. пов., Зджары Луков. пов. —MSGP), *kaper* (Зажече Цешин. пов., Черлихе Дольнэ, Зуха Заольз. пов., Дзелюв Глубчиц. пов. — MSGP; Мошна Крапковиц. пов., Мехница, Солярня Козлец. пов., Божуцин Рацибуж. пов. Опольск. воев.; Сумина, Бэлк Рыбник. пов., Пачина Гливиц. пов., Рогов Водзислав. пов., Крыры Пшчин. пов., Прухна, Дзенгелов Цешин. пов., Рудзица Бельско-Бял. пов. Катовиц. воев., Шоныхель, Горни Суха, Долни Датыне в р-не г. Карвина и Которни Лготка в р-не г. Мистек на территории ЧССР — Zaręba AJŚ t. IV, карта № 586; вост.-ляш. — Kellner VN 190), *kapьr* род. пад. ед. ч. *kapra* (Ощадница в р-не г. Чадца на территории ЧССР), *kapr* (Бренна Цешин. пов. Катовиц. воев.) и *kapr̥* (Штрамберк в р-не г. Нов. Ичин, Бржезова в р-не г. Опава на территории ЧССР — Zaręba AJŚ t. IV, карта № 586), *kapr̥* (силез. диалект в р-не горы Св. Анны на территории ГДР — Ôlesch 79), *krap* (Булаи в р-не г. Сучава на территории Румынии — Chiţ. 173); словин. *kãrp* (Lor. SW), *kårp* (оз. Гардно и Лэба в Слупск. пов. — Jurk. 75); в.-луж. *kharp* (Pfuhl), *hładki karp* ‘зеркальный карп’ (Трофимович); полаб. *kårpe* (Rost 41), *karp* (Polański 76); чеш. *kapr* (Gebauer, Jungmann, Kott: «из carp-io», Machek ², PSJČ, SSJČ; сев.-морав.-слвц. — Skulina 67; Костеляны на р. Морава — Běl. 180), *~ bachoratý* ‘разновидность карпа обыкновенного’, *~ hladký*, *~ holý* ‘голый карп, разновидность карпа обыкновенного’, *~ obecný*, *~ říčný*, *~ výlovný* (Kott I, 669: под *kapr*), *~ čínský* (SSJČ), *~ kožnatý* ‘карп без чешуи’ (Frič 6), *~ zrcadlový* ‘зеркальный карп’ (Hrabě i Oliva 47), *kapry* мн. ч. (Шкрдловице, Даржек — чеш.-морав. диалект — Hošek 50), *kaper* (ср.-опав. — Lamprecht 57), *kapři* мн. ч. (Якубовице, Слонэ в р-не г. Кудова — Siatkowski 10), *kapri* мн. ч. (Якубовице, Чермна, Ноузин в р-не г. Кудова — Siatkowski 10); слвц. *kaper* (Пудмерице —

Ferianc 61), *kapor* (SSJ; Банска-Бистрица — Kálal; р. Турец; Тренчин, Орава — Ferianc 61), ~ *dunajský* (Balon 196: «и. т.»), ~ *obyčajný* (Ferianc 61: «и. т.»), *krap* (Ferianc 61); с.-хорв. *krȁp* (юго-зап. обл. — RJA; Риечка нахия в Черногории — Hirtz), *кра̀п* (оз. Шкодер — Јовић. 191), *krap* (оз. Шкодер — Hirtz, Franetović 405; реки Адриатики — Lambl 184), ~ *zlatni* (Hirtz); словен. *kàrp*, *kràp*, *navadni* ~ (Pleteršnik); болг. *карп* (БТР[2]: «обл.», Моров 29; Ольшанка Одес. обл. — Бунина 27), *крап* (Геров; р-н г. Силистра и Тутракан — Кочев 140; Соколово Толбухин. околии — Младенов 1974, 406; Суворово Одес. обл. — П.-Зел. 90), *кóроп* (Твардица на территории Молдав. ССР — сообщение Э. И. Зелениной); макед. *кра̏п* (Повардарье — Ел. РКМД II, 473: под *шаран*), *крап* (Гевгелия, Дойран, Воден, Прилеп, Кукуш, Скопле — Тошев 390), *krap* (оз. Дойран — Hirtz);

блр. *карпа* ж. р. (р. Песчанка в Славгород. р-не Могилев. обл. — Яшкін 122: «отмечено в языке старшего поколения»); польск. *karpa* ж. р. (Совин Немодлин. пов. — Zaręba AJŚ t. IV, карта № 586); в.-луж. *karpa* (Pfuhl 1074); н.-луж. *karpa* (Мука; Вускидз в р-не г. Мужаков — Zaręba AJŚ t. IV, карта № 586);

с.-хорв. *krapac* (Hirtz);

русск., укр. *коропчата* мн. ч. 'мелкие карпы' (юж. и юго-зап. губернии — Саб. 365);

болг. *кра́пче* (Чешма-Варуита — Журавлев КД);

укр. *коро́пчик* (ниж. Поднестровье — Берлізов 48);

укр. *коропчу́к* 'мелкий карп' (СУМ; Ш. и Т. 84: «мн. ч. *коропча́та*»);

польск. *karpię* 'молодой карп' (SP XVI, SWil; кашуб. — Lor. GP 746), *karpięta* мн. ч. то же (книга 1558г., изданная в Кракове — Dobrzyński 41); словин. karṕą то же (Lor. PW); ст.-чеш. *kapřě* (Gebauer);

с.-хорв. *krapec* (Грачаница — Hirtz);

укр. *коропе́ль* (Жел.), *коропель* (Коломыйск. округ — Majew. II, 266); польск. *kårpol*, *karṕål* (Лисево — Sychta);

укр. *коропень* (Преображенский);

н.-луж. *karpica* 'молодой карп' (Мука);

с.-хорв. *krapić* (Hirtz: «dem.»);

русск. *ка́рпий* (Даль[2] II, 169: «под *кóроп*; ССРЛЯ: «устар.»);

русск. *карпия* (ССРЛЯ: «устар.»; юж. — Герд и др. 31; средняя Россия — Саб. 365: «употребляется чаще, чем *карп*; название относится исключительно к карпам, живущим в больших прудах и озерах»; р. Ока близ г. Коломна — Кес. 1870, 248; бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 41; юг РСФСР — Берг 831);

русск. *карпик* 'разновидность карпа C. carpio Kollarii Heck.' (р. Свияга — Саб. 370); блр. *ка́рпік* (полесск. — Крыв. 199); польск. *karpik* 'маленький или молодой карп'

(SP XVI, SWil: «zdr. od *karp*'»; SW и SDor: «zdr.»), *kapšik* то же (р-н горы Св. Анна на территории ГДР — Olesch 79), *karpk* (кашуб. — Lor. PW: «dem».); словин. *kãrpk* 'маленький карп' (Lor. SW); в.-луж. *karpik* то же (Jakubaš), *kharpik* (Pfuhl: «pom.»); чеш. *kapřík* (Jungmann: «dem.», Kott, SSJČ, PSJČ: «zdrob.»); слвц. *kaprík* (SSJ: «zdrob.», Ferianc 61);

в.-луж. *kharpičk* (Pfuhl: «pom.»); чеш. *kapříček* (Jungmann: «intens.», Kott, SSJČ, PSJČ: «zdrob. ke *kapřík*»); слвц. *kapríček* (SSJ: «zdrob. expr.»);

в.-луж. *kharpisko* 'большой карп' (Pfuhl);

укр. *коропи́ще* (СУМ: «увеличит.»);

словен. *krápovec* 'карп C. carpio L.' (SSKJ);

словин. *kárṕǫtäčkᵘo* (Lor. PW: «dem. zu *kárṕǫtkᵘo*»), *kărpjöu̯tĕčko* 'маленький карп' (зап.-словин., Смолдинский Ляс, Чолпино, Вежхоцино, Стойцино — Lor. SW);

словин. *kárṕǫtkᵘo* 'маленький карп' (Lor. PW: «dem. zu *karṕą*»), *kãrpjòu̯tko*, *kãrpjòu̯tko* то же (зап.-словин. — Lor. SW);

словин. *karṕǫtüškᵘo* 'маленький карп' (Lor. PW: «dem. zu *karṕą*»), *kărpjöu̯tŭško*, *kărpjöu̯tŭško* то же (зап.-словин. — Lor. SW);

русск. *карпу́ня* (бывш. Череповец. у. Новгород. губ., бывш. Буйск. у. Костром. губ. — СРНГ: «уменьш. и ласк. к *карп*»);

русск. *карпуша* (орл. — Герд ДД);

русск. *карпушка* (Новооскол. р-н Курск. обл. — СРНГ; Саб. 413: «название, принадлежащее помеси карпа с карасем»).

Ср. лит. *kárpa* (Fraenkel), лтш. *karpa* и лтш. диал. *karpe*, *karpis*, *karps* (Laumane 1973, 105—106), англ. *Carp*, франц. *Carpe*, нем. *Karpf(en)*, ит. *Carpa*, голл. *Karper*, дат. *Karpe*, швед. *Karp*, фин. *Karppi* (Bauch 82), рум. *Crap* (Antipa 114), алб. *krap* (Селищев 169: «южнославянское посредство: *крап*. Наиболее распространено это название у болгар. У сербов обычно — *шаран*»), *krapi* (Poljakov 81), словен. *kàrp*, *kràp* 'ploščata riba z dolgo hrbtno plavutjo, živeča v stoječih in počasi tekočih vodah' (SSKJ).

karpa см. karp
karpę см. karp
karpica см. karp
karpičk см. karp
karpij(a) см. karp
karp(i)k см. karp
karpisko см. karp
karpol' см. karp
karp'ǫtečko см. karp
karp'ǫtko см. karp
karp'ǫtuško см. karp
karpun'a см. karp
karpuša см. karp

karpuška см. karp
kasper укр. *ка́спер* (Далява — Врх. НЗн. 27)
korobok см. karob
korol' укр. *коро́ль* 'зеркальный карп' (ниж. Поднестровье — Берлізов 48); болг. *краль на шараните* 'карп без чешуи' (р. Дунай — Мороз 33);
чеш. *králík* 'карп с тремя рядами чешуи' (Kott I, 669: под *kapr*; Frič 6); ср. болг. *кра́лик* 'една риба в рекъ Тича' (Геров).
koropčata см. karp
koropčik см. karp
koropčuk см. karp
koropel' см. karp
koropen' см. karp
koropišče см. karp
kral' na šaranite см. korol'
kralik см. korol'
krap(ac) см. karp
krapče см. karp
krapec см. karp
krapić см. karp
krapovec см. karp
kroček польск. *kroczek* 'маленький карп' (SW: «двухлетний карп»; р. Висла близ Кракова — Now. 21), *крочек* то же (верховья р. Висла — Зол., Саб. 365); ср. польск. *kroczek* 'narybek, który przezimował; małe rybki' (SDor).
kurp'e польск. *kurpie* мн. ч. (Рапаты Оструд. пов. — М.-К. 15).
lapyš русск. *лапы́ш* 'мелкий сазан длиной до 27 см' (н. т. р. Волга — Кузн. ТРП 187; Касп. море — Клыков), *лапыш* то же (бывш. Астрахан. губ. — Саб. 365).
len' русск. *лень* (донск., урал. — Герд и др. 31).
lopušok русск. *лопушо́к* 'небольшой карп' (урал. — Карпов 37).
lysec чеш. *lysec* 'карп с тремя рядами чешуи' (Dyk 1946, 180, NR: «kapr s nápadně velkými, porůznu rozhozenými šupinami»).
l'ustšen' польск. *lustrzeń* 'зеркальный карп' (Leś. 60, SWil, Majew. II, 266, SW, SDor).
masura укр. *масу́ра* 'мелкий сазан' (Лиман, Тузлы Одес. обл. — Дрозд. КД).
modrak чеш. *modrák* 'карп синего цвета' (Dyk 1946, 181, NR: «s nápadně modrým zbarvením těla»).
moravac с.-хорв. *moravac* (р. Морава, Земун — Hirtz: «Cyprinus carpio qui in flumine Morava habitat»).
moravski šaran см. šaran
nahač чеш. *naháč* 'карп без чешуи, голый карп' (Kott I, 669: под *kapr*; NR: «lid.»).
opačn'ak польск. *opaczniak* (Now. 1889, 24, 53; р. Висла близ Освенцима — Now. 21), *opocznlak* 'C. carpio rex cyprinorum' (Majew. II, 266).

otavky чеш. *otávky* 'мальки карпа' (NR: «místní název pro kapří plůdek nejmenší velikosti z pozdního výtěru»).
ovisky чеш. *ovísky* 'мальки карпа' (NR).
podrojčik см. podrojek
podrojek русск. *подрóйчик*, *подрыйчик* 'молодой карп' (низовья р. Днепр — СРНГ), *подрыйчик* то же (Зол.); укр. *підрийчик* то же (Ш. и Т. 84);

русск. *подрóек* 'мелкий карп' (н. т. р. Дон — Макаров АКД; юж. — Даль[2] III, 200: под *подрывáть*), *подроек* (н. т. р. Дон — Макаров 1966, 47: «слово заимств. из укр. яз.»; Кес. 1877, 246: «гибрид карпа и карася»), *подрыек* (юж. — Даль[2] III, 200: под *подрывáть*: 'Cyprinus Nordmanni'), *подрыек* 'гибрид карпа и карася' (Кес. 1877, 246); укр. *подроек* 'мелкий карп' (Берг 831), *підриек* (р. Орель л. п. р. Днепр — Ш. и Т. 84), *підрийок* 'мелкий карп' (М. и К. 136).
pot'ka укр. *пóтька* (юго-вост. Угорщина, Лишаки — Врх. НЗн. 27), *потька* (Бачка в Югославии — Горбач Сб. МУК 327: «из венг. *potyka*», Закарпат. обл. — Влад. 80), *пóт'ка* (р. Латорица близ Мукачева — АУМ), *пот'кú* мн. ч. (н. т. р. Боржава — АУМ); слвц. *pod'ka* (Ferianc 61: «из венг. *potyka* или карпатоукр. *pod'ka*»); ср. венг. *potyka* 'карп' (Heckel u. Kner 58), *ponty*, *ponyty* то же (Ормань, р. Драва в обл. Баранья — Kiss 422).
revuga укр. *ревýга* (Ш. и Т. 84).
ryba болг. *риба шарáнова* (СбНУ XXXI, 223, Твардица на территории Молдав. ССР — сообщение Э. И. Зелениной); чеш. *ryba tržní* '4-летний карп' (NR);

чеш. *rybička zlatá* 'золотой карп' (Kott I, 669: под *kapr*).
ryba tržni см. ryba
rybička zlata см. ryba
saran укр. *сарáн* 'мелкий карп до 10 ф.' (Ш. и Т. 84), *саран* (низовья рр. Днепр и Днестр — Саб. 365: «название, принадлежащее помеси речного карпа с карасем»); ср. рум. *saran* то же (Гриценко 30);

русск. *saraneț* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 114); укр. *саранéць* 'мелкий карп' (рр. Днепр, Днестр — Ш. и Т. 84), *саранец* 'карп менее 10 ф. весом' (низовья рр. Днепр и Днестр — Саб. 365: «название, принадлежащее помеси речного карпа с карасем»).
saranec см. saran
sazan русск. *сазáн* (вост.-русск. — Даль[2]; р. Шексна; Льгов., Глушк. р-ны Орлов. обл. — Герд ДД; Ульянов. обл., н. т. р. Дон — Миртов; повсеместно в Великороссии — Бурнашев; Темрюк. р-н Грознен. обл. — СРНГ: «большой карп»; н. т. р. Вятка — Лукаш 73), *сазан* (р. Сейм — Плетенев 58; р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 46; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 41; басс. р. Свияга — Рузский 42; бывш. Пензен. губ.—

Магн. 21: «местные рыбаки считают сазана и карпа разными рыбами, но это 2 формы одного вида C. carpio, одна с удлиненным, другая с высоким телом»; притоки р. Сура — Варп. РС 4, 7; р. Волга — Зол.; рр. Волга, Кама в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 27: «редкая здесь рыба»; дельта р. Дунай — Гриценко 30: «литературное слово известно рыбакам, но используется лишь в тех случаях, когда надо «перевести» общеупотребительное *шаран*»; рр. Дон, Волга, юго-вост. Россия, Кавказ, Туркестан — Саб. 365; р. Летка — Дрягин РЛ 6; р. Кама — Меньш. 401; реки Урала — Цех. 147; Уфалейские озера — Троицкая 38; басс. р. Урал — Навозов 260; н. т. р. Урал — Саб. 373; Касп. море — Кузн. ОРР 16; волго-касп. р-н — Кис. 33; р. Терек — Кузн. ТРП 42; р. Амур — Берг РА 68: «м. н.»), ~ *стержневой* 'крупный карп' (басс. р. Свияга — Рузский 45), *sazan* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 114; рр. Хопер, Волга, Терек — Güld. I, 49, 131, 174), *ssasán* (рр. Волга, Урал — Pall. ZRA 289), *сазóн* (псков. — Л. и Г. 152); ср. русск. *сазáн* 1) 'аргунская рыба, род карпов' (нерчин., забайкал. — СРНГ), 2) 'рыба вроде карася' (сиб. — СРНГ); укр. *сазáн* (Жел., Гринченко, Ш. и Т. 84, Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД; ниж. Поднестровье — Берлізов 70), *сазан* (р. Днепр близ Киева — сообщение Е. К. Головатенко: «зеркальный карп»; рр. Днепр, Юж. Буг — Амброз 201; устье р. Днепр — Majew. II, 266: «самый крупный карп»), *сазáнь* (Жел.); польск. *sazan* (SDor); болг. *сазáн* (Геров), *сазан* (Моров 29); ср. тур. и гагауз. *сазáн балъѣ* 'карп' (Ясенково Коларовградск. околии, Брестовене Исперих. околии — В. Маринов 173); татар., кирг. *сазан* (Саб. 365), калм. *беюрга-сазан* (Саб. 365), греч. *sazani*, тур. *sazan* (Antipa 114), рум. *sazan* (Молдова — Antipa 114);

русск. *сазанчик* 'маленький карп' (р. Волга в р-не Волгограда — Мизин 28);

русск. *сазомик* 'мелкий карп' (Грац. 68), *сазомята* мн. ч. то же (донск. — Саб. 365; Саб. 380: «*сазанята*»).

sazančik см. sazan

sazomik, sazom'ata см. sazan

spačn'ak укр. *спачняк* (русин. — Зол.); польск. *spaczniak* (SW: «karp królewski C. carpio rex cyprinorum»; р. Висла от Освенцима до устья р. Сан — Now. 22).

stopn'ak польск. *stopniak* 'трехлетний карп, больше, чем *kroczek*' (SW; р. Висла от Освенцима до устья р. Сан — Now. 22), *стопняк* (Зап. Польша — Зол., Саб. 365), *stopnik* то же (SW).

stopnik см. stopn'ak

sul'atnik русск. *сулятник* 'крупный карп' (н. т. р. Дон — Миртов: «карп 5—8 ф. весом размером с сулу»; Макаров АКД 6: «слово донск. по происхождению»; Багаевская — Макаров РЛК 240:

«карп весом 2,5 кг»; Макаров 1966, 48: «новообразование от заимствованного *сула*»).

svin'ja vod'anaja русск. *водяная свинья* (смол. — Шмидт 56: «так как карп роется в иле до глубины 15 см, всеяден и поедает как животный корм, так и растительный»).

šaran русск. *шара́н* (Некрасовка — СРНГ: «сазан»), 'карп весом меньше 10 ф.' (новорос. — Даль²; побережье Азов. моря — Кузн. ПАБ 108; н. т. р. Дон — Макаров АКД 8, 14: «молодой карп; слово проникло из укр. яз.»; Темрюк. р-н Краснодар. края — СРНГ), *шаран* (дельта р. Дунай — Гриценко 30: «1) 'сазан', 2) 'сазан весом около 1,5 кг'»; Николаев — Кес. 1860, 64: «карп не менее 10 ф. весом»; Варненское и Белославское озёра близ Варны в Болгарии — Романска 377: «название рыбы C. carpio L.»; Кес. 1877, 246: «гибрид карпа с карасем»), *şaran* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 114); укр. *шара́н* 'карп меньше 10 ф. весом' (Гринченко, Ш. и Т. 84, Николаевка и Сухолужье — Берлізов 79; Незавертайливцы — Дзенд. КД; Татарбунар., Белгород-Днестров. р-ны Одес. обл.— Дрозд. КД; н. т. р. Серет, Нов. Челаковка на территории Молдав. ССР — АУМ), ~ *звича́йний* (Ш. и Т. 84), *ша́ран* (Стриговец в ЧССР — АУМ), *шаран* (низовья рр. Днепр и Днестр — Зол., Кес. 1860, 244: «карп меньше 10 ф. весом»; Днепров. лиман — Кес. 1860, 71: «карп от 5 до 10 ф. весом»; ниж. Поднестровье — Макаров 1966, 45; Бачка в Югославии — Горбач Сб. МУК 335: «заимств. из с.-хорв. яз.»), *шарані́* мн. ч. (р-н Львова — АУМ), *шере́н* (бывш. Галиция — Врх. НЗн. 27), *szaran* (в. т. р. Стырь Львов. обл., Лопатин, р. Днестр; Галич, Езополь, Розвадов; р. Збруч л. п. р. Днестр, Гусятин, Козачовка, Тернополь, Микулинцы, Струссов, Мышковичи, Чарторый, Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка, рр. Стрыпа, Золотая и Гнилая Липа — притоки р. Днестр — Now. 57, 60, 62, 63, 64, 65, 66); польск. *szaran* (SW: «narybek karpi»; р. Сан близ г. Ярослав — ZR 26, Now. 44); чеш. *šaran* (ст.-чеш. и ганац. — Machek²: «k nám přišlo z východu»); с.-хорв. *шара̏н* род. пад. *шара̑на* (Косово и Метохия — Ел. РКМД), *шаран* (Болевац — Грбић 326; рр. Босна, Ставна, Мисоча, Фойница в Височкой нахии — Филиповић ЖОВН 26), *шарани* мн. ч. (рр. Босут, Савок в Среме — Бабовић 54), *šàran* (Оток, Градиште в Славонии, Високо в Боснии — RJA), *šaran* (Сербия — EJ VII, 664: «и. т.»; сев.-вост. области Югославии, Катлановско Езеро — Hirtz; реки басс. Адриатики — Lambl 184), ~ *goli* 'голый карп', ~ *krupnoljuskavi* 'зеркальный карп C. carpio L. v. rex cyprinorum', ~ *linjavi* 'Lederkarpfen' (Hirtz), ~ *moravski* (р. Морава — Hirtz), ~ *troredac* 'карп с тремя рядами чешуи', ~ *veleljuskavi* то же (Hirtz), *šarań* (р-н Ужице, Скрапеж — RJA), *šaren* (р-н Бариловича — Hirtz); болг. *шара́н* (Геров, РСБКЕ, Силистра, Тутракан — Кочев 140; Тутракан, оз. Шабла — Вакар. 54, 62; Твардица

на территории Молдав. ССР — сообщение Э. И. Зелениной; Суворово Одес. обл. — П.-Зел. 133), *шаран* (вост.-болг. — Тошев 390; Ломско, Белоградишко, Вратчанско, Орехово, Свиштово, Тырново — Маринов 533; побережье Черного моря — Максимов 68; Варнен. и Белослав. озёра — Романска 377; Пешев и Боев 31: «и. т.»; Кабаив. 48: «1) и. т.; 2) 'карп более 30 см длиной и более 900 г весом'»), *гол* ~ 'голый карп C. carpio nudus Heck.' (Дрен. 118), *златен* ~ 'C. carpio rex cyprinorum L.' (Дрен. 118: «карп с редкими крупными золотыми чешуйками»), *люспест* ~ 'чешуйчатый', *огледален* ~ 'зеркальный карп' (Цанков 47), *шъра́н* (Видин — Млад. ГВ); макед. *шаран* (Апостол. и др. 29; Битолско, Преспа, Охрид — СбНУ IV, 1, 52), *šaran* (оз. Дойран — Hirtz); ср. рум. *şeran* 'карп' (Vasiliu 212), *şaran* то же (Молдова — Antipa 114);

с.-хорв. *šaranac* 'маленький карп' (Славонский Брод — RJA; Гацка Близ Оточца, Варош в Славонии, Бабска-Новак — Hirtz);

с.-хорв. *šaranče* 'маленький карп' (Осиек — Hirtz); болг. *шара́нче* (Дювернуа: «ум.»);

с.-хорв. *šarančić* 'маленький карп' (RJA, Hirtz);

русск. *шаранчик* (Николаев — Кес. 1860, 64: «карп не более 5 ф. весом»); укр. *шаранчик* (рр. Днепр и Днестр — Вен. 43; Лиманское в н. т. р. Днестр — Берлізов 79: «зменш.»);

русск. *шаранец* 'карп меньше 10 ф. весом' (новорос. — Даль[2] IV, 622: под *ша́ра́н*); укр. *шара́нец* (Клыков), *шаранéць* 'мелкий карп' (Ш. и Т. 84; Николаевка Овидиопольск. р-на — Берлізов 79: «зменш.»), *шаранец* то же (н. т. р. Днепр, Днестр — Зол., Саб. 365: «название, принадлежащее помеси речного карпа и карася»); с.-хорв. *šaranec* (Hirtz);

польск. *szaranek* 'мальки карпа' (SW);

с.-хорв. *šaranić* (Брод на р. Сава — Hirtz).

šaranac см. šaran

šaranče см. šaran

šarančić см. šaran

šarančik см. šaran

šaranec см. šaran

šaranek см. šaran

šaranić см. šaran

šaranova riba см. ryba

šaren см. šaran

šartan с.-хорв. *šartan* (Свилайнац — Hirtz).

šavran с.-хорв. *šavran* (Hirtz).

šiška с.-хорв. *šiška* (Hirtz: «ako je po hrptu zelen»).

šlehoun чеш. *šlehoun* 'карп-самец' (Пльзень — NR).

špigel' укр. *шп'ігел'* (Заставна Черновиц. обл. — Прокоп.: «карп, разводимый в прудах»); чеш. *špígl* 'карп с тремя рядами чешуи' (Frič 6), ~ 'карп без чешуи' (диал. — Kott I, 669: под *kapr*).

šupak чеш. *šupák* (Kott I, 669: под *kapr*);
чеш. *šupináč* 'чешуйчатый карп' (NR: «lid.»).

šupinač см. šupak

taranik русск. *тара́нник* 'сазан небольших размеров' (н. т. р. Дон — Миртов).

tarant в.-луж. *tarant* 'зеркальный карп' (Pfuhl 1119); чеш. *tarant* то же (Kott I, 669: под *kapr*).

ul'ak польск. *ulak* 'зеркальный карп' (XVIII в. — Szczygielski 48; Leś. 60; SW).

vod'anaja svin'ja см. svin'ja vod'anaja

zerkalec укр. *дзерка́лець* 'зеркальный карп' (Галиция — Ш. и Т. 84).

zlata rybička см. ryba

zobač русск. *зоба́ч* 'жирная рыба, чаще сазан' (н. т. р. Дон — Миртов);
русск. *зобови́к* то же (н. т. р. Дон — Миртов).

zobovik см. zobač

žampax чеш. *žampach* 'карп с очень крупной, редко и несимметрично расположенной чешуей' (Kott I, 669: под *kapr*).

Сазан в культурном виде известен под названием карпа, он разводится в прудах, откуда попадает и в реки. Внешне они очень похожи, но иногда принимаются рыбаками за разные породы рыб. Самая распространенная форма разводимого в прудах карпа — зеркальный карп, которого раньше называли королевским — Spiegelkarpfen, Cyprinus carpio rex cyprinorum L. Он покрыт необыкновенно крупной чешуей, разбросанной несимметрично по всему телу рыбы. По расположению чешуек среди карпов зеркальных различают карпа с тремя рядами чешуи, которого называют рамчатым зеркальным карпом, карпа с разбросанными чешуйками и карпа линейного — с одним рядом чешуек. Кроме зеркального карпа известен еще голый или кожистый карп — Lederkarpfen, Cyprinus carpio nudus Heck., который почти не имеет чешуи. Все это формы одного и того же вида — карпа обыкновенного Cyprinus carpio L.

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I

(ликоваться, спацьливый, невенный, тоща, рягаться, недоскитить, пища

ликоваться

В похоронных плачах, записанных Е. В. Барсовым в быв. Олонецкой губернии, содержится много архаичной лексики, давно вышедшей из употребления. Таково, на наш взгляд, слово *ликоваться* в следующем тексте:

> «Ты смотрела ли, горюшица победная,
> Как душа да с белым телом *ликовалася,*
> В друго светно как живленьице справлялася»
>
> *(Плач по сыне)* [1]

Барсов дает примечания к слову *ликоваться*: «с предсмертными мучениями боролась». Это толкование мне представляется не совсем точным, здесь скорее значение 'разлучаться, расставаться'. Можно предположить, что данный глагол идентичен глаголу *ликоваться* 'приветствовать друг друга, прикладывая щеку к щеке (в монашестве)', но по говорам последний получил иное семантическое развитие 'целоваться, любезничать, ласкаться', что трудно совместить с данным контекстом. В качестве очень осторожной гипотезы можно высказать мысль о том, что глагол *ликоваться* 'расставаться' является архаичной лексемой, отражающей уникальную для славянских языков огласовку индоевропейского корня *$*leik^{u}$-* 'оставлять'. Этот корень, широко представленный в древнеиндийском, армянском, греческом, латинском, древнеисландском, готском и балтийских языках, в славянских языках отражен только в огласовке *$*loik^{u}$-* в ст.-слав. отълѣкъ 'остаток', др.-русск. *олѣкъ* 'часть улья' и, возможно, в чеш. *liknovati se.*

Слово *блек* относится к лексике, уходящей из языка. Уже в Древней Руси оно употреблялось только как бортнический термин и не имело отвлеченного значения 'остаток'. Ср. в «Русской Правде» Владимира *олекъ* 'подрезанный улей' (?): «Аже борть подътнеть, то г҃ (гривнѣ) продаже... а за медъ, ѡже боудоуть бчелы не лажены, то і҃ кунъ, боудеть ли *ѡлекъ*, то е҃ коунъ»[2].

По говорам *блек* м. 'соты, в которых детка насижена, но еще не вывалилась' (Костром. Нерех.)[3]; *блек* или *подбой* — самая

---

[1] Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I. М., 1872, стр. 94.
[2] Срезневский II, стб. 658—9.
[3] Опыт, стр. 140.

голова в борти, пустота выше должен, самый почин сотов[4]. На Украине и в Белоруссии слово ограничено территорией Полесья: *бл'ок* 'потолок борти, внутренней части долбленного улья'[5]; *бл'ек*, *вόл'ек*, *вόл'еко* ср. р., *вόлик* 'часть пустого пространства улья-колоды от верхнего края должеи до верху'[6].

Старославянизм отълѣкъ для русских был непонятен и в ряде памятников заменен словами: *останокъ*, *остатокъ*, ѿ *избытка* и. д. Существование древнерусского *лѣкъ* 'остаток', по-видимому, результат ошибочного чтения. Слово отмечено дважды в одном тексте в сочетании *ѡтъ лѣкъ*, где понимание *ѡтъ* как предлога только нарушает смысл. Ср.: «Насытишася сн҃овъ и оставиши ѿъ *лѣкъ* младеньцемь своимь. . .» (Псалт. толк. XII в. 4)[7]. Перед нами одно слово *ѡтълѣкъ* 'остаток'.

В диалектах сербохорватского языка сохранилось *лêк*, *лӥк* 'малая часть чего-л'. < праслав. **lěkъ*[8].

Таким образом, основа **lěk-* представлена только в южнославянских и восточнославянских языках и выявляется в лексике, уходящей из языка.

Глагол *ликоваться*, сохраняющий огласовку **lik-* и архаичное значение 'расставаться, разлучаться', позволяет реконструировать для праславянского три лексемы с этим корнем: **lěkъ*, **otъlěkъ* и **likovati sę*. Вполне возможно, что *ликоватися* является модернизацией более старой формы глагола **likti*, ср. лит. *lìkti* 'оставлять'.

Однокоренные индоевропейские лексемы нередко выступают в сходных текстах. Мы видим повторение текста в русском северном плаче: «душа с белым телом *ликовалася*» и у Гомера: «ψυχὴ λέλοιπεν» — «жизнь (душа) оставила его».

спацъливый

В тех же причитаниях, собранных Барсовым, несколько раз встречается слово *спацъливый* 'ласковый, заботливый, обходительный'. Например:

> «Подойдите-тко сиротны малы детушки
> Вы ко этоей колоде белодубовой,
> Вы ко *спацъливу* родителю ко батюшку. . .»
> «Он *спацъливый* до сердечных был родителей. . .» [9]

Г. Куликовский записал в Заонежье и на Выгозере *упáцли-вый*, *упáчливый* 'падкий до чего-либо, ухаживающий, льстящий,

---

[4] Даль[3] II, стб. 1735.
[5] Лексика Полесья, стр. 325.
[6] Лекс. атлас Правобережного Полісся.
[7] Срезневский II, стб. 71.
[8] И. П. Петлева. Праславянский слой лексики сербохорватского языка I. «Этимология 1968». М., 1970, стр. 152.
[9] Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I. М., 1872, стр. 11, 106. — Барсов связывает это прилагательное с глаголом *спахнуться* 'спохватиться', но такая этимология не может быть принята в связи со звуковыми расхождениями слов.

угодливый, услужливый'[10]. В других говорах это слово не отмечено, в научной литературе не упоминается.

Перед нами прилагательное с суффиксом *-лив-*, предполагающее производящую глагольную основу, ср. *угодливый*, *услужливый*, *молчаливый* и т. д. Исходными можно предположить две префиксальные формы от глагола **пачить* (**спачить*, **упачить*). Этот глагол мы обнаруживаем в псковско-новгородских говорах: *пáчить* 'услуживаться, подлещиваться' (псков., твер.): «Не *пачьте*!» — не беспокойтесь, не трудитесь; *пáчиться* то же[11]; *пáкать* 'угождать' (новг.)[12]; *пáкать* 'часто навещать кого-л.' (новг.), 'угождать' (псков., твер.)[13]; *запáкать* 'начать ладить, соглашаться, делать и мыслить заодно' (псков., твер.)[14].

Перед нами глагол, отсутствующий в украинском и белорусском, но достаточно широко представленный в других группах славянских языков: ср. польск. *paczyć* 'коробить, искривлять', чеш. *pačiti* 'выворачивать, выламывать', диал. 'вспоминать'; н.-луж. *pacyś* 'поднимать', 'сдвигать весельным шестом', в.-луж. *pačić* 'поддевать, поднимать (ломом)', 'колоть, расщеплять', с.-хорв. *пáчити* 'вредить, мешать, препятствовать', словен. *páčiti* 'искажать, портить, мешать'. Праславянский глагол **pačiti* — результат депревербализации, исходной была форма **opačiti*, образованная от наречия **opakъ* 'обратно, назад', 'наоборот'[15]. Это значение наречия нашло отражение в семантике глаголов **opačiti*, **pačiti* в западнославянских и южнославянских языках. Но уже в праславянский период у наречия **opakъ* развивается значение 'опять, вновь, еще', сравнит. ст. **pače* 'больше, лучше', 'еще, сверх'. Ср. в русских колымских говорах: *паче* 'сильнее, больше' «*Паче* прежнего к ней припадет»[16]. Именно это значение получило свое развитие в русском диалектном *пáчить* 'угождать', *спáчливый* 'заботливый'. Формальные отношения **opakъ* 'опять, еще' и **(o)pačiti* 'угождать' аналогичны отношениям **tako* и **potakati*.

невенный

В причитаниях, собранных Барсовым, среди лексики, записанной им в быв. Олонецкой губ., встречается слово *нéвенный* 'худой'. Текст отсутствует. Это слово не фиксируется в диалектных и исторических словарях. Тем не менее, оно привлекало внимание этимологов. А. Погодин говорит о возможности огласовки *-ev-* в гнезде **navь* и родственных и приводит в качестве до-

---

[10] Куликовский, стр. 124.
[11] Дополнение к Опыту, стр. 174.
[12] Картотека Новгородского ГПИ.
[13] Опыт, стр. 151.
[14] Дополнение к Опыту, стр. 60.
[15] Skok III, стр. 558—559; Machek², стр. 425; Brückner, стр. 380.
[16] Богораз, стр. 104.

казательства слово *не́венный* [17]. Г. А. Ильинский сравнивал *невенный* с болг. *невен*, с.-хорв. *нѐвен* 'ноготок', но последние образованы от глагола *вянуть*. М. Фасмер отвергает оба сопоставления и высказывает мысль, что *невенный* образовано от глагола *веять* [18].

Сложность заключается в изолированности слова и в отсутствии контекста. Даже семантика остается не выясненной до конца. Если 'худой' употреблено в данном случае в значении 'плохой' и слово *не́венный* выступало в таких сочетаниях, как *невенный хлеб*, *невенный ячмень*, то прав Фасмер, и перед нами причастие от архаичной формы глагола *веять* — *веть* (< **vě̆ti*). Подтверждением этой этимологии может служить сохранившийся в северновеликорусских памятниках термин *невеница* 'невеянная рожь'.

Если же слово '*худой*' употреблено в значении 'тощий (о человеке)', то можно предложить иное этимологическое решение. Слово *невенный* можно рассматривать как причастие от незасвидетельствованного глагола ***невить*. Худой, тощий — значит слабый, больной, неработоспособный, нежизнеспособный. Ср. болг. *слаб*, *мършав* 'худой'. Предполагаемый глагол ***něviti* должен быть каузативом и значить 'делать худым, слабым', 'мучить, утомлять, иссушать'.

Большой интерес представляет русск. диал. слово *поня́ва* о невзрачном человеке: «Иной человек х у д е н ь к о й, с л а б е н ь к о й. . . (разрядка моя. — *В. М.*). Вот про него и говорят: «Ух ты, *понява*!» (перм.) [19]. Это слово по семантике совпадает с указанным выше, и мы условно реконструируем его, как **poněva* [20].

Соответствий в других славянских языках нет, но они обнаруживаются за пределами славянского. Это лит. *neivà*, *naivà* 'высыхание, похудание от болезни', 'состояние, когда человек чахнет без видимых признаков болезни', *neĩvoti* 'мучить, изнурять', *naĩvoti(e)s* 'хворать, болеть', *náivyti* 'мучить, убивать' [21].

Показательно абсолютное совпадение формы и семантики русских и балтийских лексем. Это доказывает древность русских слов и правомерность их отнесения к праславянской эпохе. Существование лит. глагола *náivyti* 'мучить, убивать' делает более убедительным наше предположение о возможности слав. ***něviti* 'мучить, изнурять'. Последний в свою очередь должен был быть образован от имени ***něva* 'мучение, болезнь'. Отношения семантические должны быть таковы, как в *порча* — *портить* — *порченный*.

---

[17] А. П о г о д и н. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903, стр. 221.

[18] Ф а с м е р III, стр. 54.

[19] Соликам. словарь, стр. 483.

[20] Не исключено, что к этой же группе слов относится курское *мя́ва* об. человек непроворный, ненаходчивый (Дополнение к Опыту, стр. 121), если предположить, что *мява* < *нява* < **něva*, ср. укр. *мавка* < *навка*. Возможно, что сюда же и архангельское *невé́я* 'лихорадка'.

[21] К. К. Б у г а. Балтийские (айстийские) этимологии. — РФВ 1911, стр. 239—240; F r a e n k e l, стр. 479, без славянского материала.

Дальнейшие связи балтийских (а следовательно, и славянских) слов, по мнению Буги и Шпехта, определяются параллелизмом с и.-е. **nāu-*, *nəu-*, *nū-* 'мучение, смерть' (ср. праслав. *naviti/nyti*, *navь*).

тоща

Печорские былины содержат любопытную архаичную лексику. Описывая подвиги киевских богатырей, авторы былин подробно характеризуют и их вооружение. Это тугой лук, каленые стрелы, копье бурзомецкое и палица боевая. Эти детали повторяются из былины в былину, и только в одной, на месте боевой палицы стоит слово *тóща*. Это былина «Данило Борисович»:

«Говорит тогда Данило сын Борисович:
«Уж вы ой еси, робята добры молодцы!
Я забыл-де ведь дома да *тощу* менную (=медную. — *В. М.*),
Тощу менную-де — палицу буевую» [22].

Наличие этого слова только в одной былине может говорить как о новообразовании, так и об архаизме. Необходимость уточнить значение слова (тоща медная это палица буевая) скорее говорит о том, что перед нами архаизм или старый диалектный вариант названия палицы.

Во времена, которые описывают былины, боевая палица была металлической. Ср. выше определение: — *медная* и еще:

«Кабы брал-ле в руки палицу *железную*»;
«Пошел он сперва к кузнецу, ко мастеру,
Сковал сперва *палицу* буевую»;
«На *тощи* ведь подпись есь подписана,
Але подрезь есь подрезана,
Але каким она кузнечем да, право, роблена,
Але сколько весу-она описана» [23].

Значит, не только она выкована, но на ней есть еще и клеймо мастера.

Слово *тоща* в русской лексике стоит изолированно, в этимологической литературе не упоминается. В тихвинских говорах Новгородской области записан глагол *тоснýть* 'ковать' [24], который, на наш взгляд, связан с именем *тоща*. Тихвинские говоры относятся к архаичной в отношении лексики группе говоров. Связь новгородских говоров с печорскими несомненна: первыми поселенцами Усть-Цильмы, где записаны былины, были новгородцы: Ивашко Ластко и товарищ его Власко в 1542 г.

---

[22] Н. Е. Ончуков. Печорские былины. — Зап. РГО по Отд. этногр. 1904, т. XXX, стр. 214.
[23] Там же, стр. 221, 81, 215.
[24] Н. Соколов. Поездка в Тихвинский у. Новгород. губ. Словарик говора д. Пешневы. — РФВ, т. LXII, 1909, стр. 296.

Таким образом, мы можем считать слово *тоца* древним новгородским диалектным названием палицы. Отношения *тоснýть* 'ковать' — *тóща* 'выкованная металлическая палица' выражают отношения действия и его результата.

В сербохорватских диалектах есть слово *тȳска* 'вытопки, выжарки'[25]. Любопытно, что слова со значением 'шкварки' обычно означают и 'шлак, окалину при ковке'. Ср. *шквара* 'выжарки' и 'шлак', чеш. *škvar* 'шлак'. В словаре Скока слово *тȳска* отсутствует. Если это слово исконно, то оно может рассматриваться как родственное русск. *тоснуть* и *тоща*.

Более далекая этимология заставляет нас отнести эти лексемы к и.-е. *(*s*)*teu̯*- 'бить, ударять', ср. греч. τύκος 'молот', на праславянском уровне они должны быть представлены в виде **tъsknǫti*, **tъšča* (< *tŭskja*)[26].

рягаться

В Мошенском районе Новгородской области записан глагол *рягáться* 'трепыхаться'[27]. Этот глагол доказывает существование в русском языке корня **ręg*-, до сих пор не засвидетельствованного. Значение слова очень своеобразно: 'трепыхаться', т. е. 'биться, бить крыльями (о птице)' или 'колебаться, развеваться (о предметах в воздухе)'. Последнее значение позволяет понять польское диалектное слово *rzężowisko* 'трясина, болото'[28] < праслав. **ręževišče* с корнем **ręg*- 'трястись, колебаться'; ср. такие названия болот, как *трясина* к *трясти*, *зыбун* к *зыбать*, *дрягва* к *дрягать*, *качь* к *качать* и т. д. Кроме того, значение 'колебаться' позволяет установить формальную связь между глагольной основой *ręg*- и прилагат. **rǫgъjь* 'стройный, гибкий', сохранившемся в кашубско-словин. группе говоров. Ср. кашуб. *rąg* 'стройный', словин. *rągi* 'стройный, гибкий'[29]. Перед нами очень своеобразная семантика корня *ręg*-/*rǫg*-, получившая свое развитие в новгородских и кашубско-словинских говорах.

В славянских языках производные от корня *ręg*-/*rǫg*- выступают в значениях 'бить, ударять', 'рубить', 'трескаться'. Ср. ст.-слав. рѧгнѫти 'зиять', словен. *régniti* 'трескаться' («rana je *regnila*» — треснула, разошлась), *režati* 'зиять, быть открытым', *réga* 'трещина, щель', 'насечка, зарубка', 'полоса', 'гримаса', с.-хорв. *reška* (< *režka*) 'трещина', русск. череп. *ряжка* 'обрубок дерева'[30]. Гипотетически мы можем восстановить праславянский инфинитив

---

[25] Iveković—Broz II, стр. 606.

[26] Естественно возникающая мысль о связи *tъsknǫti* 'бить, ковать' с общеславянским **tъšč* 'пустой, полый' и его многочисленными производными очень привлекательна, но требует дополнительных материалов и доказательств.

[27] Картотека Новгородского ГПИ.

[28] J. Maciejewski. Słownik chełmińsko-dobrzyński. Toruń, 1969, стр. 30.

[29] Sychta II, стр. 301; Lorentz Sł. II, стр. 932.

[30] Герасимов, стр. 76.

***ręgti* со значением 'ударять, бить', 'рубить', от которого образованы производные отглагольные имена **ręga* 'полоса (как след от удара)', 'трещина', 'зарубка, насечка', **ręžьka* 'трещина', 'обрубок'. Существование в праславянском глагольных форм *ręgnǫti* и *ręžati* не вызывает сомнений.

Имя **rǫgъ* и производный глагол **rǫgati*, уже в праславянский период широко используемые для обозначения отрицательного отношения, первоначально, по-видимому, имели конкретный смысл. Имя **rǫgъ*, обозначавшее насмешку, поругание, значило и оскорбление действием, т. е. побои и пр. Славянские языки предоставляют для такого толкования достаточный материал. Ср. в первую очередь болг. *ръгам* 'бодать', 'пырять (ножом)', др.-русск. ружьный 'безобразный, обезображенный': «Ланитѣ видѣти *ржжьнѣ* сжшти (Гр. Наз. XI в. 270) [31]; русск. *порýганной*, *испоруганной* 'испорченный, сгнивший': «Потопилсе сердешной, река-то как спала, так и нашли его в тине и в болотине всего *испоруганного*» (арх.) [32]; *изругáть* 'испортить' (устюж.) [33], *изругáться* 'испортиться, изломаться' [34]. Ср. семантику таких слов, как *наруга*, *поруга*, *уруга* в белорусском языке, означающих не только оскорбление, но и побои, мучение, пытку: «Еткую *паругу* чылавек піранёс; білі, калолі ў пяты — ні дывядзі бог, што пірацярпеў» [35]. Значения же 'насмехаться, глумиться, издеваться, браниться' мне представляются обособившимися из более емкого значения 'оскорблять словом и действием'. Такое понимание первоначальной семантики глагола **rǫgati* ставит его в тесную связь со значением реконструируемого глагола ***ręgti*.

На этом фоне семантика рассмотренных выше слов **ręgati sę* 'колебаться', **ręževišče* 'болото', **rǫgъ* 'гибкий, стройный' представляется оригинальной. Наиболее близкие формы мы обнаруживаем в балтийских языках: ср. лит. *reñgti* 'готовить, устраивать', 'одевать, раздевать' из первоначального *огибать' (ср. русск. *оболокаться* 'одеваться', *огибка* 'одежда'), *rangýti* 'изгибать, завивать', *rangùs* 'ловкий, гибкий' [36]. Мы видим здесь не только соответствия, но и отражение первоначальной семантики индоевропейского корня **u̯er-*, к которому восходят все рассмотренные выше слова [37].

недоскитить

Среди слов, записанных в ладожских говорах, обращает на себя внимание лексема *недоскúтить* 'не уметь, не смыслить' [38].

---

[31] Срезневский III, стб. 188.
[32] Подвысоцкий, стр. 133.
[33] Н. Чернавский. Об особенностях языка в г. Устюге и в Устюжском уезде Волог. губ. — ЖСт., 1898, вып. III—IV, стр. 452.
[34] Опыт, стр. 74.
[35] Бялькевіч, стр. 316.
[36] Niedermann—Senn—Brender—Salys III, стр. 537, 501.
[37] Pokorny, стр. 1154.
[38] Н. Кедров. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова ладожские. — ЖСт., 1898, вып. III—IV, стр. 403.

В этом глаголе легко выделить отрицательную частицу *не-* и префикс *до-* (ср. *недодумать*, *недоделать*, *недотянуть* и т. д.) Мы вправе реконструировать глагол ***скитить* с условным значением 'уметь, смыслить', с условным, поскольку в сфере обозначения умения и неумения широко используются вторичные экспрессивные формы. Глагол ***скитить* нигде в русских говорах не зафиксирован; естественно, он не фигурирует в научной литературе. А между тем аналогичные глаголы существуют в чешском, словацком, верхнелужицком, нижнелужицком и сербохорватском языках. Ср. н.-луж. *pośkiśiś* 'подать', в.-луж. *poskicić* 'поднести, подать, предложить', *skićić* 'угощать', 'предлагать', 'подносить', 'давать', чеш. *skýtati* 'давать, предоставлять', *poskytati* 'доставлять, предоставлять', *naskytati* 'предоставлять', *vyskytati se* 'встретиться, попасться, появиться', ст.-чеш. *skýsti* 'предлагать' [39], слвц. *skytat'* 'предоставлять (убежище, зрелище, удовольствие)', с.-хорв. *skitati* 'протягивать, подавать', *poskititi* 'протянуть (руку)', 'дать', 'сказать (речь)'. В современном чешском и словацком языках эти глаголы носят книжный характер, но наличие их в говорах и в старочешском говорит об их исконности. В сербохорватском глагол отмечен в памятниках XVI и XVII вв.

Что касается этимологии слова, то она остается невыясненной. Курелац говорит лишь о соответствии сербохорватско-чешском. [40] Махек выделяет в глаголе s-mobile, а корень считает результатом метатезы $k - t < t - k$ и сравнивает с греч. τυγχάνω 'попадать', 'находить', 'достигать' [41]. В словаре Скока глагол отсутствует.

Наличие русского глагола *недоскитить* существенным образом изменяет ареал праславянских **skysti*, **skytiti*. Отличия в семантике, по-видимому, должны помочь в выяснении этимологии слова. Современная семантика этого глагола в западнославянских языках во многих случаях откровенно вторична, не исключено влияние немецкого языка, ср. чеш. и слвц. 'предоставить возможность' и т. п. В основе всех этих значений, как нам кажется, лежит представление о движении навстречу, действие во всех случаях предполагает участие как минимум двух лиц. Ср. 'протянуть (руку) кому-либо', откуда могло развиться значение 'оказать помощь, поддержку' и т. д.; 'угостить', 'подать', 'предложить' откуда и 'предоставить' и пр. Приблизительно ту же семантическую эволюцию для этого глагола предполагает и В. Махек. В отношении семантики особенно интересны такие чешские формы, как *naskytnouti se* 'встретиться', *výskyt* 'появление'.

Обычно семантика глаголов, обозначающих встречное направленное движение, связана с такими представлениями, как 'найти',

---

[39] F. Šimek. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947, стр. 167.
[40] Fr. Kurełac. Brojanica ili deset glagolskih znac. — «Rad» XV, 1871, стр. 89 и след.
[41] Machek², стр. 551.

'поймать, схватить'. Ср. при слав. **sъrětiti* 'встретить' и *obrěsti* 'найти' лит. *surěsti* 'поймать, схватить'. Эта модель позволяет нам связать в единую цепь западнослав. и с.-хорв. **skytiti* 'двигаться навстречу' и русск. **skytiti* 'уметь, смыслить'. Значение 'понять' у глагола **poję̨ti* развилось из значения 'взять, схватить'; ср. еще отношения таких слов как *xvatati*, *xytiti* и *xytrъ* 'умный, ловкий, умелый, хитрый', *xystъ* 'ловкость, сноровка, умение' и т. д.

Во всех славянских языках существует глагол **skytati sę*, отличающийся удивительной устойчивостью формы и значения. Везде **skytati sę* значит 'шататься, странствовать', во всех языках этот глагол существует в возвратной форме. А между тем, мы наблюдаем обычно отношения пары глаголов: *шатать* — *шататься*, *слонять* — *слоняться*, *вихать* — укр. *вештатися* (вероятно, из **vъšьtati sę*) и т. д. Таким образом, мы можем реконструировать глаголы ***skytati* 'шатать, качать, колебать' и **skytati sę* 'шататься, странствовать', что не противоречит и этимологии слова **skytati sę*, связанного с лит. *kutěti* 'встряхивать' [42] и восходящего к и.-е. **(s)kŭt-* 'трясти' [43].

Существование в чешском и сербохорватском инфинитива **skysti* дает возможность предположить, что **skytiti* и **skytati* могут рассматриваться как вторичные формы по отношению к **skysti*.

Учитывая, что славянское *x* в ряде случаев восходит к *sk* через ступень *ks*, мы вправе включить в одно этимологическое гнездо такие лексемы, как укр. *хита́ти* 'шатать, качать', *хита́тися* 'шататься, качаться, колебаться' и общеслав. **skytati sę*; др.-русск. *хытати* 'хватать, похищать', ст.-слав. *хытити* 'схватить' и зап. слав. **skytiti*; русск. диал. *хит* 'догадка, сметливость', общеслав. **xytrъ*, укр. *хисткий* 'колеблющийся, шаткий', 'способный, умелый, ловкий' и русск. **skytiti* 'уметь, смыслить'.

Развитие семантики описываемых глаголов представляется следующим образом:

```
 ┌───────'шатать, качать'
 ↓                  ↓
'шататься, странствовать'
                  'хватать' ──→ 'находить, встречать'
                    ↓                  ↓
        'понимать, уметь'  'совершать встречное
                             движение'.
```

пища

В новгородских говорах сохранились еще два любопытных слова: *пища́* 'частый лес', *пищо́ра* 'чаща, заросли' (Мошен. р-н) [44].

[42] Фасмер III, стр. 641.
[43] Pokorny, стр. 957.
[44] Картотека Новгородского ГПИ.

Близкую форму мы находим только в вятских говорах: *пи́шшой* нареч. 'насильно, насильственно' [45]. Соответствий в других славянских языках нет. В этимологической литературе слово не упоминается, хотя есть все основания видеть здесь архаизм. Наречная форма представляет собою творительный падеж имени существительного, а ударение в наречии позволяет считать, что исходным было ударение на основе.

Этимологический анализ в данном случае лучше всего начать с установления словообразовательного ряда:

густо́й-гу́ща *чи́стый-чи́ща*
пусто́й-пу́ща **пи́стый-пи́ща.*
ча́стый-ча́ща

Мы реконструируем производящее имя прилагательное **пистый* 'частый (о лесе)', не засвидетельствованное в славянских языках. Слова в значении 'частый, густой (о лесе)' семантически производны по отношению к глагольной основе 'набивать, напихивать', ср. отношения слав. **čęstъ* и этимологически родственного лит. *kemšù, kim̃šti* 'набивать, напихивать'. Прилагательное **пистый* точно так же, как *частый, густой* и т. д., исторически является страдательным причастием прошедшего времени. Для **čęstъ* реконструируется производящий глагол **cęsti, česǫ* [46], для **čistъ* глагол **čisti, čidjǫ* [47]. Для **pistъ* мы вправе реконструировать производящую глагольную парадигму в виде **pisti, pьšǫ* с гипотетическим значением 'набивать, напихивать'. Глагол с таким значением представлен в славянских языках в виде **pьxati, pьšǫ* и *pьxajǫ*. Это итеративная форма, предполагающая существование в древности исходной глагольной основы **pisti*, имеющей соответствие в лит. *pìsti* и восходящей к и.-е. **peis-/*pis-* 'толочь (зерно в ступе)'. Глагол **pьxati* представлен в славянских языках в следующих значениях: 'толочь (зерно в ступе)', 'толкать, пихать', 'бить, долбить (лед, дерево)', 'набивать, напихивать'. Материал по славянским языкам достаточно известен, поэтому нет необходимости его здесь приводить.

Имя существительное *пища*, сохранившееся в новгородских говорах, подтверждает существование в праславянском глагола **pisti* и причастия **pistъ*, которое находит соответствие в таких формах, как др.-инд. *piṣṭá*, лат. *pistum* 'размолотый, истолченный (о зерне)'.

Слово **pišča*, образованное в праславянский период и сохраняющее значение глагола, возникшее уже на славянской почве, образовано от причастия и глагольной основы индоевропейской древности.

Значение наречия 'насильно' объясняется из значения глагола 'толкать, пихать' с оттенком 'заставлять что-либо делать насильно'.

---

[45] Васнецов, стр. 210.
[46] ЭССЯ, вып. 4, стр. 106.
[47] Там же.

* * *

Рассмотренные выше семь русских диалектных слов представляют значительные трудности для этимологии из-за своей изолированности. Любопытно, что все они относятся к говорам Новгородской области или исторически могут восходить к таковым (олонецкие, печорские). Эти в некоторых случаях случайно сохранившиеся лексемы позволяют иначе представить ареал некоторых праславянских глаголов (*ręgati*, *pačiti*, *skytiti*), реконструировать для праславянского не отмеченные раньше лексемы (*tъsknǫti*, *tъšča*, *něviti*, *pišča*), представить уникальную для славянского огласовку индоевропейского корня (*likovati sę*).

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ НАЗВАНИЙ МЕТАТЕЛЬНОГО КОПЬЯ

(*луща* и его варианты; *сулица*, *совь*, *копийце*).

Древнерусские копья принято делить на ударные (копье, рогатина, оскеп) и метательные; история названий этих последних выяснена недостаточно.

1. *Луща* и его варианты

В старославянизированном написании *лоушта* название обнаруживается уже в Изборнике Святослава 1073 г.: «[Жена] очима поплъзение, дшамъ пагуба, срдцю лоушта» [1].

Обращает на себя внимание переводной и притом книжно-славянский характер древних памятников, в которых термин встречается (Златоструй, XII в., 14. — Картотека ДРС; Златая цепь, к. XIV в., л. 52 об. а, 53 об. а, 53а—б. — Картотека СДР; Библия Генн. 1499 г.; Великие Четии Минеи, XVI в. Окт. 19—31, 1552 и т. д.). По-видимому, *луща* (в виде *лоушта; лоуща(лѹща); лѫча.* — Псалтырь толк. XII в., пс. CIV, 18 [2]; *люща.* — Азбуковник конца XVI в. [3]; *льщта.* — Псалтырь, сп. XII в., рукоп. ГПБ [4]; *лучьша.* — Златая цепь,

[1] Срезневский II, стлб. 59.
[2] Там же, стлб. 56.
[3] Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, стр. 289 (№ 359).
[4] Miklosich LP, стр. 358.

л. 53 а—б, к. XIV в. 449. — Картотека СДР; *лучша*[5]; *лꙋча*. — Жит. Іо. Злат. XV в.[6] и т. д.; *люча*[7]) восходит, вероятно, к народнолат. **lantia* (<лат. *lancea*)[8] и могло быть заимствовано на территории древней Дакии как восточными славянами (*лꙋча*, *люча*), так и южными славянами (ср. ст.-слав. лѫщꙗ). (При этом др.-русск. *лоушта*, *лꙋща*, по-видимому, заимствованы из ст.-слав. лѫщꙗ). Нельзя, однако, как кажется, исключать и влияния греческого λόγχη: рассматриваемое древнерусское название встречается, как правило, в переводах с греческого и соответствует в разных падежных и графико-фонетических формах греческим словоформам λόγχη (неоднократно в памятниках XII в.[9] и более поздних[10], λόγχαις (также неоднократно. — Картотека ДРС), λόγχης (Хрон. Иоанна Малалы I, 8. XIII в., сп. XV в.), τόξα (один раз)[11]; σειρομάστας, ζιβύας (по одному разу)[12], ῥομφαία (лишь однажды)[13]. Единственный раз встречаемая латинская параллель, по «Материалам» И. И. Срезневского и данным Картотеки ДРС, — словоформа *gladio* (Жит. Ѳед., стр. 6. Мин. чет. февр. 343) — означает отнюдь не 'копье', а 'меч'. Не случайно в рукописи «Книга глаголемая гречески алфавит» (БАН, Арх. д., № 446, XVII в. — Картотека ДРС) слово *луча* поясняется исконным термином *копье* (если *луча* здесь не означает 'луч'): «Ідонит нарицает аернаго огня лучю, иже бывает аки копие». Сравнение с копьем видимых глазом определенных небесных явлений хорошо засвидетельствовано в древнерусских летописях. (Пример: [1222 г.] Тое же осени явися звѣзда на западѣ копїйнымъ образомъ на дванадесяте днїи. — Рогожский летописец. XV в. ПСРЛ XV, вып. 1. Пг., 1922, стр. 26).

Судя по соответствию сочетания [an] в лат. *lancea* и сочетания [on] в греч. λόγχη (также [ǫ] в ст.-слав. лѫщꙗ звуку [u] в положении перед согласным в др.-русском *лꙋча*, *лоуща*, заимствование имело место до X в., к середине или второй половине которого приурочивают падение носовых гласных у восточных славян[14] (изменение [ǫ] > [*u*] происходило в таком случае на русской почве).

---

[5] Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Підгот. В. В. Німчук. Київ, 1973, стр. 465.

[6] Срезневский II, стлб. 56; Книга глаголемая гречески алфавит. XVII. в. Рукоп. БАН. — Картотека ДРС.

[7] Срезневский II, стлб. 98.

[8] Фасмер II, стр. 537; Skok II, стр. 266.

[9] Срезневский II, стлб. 59.

[10] А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890, стр. 383.

[11] Срезневский II, стлб. 56.

[12] Там же, стлб. 59.

[13] Там же, стлб. 58.

[14] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. М., 1954, стр. 79; А. И. Павлович. Историческая грамматика русского языка, ч. I. М., 1963, стр. 98; В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 123.

Семантику термина 'копье' [15], 'легкое копье', 'дротик' [16], редко (для вар. *лѹчиша*) 'меч' [17] определяют по лексемам греческого оригинала, переводимым существительным *лоуща* (*лѹча*): в первом случае по слову λόγχη, встречаемому неоднократно; в третьем — по словам ῥομφαία и (лат.) *gladio*.

Однако едва ли не лучше опираться не на слова оригинала (они не всегда семантически тождественны соответствующим др.-русск. словам), а на замену одного древнерусского слова другим в разных списках: 1) «Спсъ же хотѧ ꙗзвоу исцѣлити приложи на крстъ къ *лоущи* (в другом сп.: *копію*) ребро. да ѿнюдѣ (вар.: ѡтьнѫдъ) же источи строупы» (Златоструй 14. XII в. — Картотека ДРС); здесь *лоуща* 'копье'; 2) «Расѣцѣте. . . серпы вашя на лѹщя (в др. месте [Мих. IV. 3] то же слово переведено *сулицѧ*. Ис. II. 4.») [18]; здесь *лѹщя* 'метательное копье', т. к. таково и основное лексическое значение слова *сулица* (см. ниже). Сближение названий *луща* и *сулица* видно из сравнения двух разных контекстов одного и того же памятника: а) «съкроушите меча ваша на рала. и лоуща на серпы» (Ж. Саввы осв. 73. XIII в. — Картотека ДРС); б) «глѧ съсѣците рала ваша на копиꙗ и серпы ваша на соулицѣ» (Там же, 209). Тогда как «рала» можно было расковать на мечи или копья, из серпов можно было выковать лишь сулицы или лущи, следовательно, это были виды оружия меньшего размера, чем меч или собственно копье, иначе говоря — небольшие по размеру, т. е. метательные копья. Ср. с.-хорв. синоним *sulica*, с помощью которого толкуется с.-хорв. *lâncea* (позднее заимствование из лат. *lancea*, сближаемого с греч. λόγχη) [19].

Семантика *луща* 'метательное копье' является терминологической; замена же *луща* на *копье* — слово, являющееся обозначением родового понятия 'копье', свидетельствует о не собственно терминологическом, а сопряженном с понятийной соотнесенностью лексическом значении *лоуща*. Не случайно впервые в русских летописях метательные копья (*сулицы*. 1204 г.) упоминаются в связи с осадой Царьграда: такие копья были у греческих (и норманнских) воинов: «Бьяхуть съ высокыхъ ска/лъ на градѣ. грькы и варѧгы ка/мениемь и стрѣлами и соулица/ми» (Новг. I лет., л. 69, 616. — Картотека СДР). Отсюда видно, что восточные славяне не могли не знать греческих копий, которые обращали на

---

[15] Срезневский II, стлб. 59; А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 2, вып. 1. Киев, 1882, стр. 11; И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849, стр. 169.

[16] Miklosich LP, стр. 358; Лексикон словено-латинський. . ., стр. 465.

[17] Срезневский II, стлб. 58; Лексикон словено-латинський. . ., стр. 465.

[18] Срезневский II, стлб. 59.

[19] Skok II, стр. 266.

себя внимание древнерусских людей в первую очередь тогда, когда были метательными. Ср. объяснение семантики и происхождения слова *риктария* («риктария^{г} — сулица») в лексиконе «Книга глаголемая гречески алфавит»; буква *г* над записью существительного *риктария* — условно-сокращенное обозначение прилагательного *греческое*. Слово это нигде больше в русских памятниках не отмечено (если не считать видоизменение приведенной записи — «рикторія, сулица» в Азбуковнике XVI—XVII вв.) [20] и восходит к ср.-греч. τὸ ῥικτάριον-ῥηκτάριον-ῥιπτάριον, равнозначному лат. *jaculum* 'метательное копье, дротик' [21]. Еще любопытнее запись из того же лексикона «Книга глаголемая гречески алфавит» (л. 220): «Сулица, копие». В данном случае можно и не ставить вопрос, само ли слово или реалия, обозначенная им, воспринимались как явление греческое. Важно, что этот факт, как и три других, приведенных выше, указывает на то, что представление о метательном копье ассоциативно связывалось в древней Руси с Грецией (Византией). Слово *луща* с его греческой ориентацией, хоть и имело книжный, церковно-славянский колорит, однако не было исключительно искусственно-книжным славянизмом: оно встречается в некоторых народно-литературных древнерусских памятниках (например, в Изборнике Святослава 1073 г.). Отсутствие слова в летописях и «Слове о полку Игореве» при его сохранении в тогдашних и даже более поздних книжно-славянских памятниках обусловлено его архаическим характером и рано начавшимся (в XIII в.) вытеснением его из народно-литературных памятников другим обозначением метательного копья — нейтральным по стилевой окраске словом *сулица*. При этом название *луща* сохранялось преимущественно в книжно-церковных памятниках, окончательно став книжным лишь с XIII в. С этого времени термин начинает забываться, и появляются этимологически «неправильные» варианты *лучьша*, *лучша*. Так, о словоформе *лучьшею* в «Златой цепи» (к. XIV в.) Ф. И. Буслаев не без основания пишет: «. . . испорчено вм. *лущею*» [22]. Показательна и запись «лю́ща ⓣ ко́нїє» в Азбуковнике к. XVI в.[23], где н на месте п, по-видимому, намеренная замена, т. к. перенесен знак ударения: ко́нїє. Древне- или старорусского гиппологического названия *люща*, по данным картотек ИРЯ АН СССР и другим сведениям, не существовало, и вместо *кóніе* должно было быть *копіе*, что и имеем в другой публикации того же Азбуковника, отражающей несколько списков XVI—XVII вв.: «*люща* копіе» [24].

---

[20] И. Сахаров. Указ. соч., стр. 181.

[21] E. A. Sophocles. Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B. C. 146 to A. D. 1100). Boston, 1870, стр. 970, 971.

[22] Ф. И. Буслаев. Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков. СПб., 1861, стб. 510.

[23] Л. С. Ковтун. Указ. соч., стр. 289.

[24] И. Сахаров. Указ. соч., стр. 169.

Название утрачено не сразу и отмечено еще в памятнике XVI в.: «Разсѣците. . . серпы ваша на луща» (ВМЧ. Окт. 19—31, 1552. XVI в. — Картотека ДРС), — но в XVII—XVIII вв. и позднее не обнаружено. *Ланца*, ж. р. (у П. А. Вяземского)[25], *ланц*, м. р. 'копье' (у Б. Куракина, 1706 г., С. П. Крашенинникова, 1755 г., по данным Картотеки Словаря русского языка XVIII в., далее в описи 1835 г.) — заимствовано (из нем. *Lanze* 'копье') в XVIII в., как и *лансъ* 'дротик' (Русско-голл. лексикон 1717 г.; Письмовник Курганова, 1790 г., стр. 241) (из голл. *lans*). Все три слова восходят, далее, к лат. *lancea* и ассоциативно-исторически с сущ. *луща* не связано.

Утверждение на Руси христианства и сближение ее с Византией поддерживали употребление слова *луща*; временно было несколько оттеснено близкое к *луща* (*лѹча*) название *сулица*, факт поздней активизации которого в книжно-славянских памятниках письменности отмечают, но не объясняют.

Покорение Руси татаро-монголами в XIII в., а Византии — турками в 1453 г. свело на-нет русско-греческие языковые контакты во внешнеполитической военной сфере, так что вместо *луща* (*лѹча*), поддерживавшегося в своем употреблении влиянием греческого языка, возникают иные иноязычные названия метательных копий на Руси — *дротик* (1682 г.) от более раннего *грот(ик)* (из польск. *grot*)[26] и *джид* (из калм. *džidə*, *жид*)[27]. Если принять во внимание книжный характер названия *луща* (и его вариантов), особенно в поздний период, то в исчезновении этого названия, можно думать, сказалась отчасти и борьба с иностранными словами, которая велась в древней Руси, пусть даже значение этой борьбы в научной литературе несколько преувеличено: исконному слову было отдано предпочтение — например, на месте греческого λόγχη в переводе Хроники Георгия Амартола (XIII—XIV вв., л. 1206 м) имеем не *луща*, а *сулица*[28], а в памятнике конца XV в. — на месте лат. *lanceam* — словоформу *сѹлицѹ*, вин. п. (Библ. Генн. 1499 г. XI. 1—2. — КДРС). Это закономерно: «Языколюбивые проявления. . . и отстаивания отечественного слова, наблюдаемые на протяжении ряда столетий, внесли свою долю в образование литературного языка русского народа. Вклад заключался в содействии разработке естественных источников языка, в содействии национализации и демократизации литературной речи. . .»[29]. Такая закономерность выразилась и в том,

---

[25] Словарь русского языка, составленный II Отделением императорской Академии наук. Т. V, вып. 1. Пг, 1915, стлб. 183; Опись Московской оружейной палаты. Ч. IV, кн. 3. М., 1885, стр. 309.

[26] Sławski I, стр. 352—353.

[27] Г. Ф. Одинцов. «К истории старорусских названий копья». «Этимология. 1975». М., 1977, стр. 93—94.

[28] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. III. Л., 1930, стр. 323.

[29] Е. Мельников. Высказывания о русском и славянском языке и

что слово *сулица* заменило не только два приведенных грецизма, но и еще один церковнославянизм *ратище* (от *рать+ищ-е*), отсутствующий в картотеках ДРС и СДР, но приводимый по материалам Ф. И. Буслаева И. И. Срезневским: «Ратище (в нов. *копье*; τὸ δόρυ). Пар. I. XI. 23. Библ. 1499 г.» [30] Будучи малопонятным, слово *ратище*, толкуемое как *hasta* ('дротик, копье') [31], поясняется в Азбуковнике XVI—XVII вв. названием *сулица* [32] [ср. чеш. *ratištník* 'вооруженный копьем (воин)' (Kott III, 30); впрочем, ст.-русск. *ратище* могло быть равнозначно (хотя бы в отдельных случаях) слову *ратовище* 'древко копья'].

2. *Сулица, совъ, копиице*

Вошло в традицию представление о якобы позднем появлении (как в письменности, так и в самом языке) первого из перечисленных терминов: «Название это появляется сравнительно поздно. Впервые сулицы названы в «Слове о полку Игореве». . .» [33]; «сулица впервые зафиксирована в Сл. о п. Иг., возможно, поэтому, в начале XII в. могло еще не существовать» [34]; пишут о суффиксальном образовании этого слова именно в письменный период древнерусского языка [35]; термин этот называют среди слов, которые «стали известны лишь в историческое время» [36].

Между тем *сулица* — название праславянское, почти общеславянское. К обычно отмечаемым его параллелям (укр. устар. *су́ла* 'копье', серб.-ц.-слав. *сулица* λόγχη, хорв. *sulica* и *sullica*, словен. *sûlica*, чеш. *sudlice*, польск. и стар.-польск. *sulica* 'копье') [37] нужно добавить русск. диал. *сули́ца* «палка с железным наконеч-

---

борьба с иностранными словами в древней Руси (XI—XVII вв.). «Slavia», ročn. XXII, seš. 4, 1953, стр. 583.

30 Срезневский III, стлб.105; Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855, стр. 53.

31 Miklosich LP, стр. 796; А. Будилович. Указ. соч., стр. 10. В значении 'древко копья' название известно в староукраинском языке (Білецький-Носенко, стр. 310), в чешском (*ratiště.* — Kott III, стр. 29—30).

32 И. Сахаров. Указ. соч., стр. 181.

33 А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 4. М., 1946, стр. 12; Он же. Оружие. «История культуры древней Руси. Домонгольский период. I. Материальная культура». М.—Л., 1948, стр. 431.

34 А. С. Львов. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, стр. 298.

35 С. Д. Ледяева. К вопросу о словообразовании древнерусской военной лексики. XI—XIII вв. (по данным летописей). Уч. зап. Кишиневского педагогического института», т. 8. Серия гуманитарных наук, 1957, стр. 83—84.

36 П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 127—128.

37 А. А. Потебня. Этимологические заметки. — РФВ, т. VII. Варшава, 1882, стр. 66; А. Будилович. Указ. соч., стр. 10; Brückner, стр. 525; Фасмер III, стр. 801; Machek², стр. 591; Skok III, стр. 359—360.

ником, в виде копья, употребляемая странниками для защиты, а мальчишками — для отталкивания при катании на коньках, лыжах, салазках и пр.» (Ростов. у. Ярослав. губ. 1902 г. — Картотека СРНГ), укр. устар. *сýлиця*, ж., Lanze [38]; болг. устар. *сýлица* 'вид короткого метательного копья', 'дротик', 'копье' [39], макед. устар. *сулица* 'вид копья' [40], далее — заимствования из славянских языков: молд. *сýлицэ* 'копье' [41] и отмечаемые П. Скоком румынск. *suliţă*, венг. *szuca* [42]. Т. к. *сулица* — название праславянское (из **sudlica*) и в русском языке не заимствованное, то мнение о позднем его появлении в древнерусском языке следует считать недоразумением. Действительно, слово встречается уже в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» — памятнике XI в.: «И они же акы звѣрие дивии, нападоша на нь и внизоша во нь *сулици* (вар. *копiи*) свои» [43].

Правда, памятник сохранился только в списке XIV в.; но и утверждение о появлении рассматриваемого названия в конце XII в. (в «Слове о полку Игореве») опирается лишь на изданный в 1800 г. список XVI в. Вероятность употребительности слова уже в XI в. возрастает благодаря тому, что оно встречается еще в одном памятнике XI в. (в сп. XVI в.) — в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «избрани пѣшци несуть сулици» [44]; там же находим производные *суличьнъ* (стр. 321) и *суличьникъ* (стр. 305, 359), свидетельствующие о значительной освоенности термина.

Освоенный уже в древнейшую пору, термин употреблялся как в книжно-славянских памятниках («Александрия» XII в., сп. XV в.), так и в народно-литературных (дважды в «Слове о полку Игореве», в Ипатьевской летописи под 1251, 1252, 1255, 1256, 1261, 1262 гг., в Новгородской I летописи под 1204 г.), в деловой письменности например: «Русину же не лзѣ позвати нѣмцича на поле (поединок) въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ . . или Нѣмечкый гость битися въ Руси межи собою мечи и сулицами» (1228 г. Торговый договор смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою, Готландиею и немецкими городами. — Древнейший подлинник, в котором употреблено слово *сулица*) [45]; «и/моуть

---

[38] Ж е л е х о в с к и й II, стр. 934.

[39] РБЕ III, стр. 334; Б е р н ш т е й н, стр. 640; Д ю в е р н у а, стр. 2279.

[40] К о н е с к и III, стр. 349.

[41] Русско-молдавский словарь. Под ред. А. Т. Борща, Н. Г. Корлэтяну, Е. М. Руссева. М., 1954, стр. 263.

[42] S k o k III, стр. 359—360.

[43] Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, стр. 11.

[44] Н. А. М е щ е р с к и й. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 298; А. Н. К и р п и ч н и к о в. Древнерусское оружие, вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 23.

[45] Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, т. III. СПб., 1818, прим. 248.

сѧ бити роусь. . мечи или соуличами» (Грам. неизв. Смол. князя немцам, ок. 1230 г., Р.—Л., А., 452, 571а. — Картотека СДР).

Что касается семантики термина, то в специальной литературе встречалось утверждение, что определить ее «в настоящее время затруднительно» [46]. Это не совсем так. Основное лексическое значение слова 'короткое (метательное) копье' устанавливается, во-первых, по производному *сꙋличьникъ* 'снаряд для метания сулиц': «Постави ѡвны и праки и суличники». Іос. Флав. В. Іуд. XVII в. (В.) [47]; во-вторых, по контекстам, приводимым И. И. Срезневским, например: «Соулицами мечюще и головнѧми, ꙗко молнью идѧхоу». Ип. л. 6759 г.[48]; в-третьих, по данным старинных словарей (*сули́ца* ощє́пъ. Lan[c]ea hasta [49]; сꙋли́ца lancea, hasta, pugio ['легкое копье, преимущественно колющее или метательное, дротик, кинжал'] [50]; сꙋ́лица oβczep. Dárda. Kończerz. Супрасл. лекс., 1722, л. кє — Картотека Словаря русского языка XVIII в.), далее, по сведениям историков, определяющих *сулица* как 'короткое метательное копье' [51]. Важно, что *сулица* соотносится с глаголом *совати*, *сую* 'метать': «Оставляхоу въход малъ, или же можетъ врагъ совати стрѣлы» (Жит. Нифонт. XIII в. 90) [52]. Ср.: «и стрѣлцем стрѣлѧющем и суличником сулiцами сующем и порочником каменiем пущающiим, и не смѣша Іюдеи стати на забралѣх» (Иос. Флав. О полон. Иерус. I, 224. — Картотека ДРС) [53]. Несомненна связь термина с глаголом *сули́ть*, *суля́ть* что тмб., ур.-каз. 'совать, толкать, пихать, двигать', *суляться* 'пихаться шестами, шеститься' [54]. Эта связь восточными славянами, вероятно, осознавалась, что видно и из сравнения разных списков одного и того же места I Новгородской летописи: «[1234 г.:] побѣгоша на лесъ/пометавъше оружiꙗ. и щиты и со/ви и все ѿ себе». (I Новг. л., л. 118 об. XIII в.) [55]. В трех иных списках той же летописи не *сови*, а *сулици*.

---

[46] В. А. Городцов. Описание холодного оружия. (Копье и пика. Рогатина. Навершье знамени). «Отчет императорского Российского Исторического музея за 1911 год». Приложение. М., 1913, стр. 18.
[47] Срезневский III, стб. 617.
[48] Срезневский III, стб. 616—617.
[49] Лексикон словено-латинський. . ., стр. 514.
[50] Поликарпов, стр. 329.
[51] А. И. Никитский. Военный быт в Великом Новгороде в XI—XV столетиях. — «Русская старина», 1870, т. I, стр. 185; Ю. В. Арсеньев и В. К. Трутовский. Оружейная палата. Путеводитель. 3 изд. М., 1911, стр. 321; М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия IX—XV вв. «Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая», т. I. М.—Л., 1947, стр. 79; А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. . . ., стр. 12.
[52] С. Д. Ледяева. Указ. соч., стр. 82.
[53] См. еще: А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, стр. 8.
[54] Даль [3] IV, стлб. 630.
[55] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 244.

Вариант *совь* известен лишь по Синодальному харатейному списку (XIII в.) Новгородской I летописи (в записи под 1234 г., приведенной выше).

Вариант *совня*, вопреки тому, что он приводится в Словаре церковнославянского и русского языка (СПб., 1847, т. IV, стр. 356), затем историками [56], а из лингвистов А. А. Потебней [57], — мнимое слово: единственный контекст, в котором оно представлено и на который ссылаются все, кто приводит слово («побѣгоша въ лѣсъ, помѣтавъше оружіе, и щиты, и совни, все отъ себя»), представляет собой раннюю публикацию [58] той же записи под 1234 г., где налицо неправильно прочитанный текст оригинала: «. . .пометавъшеороужинаищитыисо / виивсеѿ себе» [59]. Этот текст в позднейших изданиях летописи воспроизводится уже в неискаженном виде: «и щиты и сови и все ѿ себе [60].

Так следует читать (*сови*, а не *совни*), т. к. знак «*и*» регулярно, судя по почерку писавшего текст оригинала, означает звук [i], но не [n]. Звук [n] в летописи передается этим же почерком при помощи буквы «н». Не случайно И. И. Срезневский и Г. Е. Кочин приводят только вариант *совь* [61].

В связи с устанавливаемым здесь терминологическим употреблением др.-русского *сулица* нельзя не отметить факта сравнительно позднего появления слова *дротик* 'метательное копье' в русских памятниках.

Помимо наиболее характерного употребления *сулица* 'метательное копье' это слово могло означать 'копье': «[1255 г.:] Львови же сосѣдшоу с конѧ ѡдиномоу. и бьющюсѧ с ними крѣпко видившимъ же имъ ꙗко Левъ ѡдинъ бьетьсѧ. . . навратишасѧ. . . на помощь емоу. Львови же оубодшемоу *соулицю* свою въ щитъ его и не могоущꙋ емоу. тоулитис҃ Левъ Стекнитѧ мечемь оуби» (Ипат л., ок. 1425 г., л. 277. — ПСРЛ II, СПб., 1908, стб. 827—828).

Еще одно значение слова — 'острие, наконечник копья': «У иныхъ еще и *сулици* не насаждены бѣху» (Соф. вр. 6886 г., т. I, 352) [62]; «копейные сулицы» упоминаются в Есиповской ле-

---

[56] А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 185; П. фон Винклер. Руководство к истории, описанию и изображению русского оружия с древнейших времен до начала XIX в. СПб., 1894, стр. 344; Историческое описание одежды и вооружения русских войск, с рисунками. Ч. I. СПб., 1899, стр. 41; Ю. В. Арсеньев и В. К. Трутовский. Указ. соч., стр. 319.

[57] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 66.

[58] Полное собрание русских летописей. Т. III. СПб., 1841, стр. 49.

[59] См. светопечатную копию рукописи: Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1875, стр. 236.

[60] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 244; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 73.

[61] Срезневский III, стлб. 457—458; Кочин, стр. 332.

[62] Срезневский III, стлб. 617.

тописи, сп. XVII—XVIII вв.[63] Такая семантика слова характерна для его употребления в Сибирских летописях [64].

Термин *сулица* был вытеснен лишь во второй половине XVII в. новым названием — *дрот(ик)* < *грот(ик)*, сюда же *тротик*, *ротик* («К истории старорусских названий копья». — «Этимология. 1975». М., 1977, стр. 92). Одно из последних военно-терминологических употреблений слова следующее: «[1646 г. Грам. невместная:] У государя рынды были: у болшого саадака князь Василей. . . Шуйский. . ., а у копья князь Ѳедоръ Шестуновъ, а у *сулицы* князь Ондрѣй. . .» (АЮБ I, стр. 156. — Картотека ДРС). В XVIII—XIX вв. слово употребляется уже как книжно-традиционное: «Горькая слеза канула изъ очей Натоса; взираетъ онъ на брат евъ, и се три сулицы летятъ въ едино время, и три воина падаютъ на землю простертые» (Зритель, 1792, ч. II, стр. 213. Из Оссиана Дартула. — Картотека Словаря русского языка XVIII в.); «В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный, /Сулицей медной пронзил». (Гнедич. Илиада. — Картотека БАС). Бесследно слово не исчезло, сохранившись как диалектное (см. выше).

Факт поздней в книжно-церковных памятниках активизации термина *сулица* (с XIII в.) связан в значительной мере с тем, что до тех пор довольно частым в них было название *луща*. Пóзднее (с конца XII—первой половины XIII в.) появление названия в памятниках народно-литературных можно объяснить активизацией самой реалии — метательного копья — к этому времени (кочевники, например половцы, татаро-монголы, столкновения с которыми усилились как раз к этому времени, широко применяли этот вид оружия). Известно, например, что в летописных сообщениях X—XII вв. метание копья русскими упоминается очень редко, «в виде исключения» [65]. Нельзя сказать, чтобы древнерусские воины не знали метательных копий (ср., например, *копиице* 'дротик', встречающееся, впрочем, в книжно-славянском памятнике [66], и старорусское (1687 г.) *копеицо гусарское* [67]), однако широко используемыми они становятся сравнительно поздно, и в этом расширении использования реалии («сулицы», «дротика», «джида») нельзя не видеть влияния на восточных славян других народов. По крайней мере в археологических раскопках памятников материальной культуры X—XII вв. небольшие (метательные) копья встречаются не часто, на основании чего А. В. Арциховский сделал вывод о вообще позднем появлении древнерусского термина для обозначения копья [68].

---

[63] Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 129.
[64] О. Г. Порохова. Лексика сибирских летописей XVII века. Л., 1969, стр. 121.
[65] А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. . . ., стр. 12.
[66] Срезневский I, стлб. 1280.
[67] Дополнения к Актам историческим, т. XII. СПб., 18, стр. 29.
[68] А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 12.

В другом историко-археологическом исследовании о древнерусском оружии не случайно сказано: «В целом в X—XII вв. военное значение сулицы, по-видимому, невелико. В XIII в. употребление метательных копий участилось» [69]. Наблюдения над употреблением термина в древних памятниках письменности, как мы это видели, вполне подтверждают эту мысль. Известное с праславянской эпохи, название *сулица* с некоторых пор вплоть до XIII в. стало весьма редким у восточных славян [70]. С XIII в. оно вновь становится достаточно широко употребительным.

Эти факты сопоставимы с явлениями военно-историческими. Так, короткие, метательные копья использовались чаще против пеших воинов, тогда как длинные, ударные — против конных. Впервые же в истории новой эры большое военное значение конница приобретает в IV—VII вв., в эпоху Великого переселения народов. С этим временем и надо связывать факт активизации слав. *корье*, известного, судя по всему, и в более ранние времена, но в названную эпоху оттеснившего термин *сулица* у восточных славян или изменив его семантику на 'копье' в некоторых других славянских языках, где этот термин означает 'копье' — см. выше.

С XIII в. употребление метательных копий на Руси участилось прежде всего потому, что к этому времени «сказалась активизация пехоты» [71], т. е. военное значение конницы несколько уменьшилось. Ср.: «Славяне эпохи родо-племенного строя сражались в основном пешими. Лишь раннефеодальное государство выдвинуло конницу, которая повсюду в Европе с течением времени станет решающей военной силой» [72].

Греческая (византийская) ориентация в употреблении древнерусских слов *луща* (также *луча* и проч.) и *риктария*, по-видимому, не случайно совпадает с тем, что Византия пострадала от варваров в эпоху Великого переселения народов намного меньше, чем, например, Рим и близлежащие по отношению к нему провинции.

---

[69] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., вып. 2, стр. 25.

[70] Из древнейших описаний жизни славян их современниками известны упоминания о метательных копьях как характерном виде оружия славян.

[71] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., вып. 2, стр. 25.

[72] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., вып. 3, Л., 1971, стр. 55.

А. И. Толкачев

К ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ФОРМ СО ЗНАЧЕНИЕМ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ (КВАЛИТАТИВОВ) ЛИЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XV ВВ. III*

Суффиксы с общим гласным *-у-*

26. В славянских языках есть ряд суффиксов, которые объединяются общим гласным *-у-*, предшествующим согласному: это суффиксы *-ух-*, *-уш-*, *-ут-*, *-ун-*, *-ук-*, *-ур-*, *-ул'-*. Некоторые из них датируются эпохой индоевропейского праязыка, а для других трудно указать параллель даже в ближайше родственных, балтийских языках, и если они приводятся, то оказываются спорными. Нам представляется, что эти суффиксы (и вообще определенные случаи) следует изучать не обычными методами сравнительно-исторической грамматики языков, а путем рассмотрения системы суффиксальных образований (в данном случае системы квалитативных образований) внутри одного языка определенной исторической эпохи. Из описанного материала видно, что в личных именах при одной и той же основе может быть несколько параллельных квалитативных форм: *Ми-хаилъ* > *Ми-ш-а*, *Ми-х-а*, *Ми-к-а*, *Ми-н-я*; *Миш-а* > *Миш-ата*, *Миш-ут-а*, *Миш-ен-я*, *Миш-ул-я* (ср. совр. фамилию *Мишулин*). Повторение общей части *Ми-* в первом ряду привело к выделению ее в виде основы, потому что отдельные формы сами по себе еще не давали возможности для такого членения (*Миха* сам по себе это *Мих-а* < *Мих-аилъ*, а *Миша* это *Мих-ia*). Точно так же суффиксы, состоящие по крайней мере из двух звуков, могут в некоторых случаях, при условии повторения какой-нибудь их части, распадаться на более простые элементы — микросуффиксы (или субсуффиксы): *Миш-а-т-а*, *Миш-у-т-а*, а это делает возможным при взаимоотношениях различных форм слова проникновение микросуффикса из одного форманта в другой и вытеснение в последнем его исконного микросуффикса, то есть, иначе говоря, обобщение микроморфем в составе слов. Процесс обобщения, в принципе, может идти в разных направлениях. Так, в паре квалитативов *Мишата*—*Мишуха* могли получиться два результата: *Мишата* — *Мишаха*

---

* Настоящая статья представляет собой окончание исследования, посвященного словообразованию квалитативов греко-христианских личных имен в древнерусском языке. Начало см.: «Историческая ономастика». М., 1977; «Этимология. 1973», «Этимология. 1975».

или *Мишута — Мишуха*. Выходят победителями обычно более продуктивные формы, в данном случае второй вариант.

Из всех выше приведенных формантов с микросуффиксом *-у-* суффиксы *-ух-*, *-уш-* имеют определенную этимологию. В системе праславянского и затем древнерусского квалитативного словообразования они были достаточно продуктивными и оказывали влияние на формирование других суффиксов.

Суффикс *-ух-(а)*

27. Один из древнейших суффиксов, восходящих к индоевропейскому **iaus* [81]. Х. Педерсен [82] сопоставляет его с суффиксом суперлатива прилагательных в литовском языке *-iáus-* : *geriáusias*. Это же признает А. Белич [83], который указывает, что *-ух-* с его квалитативным значением на славянской почве был сначала формантом прилагательных, а впоследствии был перенесен и в существительные [84].

В древнерусском языке этот суффикс был представлен в именах: *дързоухъ* — Оглашения Кир. Иерус. XII в., Срезневский, а также в личных прозвищах: 1) Онисим Пеструха А III стр. 292; 2) Житнуха: (деревня) Житнухино А III 90 и др.

В личных именах известен целый ряд образований от сокращенных квалитативных основ:

1. Вас-юха; жонку Васюху А III 400. Исх.: (Вас-илиса, менее вероятно Васса) > Вас'-а.

2. Емел'-юха: Емелюха АФЗ I 12 л. 25 об. сп. Исх.: Емел'-а.

3. Ол'-юха: Захар Олюхин 1420—30 сп., А I 69. Исх., вероятно, Ол-екса или Ол-ександр, а не Ольга, поскольку форма Олюхин, указывает на родственное отношение к отцу, а не к матери; ср. вариант Люха 1491—92, АФЗ I 22 л. 35.

4. Пол-уха: Полуха. . . с(ы)нъ А I 610; Иван Полуха А I стр. 505, Ивана Полухина [85] тж., стр. 508. Исх. неясно; возможно, Пол-уян, но не Пол-укарп, от которого, скорее всего, получался квалитатив Карп-уха (так же, как и от Карп-): ср. совр. Карп — Карпуша — Карпуха.

5. Степ-уха: Степуха А I 330 сп. Исх.: (Степ-ан) > Степ-а > Степ-уха.

6. Т-юха: Тюха Пантелеев. А III 146. Исх.: (Евтухии=Евтюхии) > Евтюха > Евт-юх-а > Т-юх-а.

7. Фет-юха (ж. р.): (с) жоною с Фетюхою 1510, А III 473. Исх.: (Фот'-иния) > Фет'-инья.

---

[81] K. Brugmann. Grundriss II, 1, стр. 545; A. Leskien BNL стр. 598.
[82] H. Pedersen IF V, стр. 37.
[83] A. Belić. AfslPh, XXIII, стр. 184; XXVI, стр. 340.
[84] А. Белич. Природа и происхождение, стр. 136.
[85] Здесь уменьшительное употреблено в роли второго имени-прозвища; подобные прозвища затем превратились в фамилии, ср. совр. Владимир *Анисько* (артист), Любомир *Дмитерко* (писатель) и др.

Имена с суффиксом *-ух-* могли изменяться также по типу *ŏ*-основ:

1. Март'-ух: (пустошь) Мартюхово А I 186 сп. Исх.: Март'-ирии, Март'-jян; если предполагать мену *т* > *т'* в производящей основе, то допустимы исх.: Март-урии, Март-ын.

2. Орт'-ух: Ортюхов А I 390 сп. Исх.: Орт'-ом или, менее вероятно (книжная форма), Орт'-емии.

Особое образование — Труха: деревня Трухино 1470—80, А III 80. Исх. было Трофим, от которого закономерно получалось Тро-ха, Тро-ш-а (ср. совр. Трошин), а затем в результате морфологического переразложения Тр-оха, Тр-оша (влияние форм на *-ох-*) и воздействия образований на *-ух-*, *-уш-* появилось Тр-уха, Тр-уша.

Суффикс *-уш-а*

28. Восходит к праславянскому **-uch-i̯a*. Имеются параллельные образования с суффиксом *-uš-* в литовском языке: *tetušis* 'батюшка', сюда же: *brotušis* 'племянник, сын брата' [86]. Но суффикс в этих формах фонетически не соответствует славянскому *-уш(ь)*, а сами слова, возможно, являются заимствованиями из славянского. По-видимому, суффикс *-уш-* в данной форме восходит не далее как к праславянской эпохе [87].

В древнерусском языке имеется ряд квалитативов с этим суффиксом от сокращенных, а также односложных нейтральных полных основ (Фома > Фомуша). Они изменяются обычно по типу *ā*-основ. Примеры:

1. Ан'-уша: Анюша А I 108 [А III 425]. Исх.: Ан'-а < Ан'на (граф. Аньна; один из вариантов имени, бытовавших наряду с Анна).

2. Вел'-уша: деревня Велюшино XV, Мейчик, стр. 118а. Исх.: Вел'-ямин [88] (< Вениаминъ).

3. Гал-уша: Галуша Сусанинъ СШД 117. Исх.: (Геласии) > Гал-а-сеи (Галасѣи) или Гал-актионъ. Последнее менее вероятно, потому что к XV веку в древнерусском народном языке возник новый вариант имени — Локтион.

4. Клим-уша: с҃нъ. . . Климуша ШД 80, Климуши (р. п.), ШД 92. Исх.: Клим-.

5. Лар'-уша: Ларюша ШД 10. Исх.: Лар'-а (< Ларивон).

6. Лев-уша: Левуша ШД 5, наволок Левушиньскои ШД 74, Левуша А II 290 л. 29. Исх.: уменьшительная основа Лев-а.

---

[86] J. Endzelīns BVSF, § 156.

[87] Иначе, но с ошибочной ссылкой на Отрембского, говорит об этом И. М. Железняк (Очерк, стр. 39).

[88] Н. А. Баскаков считает это имя тюркским заимствованием. См. его статью: «Русские фамилии тюркского происхождения». — «Изв. ОЛЯ АН СССР», т. 28, 1964, № 4, стр. 356; Он же. То же. — «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969, стр. 25. Иначе: А. И. Толкачев. Заметки о некоторых русских фамилиях «тюркского» происхождения. «Древнерусский язык. Лексикология и словообразование». М., 1975, стр. 139—149.

7. Мел'-уша: Наумко Мелюшинъ А II 290, л. 31 [А II стр. 204]. Исх.: Мел'-а (< Омел'-а, Омел'-јан, граф. Омельянъ).

8. Ол'-уша: Олюша 1328—40 сп. XV, А III, 2 [ГВНП 84, А II 290, л. 15]. Исх., вероятно, Ол'-екса (распространенное имя) или, менее вероятно, Ол-ександръ. Вариант Л-юша: Люша Семен(о)въ А I 619; он возник в результате отпадения начального *о*- в квалитативе: Ол'-уша > Л'-уша.

9. Ондр'-уша: Ондрюшины дети А III 412 сп. [А III 420]. Исх.: Ондр'-еи.

10. Пан-уша. Куземка Панушин А II стр. 415 сп. Исх.: Панкра-т(ии) или, менее вероятно, Пан-телеи (в произношении Пан'-телеи).

11. Патр'-уша: Патрюше Трофимову А II стр. 252 сп. Исх.: Патр'-екеи или Патр'-икеи.

12. Петр-уша: Петруша А III 15 сп. [А I 362, 395, А II 261; стр. 317; А III 469 и др.]. Исх.: Петр- (полная нейтральная основа); возможно, основа квалитативной формы Пе̏тр-а (им. п.), известной в современном языке.

13. Сел'-уша: Селюша ШД 5, Селюшинъ ШД 15. Исх.: (Силуанъ, Сильван) > Сел'-иван, Сел'-ифан и т. п. или (Сильвестръ) > Сел'-иверст.

14. Тем-уша: Темушинской наволок А II 148 сп. Исх.: Ор-т'ом (граф. Ортем).

15. Тер'-уша: деревни Терюшины (и. п. мн. ч.) А II 260 сп. Исх.: Тер'-ентии.

16. Фом-уша: Фомуша А II 290 л. 6. Исх.: Фом-а.

Суффикс *-уш-(ъ)*

29. Является менее продуктивным вариантом предыдущего, восходит к **-uch-i̯o-*.

1. Вахр-ушь: (село) Вахрушово Гр XIV, Лопарев 173, Борис Вахрушов 1410—27 сп., А I 26. Вахрȣш. . . Гридин сын 1495 — 27, А III 210 [А I 147]. Исх.: Вахр-омеи (один из многочисленных — около 20 — вариантов имени Варфоломеи). Иначе, как финское заимствование, рассматривает это имя О. Н. Трубачев [89].

2. Вель-юшь (=Вел'ј-ушь) : (от) Вельюшинѣ земли ШД 11. Исх.: (Вениаминъ) > Вел'ј-амин.

3. Дмитр-ушь: до Дмитрушовы межи ШД 75. Исх.: полная основа Дмитр-.

4. Онт-ушь: Онтушов сын 1479—96 сп. АФЗ II 8. Исх.: Антон > Онтонъ, а также (Еутухии=Еутюхии) > Онтухии//Онтух > Онт-ух//Онт-уш.

5. Пар-ушь: деревня Парушово XV в., Мейчик стр. 118 а. Исх. неясно, возможно: Пар-мен или Пар-фен (форма Пан-фер в народной речи появилась поздно).

---

[89] О. Н. Трубачев. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 35.

6. Як-ушь: с Якушевскою дубравою А III 327 сп., Якушу 1476, А III 474: Исх.: Як-ов (< Ияковъ); возможно также: Яку-нъ > Якушь.

Суффикс *-ут-*

30. В этом суффиксе в ходе развития языка совпали два различных форманта: глагольный (причастный) и квалитативный. Первым был суффикс причастий наст. времени действительного залога **-ont-*, не расширенный суффиксом **-io-*. К таким образованиям относится незначительное число имен, позже получивших, вероятно, квалитативное значение: *Словута* (ср. *Словутичь* в Слове о Полку Игореве) — причастие от глагола *слути*, *Могута* (ср. русск. *могутный*), ст.-чеш. *mohutny*, польск. *Słowęta*, *Lowęta* (с твердым согласным перед *ę*) и т. п. Впервые на эти формы в русском языке обратил внимание и объяснил их как причастия Ф. И. Буслаев [90], а затем, видимо, независимо от него, польский материал описал Я. Розвадовский [91]. Это объяснение было впоследствии принято В. Вондраком [92] и В. Ташицким [93]. Славянскому суффиксу **-ont-* > *-ǫt-*, др.-русск. *-ut-* соответствует формант *-ant-* в реликтовых образованиях литовского языка — гидронимах (реки *Alantà*, *Šlavantà*, озеро *Šlavañtas*) [94] и диалектных формах причастий (*vẽdantis*) [95], а также в аналогичных ономастических образованиях древнепрусского языка [96] (в латышском языке эти формы несколько изменились [97]).

Образований с суффиксом *-ут-*, происшедших из причастий, в древнерусском языке было немного, и они, не будучи первоначально квалитативами, не сыграли заметной роли в формировании и распространении данного типа имен.

Был и другой, по своему первоначальному значению квалитативный суффикс *-ут-*, который встречается только в личных именах и который этимологически не совпадает с предшествующим, о чем свидетельствует польский язык: в нем первому суффиксу *-ут-* (**-ont-* > *-ǫt-*) соответствует *-ęt-* с предшествующим твердым согласным, а второму *-ут-* суффикс *-ut-*. Происхождение этого суффикса объяснял В. Ташицкий [98]. По его мнению, *-ut-a* возникло на месте *-ot-a* (*доброта* и т. п.) в результате цепи звуковых замен: *o* изменилось в *u* сначала в квалитативе **Bogota* (> *Boguta*) под влиянием широко распространенной формы с *-u-*: *Bogu-* (первой части сложных имен), а затем распространилось и в других име-

---

[90] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1958, стр. 110.
[91] J. Rozwadowski MPKJ, IV, стр. 471 и след.
[92] W. Vondrák VSG I, стр. 598.
[93] W. Taszycki, § 81.
[94] J. Endzelīns BVSF, § 171.
[95] Там же, § 414.
[96] Там же, § 171.
[97] Там же, § 171, § 414.
[98] W. Taszycki, § 84.

нах, причем кое-где на славянской почве это изменение поддерживалось суффиксом *-ut-a* (< *-ot-a*).

Это объяснение нам представляется искусственным и мало надежным: ему противоречит тот факт, что в восточнославянских языках, где имена типа *Богуслав* встречаются редко, квалитативный суффикс *-ут-*, тем не менее, был продуктивен.

Мы предполагаем, что в процессе образования суффикса *-ут-* сказалось не влияние нейтрального по своему первоначальному значению суффикса *-ут-* причастий (*Словута*) и не влияние формы на *-у* в отдельном имени (*Богу-*) на суффикс *-ота*, а воздействие именно квалитативных форм с суффиксом *-ух-а*, *-уш-а* на квалитативные же формы с суффиксом *-ата* типа *Тешата*, в результате чего возникли дублетные суффиксы с тождественным опорным согласным, но различными гласными: исконным *а* (*Гришата*, *Мишата*) или с аналогическим *-у-* (*Гришута*, *Мишута*). Употребление этих дублетов не было последовательным и в дохристианских и в греческих христианских именах: одни основы допускали присоединение обоих суффиксов: *Пирята* — *Пирюта*, *Мишата* — *Мишута* и т. д., а другие предпочитали какой-нибудь один из них. Такое распределение суффиксов по основам известно и в современном языке; например: *Васюта* (квалитатив от женского имени *Васса* или *Василиса*) и *Васята* (от мужского имени *Василий*). В древнерусском от имени *Иванъ* можно было образовать квалитатив *Ванюта*, в современном — только *Ванятка*.

В древнерусском языке при помощи суффикса *-ут-* образовывались квалитативные формы имен от основ как самостоятельных, несуффиксальных и суффиксальных (Вас'-а > Вас'-ута, Гриш-а > Гриш-ута), так и несамостоятельных (Евс'еи > Евс'-ута). Все имена данного типа изменялись по образцу $\bar{a}$-основ.

Примеры:

а) образования от основ дохристианских имен.

До нас дошло очень мало форм:

1. Мал'-юта: Малюта Конанов А II 290 л. 17. Исх.: Мал-ъ (этот вариант имени известен в летописях). Непонятно смягчение *л* > *л'* в основе; А. Белич рассматривает это как признак гипокористического значения [99].

2. Пир-ута: Фил(ѣ) Пирутин 1392, А III 192.

б) образования от заимствованных греческих имен.

1. Ван'-ута: Ванюта АФЗ I 12 л. 25 об. сп. Исх.: (И-ван-ъ) > Ван'-а.

2. Вас'-ута: Васюта А I 251 [А III 57]. Исх.: (Вас'-илии) > Вас'-а.

3. Ва-ш-ута: Вашута, с Вашутою А III 35 [АФЗ I 12 — л. 21 об., 117—л. 132]. Исх.: (Ва-силии) > Ва-х-а (эта форма известна и в памятниках и в говорах)//Ва-ш-а.

4. Гри-ш-ута: (деревня) Гришутино А II 286.

---

[99] А. Belić, AfslPh, XXIII, стр. 183.

5. Евс'-ута: Евсюта АФЗ I 12а. Исх.: Евс'-еи (книжн.)// Овс'-еи (народн.).

6. Ер'-ута: Ерюта 1495—1511, АФЗ I 155. Исх.: Ер'-емеи.

7. И-ш-ута: Ишута Денисов сын А II 491. Исх.: (И-ван) > И-ш-а [100] > И-ш-ут-а.

8. Лаз-ута: Даньславъ Лазутиничь ЛН 35 (1170). Исх., вероятно, Лаз-арь (Лаз-орь).

9. Мак-ута: Макута Анфалов, Макуты А II 285. Исх.: Макар(ии) или Мак-сим.

10. Ма-ш-ута: (деревня) Машутино А I 71. Поскольку названия деревень давались по именам лиц мужского пола — владельцев, то эта форма, возможно, была личным мужским именем (?).

11. Ми-ш-ута: у Мишуты А III 284 сп., в Ларивона в Мишутина (*в* вм. *оу*) ШД 23 [А I 430, 562, 571, 596, А II 290 л. 10 об., А III 277, 428]. Исх.: Ми-ш-а.

12. Он-ш-ута: Оншута АФЗ I 12 л. 21 об. [ГВНП 323]. Исх. неясно; возможно: 1) ряд слов, начинающихся с Он-: Он-тон (< Ан-тон-ии), Он-тип (< Антипа) и т. п. 2) Кроме того: (Еутухии=Еутюхии) > Онтуфии > Он-туфии.

13. Ос'-ута: Осюта А II стр. 314 сп. Исх.: (Осия > Осеи) > Ос'-а.

14. Пан-ута: на Панутѣ 1392—1427, А I 11. Исх.: Пан-фил, Пан-телеи, Пан-кратии.

15. Пан'-ута: внук Панюта А III 393а. Исх. неясно; возможно: Пан'-телеи, Пан'-фил, Павел > Па-н'-а > Па-н'-ута и т. п.

16. Пар'-ута: Парюта А III стр. 85. Исх.: Пар'-фен(ии), Парамон, Пар'-мен.

17. Пол-ута: Полута А I 85 сп., д. п. Полутѣ А II 368, Ельсофу Полутину сыну А II стр. 252 сп. Исх.: Пол-, происхождение неясно; возможно: 1) всякое слово, начинающееся с пол-у: Пол-укарп; Пол-уектъ и т. п. 2) Не исключена его связь с Филитъ, в котором *ф* изменилось в *п*, подобно изменению *ф* > *п*, *х* и т. п. в других именах (Фаустъ > Хауст, Евстафии//Остафии > Остап и т. п.).

18. Пер-ш-ута: Пѣршута А I 610. Исх.: (Порфурии=Порфюрии > Пер-хурии или Пер-филии) > Пер-ш-а.

19. Пор'-ута: (деревня) Порютино А III 58а. Исх.: Порфурии (*у*=*ю*) > Порфирии (=Пор'-фирии).

20. Сел'-ута: Василь Селютинъ А II 185 [А I 559 сп., А II 226 сп.] Исх.: Сел'-иверст (< Сильвестръ) или Сел'-иванъ и т. п. (< Сильванъ, Силуанъ).

21. Тар-ута: Тарутка АФЗ I 165 л. 195 об.; ср. название города Тарутино. Исх.: Тар-ас(ии).

---

[100] Ср. Лермонтов. Стихотворение «Из альбома Софьи Николаевны Карамзиной»: «И Ишки Мятлева стихи» (Ишка — это Иван Петрович Мятлев) — см. В. И. Ч е р н ы ш е в. Русские уменьшительно-ласкательные имена. — РЯШ, 1947, № 4, стр. 23.

22. Фар'-ута, Фер'-ута: Фарюта А II 327, Ферюта А I 558 сп. Образованы от двух бытовавших в народной речи вариантов одного и того же имени: Фер-апонтъ и Фар-афонт(ии). Мягкость *р* в квалитативах указывает, что они образованы от сокращенных основ с *р'* : Фар-, Фер-.

23. Фен'-ута: Фенютинское село XV, ГВНП 122. Исх.: Фе-н'-а < скорее Фе-дор или Фе-дос(ии), чем параллельные женские имена Фе-дора, Фе-досья; ср. образование в мужском имени Фе-н'-а > Фен'-аj, ср. деревня Феняево (Рязанской области).

24. Хом-ута: десяцкои Лева Хомутина А II 491. Исх.: (Фом-а)> Хом-а, ср. совр. укр. Хома.

25. Як-ута: Якута Окишевъ А II 117, с. . . Якутиною землею ШД 19. Исх.: (Иаковъ) > Як-ов.

Суффикс *-ут-* мог осложняться посредством *-к-*. Известно несколько примеров:

1. Ми-ш-ут-к-а: у Мишутки 1494 сп., А III 428. Исх.: Михаилъ.

2. Он-ш-ут-к-а: Оншутка Давыдов сын 1455 — 75, А II 168. Исх.: то же, что Оншута (см. выше).

В очень редких случаях квалитативы на *-ут-* изменяются по типу *ŏ*-основ:

1. Вел'j-ут: у Вѣльюта, у вѣлютовых ГрБ 2, XIV/XV. Исх.: Вел'j-амин.

2. Пол-ут: Полутъ ШД 95, Полут Коракин А III 224, Губе Полутову А III стр. 242. Исх. то же, что Полута (см.).

Суффикс *-ун'а*

31. Восходит к сложному суффиксу **-un-i̯ā*.

Его первая часть, *-un-*, представлена в ряде образований от глагольных основ (*бегун*), реже в отыменных формах: ср. др.-русск. *блискунъ — блѣскунъ* 'месяц' [101]. Непосредственных параллелей славянскому *-ун-*, т. е. суффикса с дифтонгом перед *n* в балтийских языках нет. Известное в литовском языке *-un-as* (*ibegunas* и т. п.) фонетически не соответствует славянскому и представляет собой, по мнению ряда исследователей (А. Лескин [102], И. Зубатый [103] и др.), заимствование из славянского.

В древнерусском языке этот суффикс был продуктивным. Известен целый ряд квалитативов с *-ун-*, образованных от сокращенных основ на согласный: Вас'-илии — Вас'-а — Вас'-ун'а, Ес-ип — Ес'-а — Ес'-ун'а и т. п. В некоторых случаях происходило сокращение основы в составе уже образовавшегося квалитатива. Обычно имело место отпадение начального гласного. Такова история имен:

---

[101] W. Vondrák VSG I, стр. 549—550.
[102] A. Leskien BNL, стр. 395.
[103] J. Zubatý AfslPh XXV, стр. 355.

1) (Овдокия > Овдотья) > Овд-уня (см. пример ниже) > Дуня [104].

2) (Огр-офена) > Огр-уня > Гр-уня. Менее вероятно образование Огрофена > Грофена (подобная форма известна в современных диалектах) > . . . > Груня, потому что от Грофена должен был бы получиться квалитатив Грофуня (Графуня), который в памятниках неизвестен и который едва ли мог измениться в Груня.

3) Анд-рон (Онд-роник) > Ондр-уня > Др-уня. Отсюда — более поздний нейтральный вариант Дрон. Менее вероятно образование: Ондрон > Дрон > . . . > Друня, потому что от Дрон первичная форма квалитатива должна была звучать Дрон-уня.

Во всех рассмотренных квалитативах (Огруня, Овдуня, Ондруня) начальное *о-* утратилось в связи с закономерной утратой начальных гласных в ряде многосложных (более двух слогов) основ заимствованных греческих имен: Олексеи > Лексеи, Олександръ > Лександр, Екатерина > Катерина.

В более редких случаях происходило сокращение основы в результате выпадения срединных звуков: Борис > Б-уня. Примеры:

1. Б-уня: Буня АФЗ I 166, л. 198. Исх.: Б-орис.

2. Вас'-уня: Васюня, Васюни А I 373. Исх.: (Василии) > Вас'-а.

3. Гр-уня: Груня, дочь Грунина А III 395 сп. [А I стр. 219]. Исх.: Огр-офена > Огр-уня > Гр-уня.

4. Др-уня: Друне Скокову А II 260 сп. Исх.: (Ондрон(ик) > Ондр-у-ня > Др-уня.

5. Д-уня: Дунин сын А III 393а. Исх.: (Евдокия) > Овдотья > Овд-уня > Д-уня.

6. Ел'-уня: Елюня АФЗ I 166 л. 199 сп. Исх.: (Елисеи) > Ел'-а > Ел'-уня.

7. Ес'-уня: Проня Есюнин А II 290 л. 21 об. [АФЗ I 80]. Исх.: (Ес'-ип) > Ес'-а.

8. Еф-уня: Гридѣ Ефунину, Федко Ефунин А II 260 сп. Исх.: (Епифанъ > Ефифанъ) > Еф-ан — все варианты известны в памятниках.

9. Кат-уня: Есип Катунин А I 343 [А I 580]. Исх. Акакии > О-кат-.

10. Кат'-уня: Парфении . . . Катюнев А II 297 (необычное образование вместо ожидаемого Катюнин). Исх.: Акакии > Окат'ии // Окат > Кат'-.

11. Лев-уня: Левуни Шастакова А II 290 л. 12. Исх.: (Левъ) > Лев-а (квалитатив).

12. Мак-уня: Макуня АФЗ I 22 л. 37. Исх.: Мак-аръ или Мак-симъ.

---

[104] Ср.: А. И. Соболевский. Груша и Дуня. — ЖСт I, 1891, № 1, стр. 126.

13. Марк-уня: Маркуня А I 397 сп. Исх.: Марк-ъ или, менее вероятно (редкое имя и мягкая основа), Марк'-елъ.

14. Мат'-уня: (деревня) Матюнино А II 290 л. 11 об., Матюня А II 260 сп. Исх.: контаминация Мот'а и Мат-веи.

15. Мот'-уня: Михаило. . . Мотюнин 1516—17, А III 376 сп. Исх.: (Матвеи) > Мот'-а.

16. Овд-уня: Овдуню СТ XIV—XV 120 б. Исх.: Овд-отья; ср. Дуня.

17. Ол'-уня: Устин Олюнин А III стр. 223; мужское имя; ср. Олюнка Яковлев А II стр. 311 сп. Исх.: Ол-екса, Ол-ександръ.

18. Патр-уня, Патр'-уня: а) д. п. Патруне 1496—1505, А II стр. 252 сп., б) Патрюня тж, стр. 253. Образованы от двух в равной степени употребительных в данной грамоте вариантов имени Патр-акеи // Патр'-икеи (Патр'-екеи).

19. Па-уня: Пауня Перхин 1397—1427, А II 26 сп., (деревня) Паунино А II 290 л. 10 об. Исх. Пав'ел: р. п. Пав-ла > Пав-уня (или точнее с билабиальным *в*) Пауня. Таким образом, в написании Пауня могли отражаться две формы: Паwуня (pau̯u-n'a) и Пауня (paún'a).

20. Прок-уня: Прокунѧ А I 413, (деревня) Прокунинское А II 290 л. 4 об., в Прокунину (деревню) тж., л. 6 [А I 615, А III 288]. Исх.: Прок҄-опии (// Прок-офии).

21. Тим-уня: Ермаков сын. . . Тимунин А II 456 сп. XVIII. Исх.: Тим-офеи.

22. Фед'-уня: после Федора седѣл Федюнѧ брат его А III 15 [А I 562, А II 184, 260, А III 15]. Исх.: Фед'-а.

23. Як-уня: въспрашивал. . . ꙗкуни (р. п.) А II 467 а, Саве Якунину А II 260 сп. Исх. неясно; может быть: а) Як-ов > Як-уня, б) Яку-н > Яку-ня (или Якун-ъ > Якун'-а).

Суффикс *-ук-*

32. Происхождение его неясно. Прямых параллелей ему в балтийских языках нет. К. Бругман возводит его к индоевропейскому *-euko [105], но отсутствие следов данного суффикса в балтийских языках делает эту гипотезу сомнительной. При решении вопроса о его происхождении следует обратить внимание на то, что в древнерусском языке ранние примеры с *-ук-* датируются концом XIV в. и что этот суффикс получил широкое распространение особенно в украинском и белорусском языках, территории бытования которых входили в состав польско-литовского государства, и что, наконец, соответствующие контакты восточных славян, в том числе русских (в будущем), усилились как раз с конца XIV в. Учитывая эти факты, можно предполагать, что в результате исторически возникших языковых контактов восточных славян и литовцев первыми был усвоен очень распростра-

[105] K. Brugmann. Grundriss II, 1, стр. 493.

ненный в литовском (и латышском) языке квалитативный суффикс *-ук-*, который в данном случае не совпал с рефлексом (*-ък-*) старого балто-славянского суффикса *-ик-*. Данное предположение дается в самой общей форме и требует тщательной проверки материала.

В древнерусском языке при помощи суффикса *-ук-* образовывались квалитативы от сокращенных (суффиксальных и несуффиксальных) основ на согласный.

1. Авд-ук (// Овд-ук): оу Авдука, Авдукъ ШД 42, у Авдука ШД 46 сп. Исх.: (Еудокимъ > Овдокимъ) // Авд-оким (а не от Авд'-еи с *д'*).

2. Ван'-ук: с Феткою с Ванюковым А III 408 сп. Исх.: (Иванъ) > Ван'-а.

3. Вас-ук: Васук 1392—1427, А I 11. Исх. неясно.

4. Вас'-ук: Васюка 1401—02, ДДГ 17 (приписка XV в.); (пустошь) Васюково А III 67 а [ДДГ 18, А I 612, А II 288, 299 л. 19 об., А III 40, 140; стр. 219, АФЗ I 308 л. 351 и мн. др.]. Исх.: (Вас'-илии) > Вас'-а.

5. Гав-ш-ук: Гавшук, Гавшука А III 477, Гавша, Гавшук АФЗ I 308 л. 351. Исх.: (Гавриилъ > Гаврилъ, Говрило) > Га́в-ш-а.

6. Евс'-ук: Евсюк А II стр. 208 [А II стр. 207, А III стр. 220]. Исх.: (Евсевии) > Евс'-еи; основа Евс'-а неизвестна, но ср. форму Ев-ша (< Ев-сеи), которая могла привести ко вторичному образованию Евс'-а.

7. Елс-ук, Ельс-ук: Елсук А II стр. 535; Ельсук тж. стр. 535. Исх.: (Евпусухии=Евпсюхии > Евпсухии > Евсухии) > Елсуф(ии) // Олсуф(ии); изменение *в* > *л* известно в говорах русского языка.

8. Ес'-ук: Есюк АФЗ I 257 сп. Исх.: Ес'-ип // Ос'ип > Ес'-а.

9. Е-ш-ук: Ешук, Ешука А III 388. Исх.: (Е-сип) > Е-ш-а.

10. Кан'-ук: (пустошь) Канюково А II стр. 420. Исх.: (Ни-кан-оръ, Ни-кан-дръ) > Кан-ук > Кан'-ук или (Ни-ка-норъ, Ни-ка-ндръ) > Ка-н'-ук.

11. Кур'-ук: у Курюка у Шубина А I 187 сп. Исх.: (Куриллъ=Кюриллъ) > Кур'-ил.

12. Лар'-ук: Ларюковскою (деревнею) А II 290 л. 13, Ларюковы дети 1510, А III 473. Исх.: (Лар'ионъ) > Лар'-а.

13. Ман-ач-ук: (деревня) Маначуково АФЗ I 165 л. 196. Исх., вероятно: Мануилъ > Ман-уило > Ман-ак (см. выше об этой форме) > Манач-ько > Манач-ук.

14. Ман-ук: Мануковьскои починок А I 185. Исх.: (Мануилъ) > Ман-уило (-ла).

15. Мат'-ук: Матюк А I 89 [А I 17, 211, А II стр. 311]. Исх.: Мат-веи (=Мат'-веи); возможно, *т'* заимствовано из квалитативной основы Мот'-а; или в результате контаминации Мот'-ук и Мат-веи возникла форма Мат'-ук.

16. Мит-ук: Митук А I 437. Исх.: Мит-рии (< Дмитрии).

17. Ондр'-ук: Еска Ондрюков 1392—1427 сп., А I 10, с Анрюком А III 140 (выпадение *д*), Ондрюк А I 73 сп. [А I 560]. Исх.: (Андреи) > Ондр'-еи.

18. Онф-ук: Онфукова сына А I 582. Исх.: Онф'-им > Онф-. Изменение *ф'* > *ф* неясно.

19. Орт'-ук: у Ортюка А I 538 сп. Исх.: (Артемии, Артема) > Орт'-ом; возможно, была квалитативная основа Орт'-а.

20. Патр'-ук: Патрюк А II стр. 253, 254. Исх.: Патр'-икеи.

21. Па-ш-ук: Пашуку А III 218, Иванца. . . Пашукова ДДГ стр. 347. Исх.: (Па-велъ) > Па-ш-а.

22. Сан'-ук: Санюк А II стр. 420. Исх.: (Алек-сан-дръ) > Сан'-а.

23. Са-ш-ук: Сашука АФЗ II стр. 19 сп. Исх.: (Алек-са-ндръ) > Са-ш-а.

24. Семен-д-юк: селище Семендюково АФЗ I 165 л. 196. Исх.: (Сумеонъ=Сюмеонъ > Семенъ) > Семен-д'-ук.

25. Фал'-ук: Фалюк АФЗ I 12 л. 24. Исх.: Фал'-елеи или Фал'-еи (гаплология слогов).

26. Фед'-ук: Федюк 1397—1427 сп., А II 36 [А II 86, 104]. Исх.: (Фед-ор) > Фед'-а.

В очень редких случаях квалитативы с суффиксом *-ук-* изменяются по типу *ā*-основ. Нам известна лишь форма Родюка: и. п. Родюка А I стр. 463 сп., р. п. Родюки тж. стр. 461, в. п. Родюку тж. стр. 463. Исх., вероятно, Род'-а (< Родионъ).

Суффикс *-ур-а*

33. Малопродуктивный суффикс, встречается в отдельных славянских языках [106], в русском языке известен в нарицательных именах: *девчура*, *печура* — *девчурка*, *печурка*. В древнерусском языке с этим суффиксом известен ряд квалитативов, обычно от сокращенных основ; примеры датируются, начиная с середины XV в.

1. Кост'-ура: Степанка Захарьинъ с(ы)нъ Костюрина А III 133. Исх.: (Кост'-янтинъ) > Кост'-а.

2. Мит-ура: Митура 1521, А III стр. 406 сп. Исх.: (Дмитрии) > Мит-рии.

3. Мич-ура: дияк. . . Мичура А I 372 сп., 438, Мичура А I 490, у Васюка у Мичюрина А III стр. 219. Исх., вероятно: (Мит-рии) > Мит-ча (ср. Фетча А III 393а: Фед-ор) > Ми-ч-а.

4. Ми-ш-ура: Мишура 1521, А III стр. 407, р. п. Мишуры, д. п. Мишу-ре т. ж. стр. 406, Федор Мишурин А II стр. 381. Исх.: (Ми-хаилъ) > Ми-ш-а.

5. Степ-ура: село. . . Степурино А I 108 сп. Исх.: (Степ-ан) > Степ-а.

---

[106] A. Belić AfslPh XXIII, стр. 195; W. Vondrák VSG I, стр. 563.

Суффикс *-ул-я*

34. Представлен в ряде славянских языков [107], в том числе и в русском, в котором известны деминутивы от названий ближайших родственников (*мамуля*, *папуля*, *бабуля*, *дедуля*), а также в образованиях недеминутивного характера: *чистюля*, *писули*; по аналогии с этими формами квалитативное значение приобрело заимствование *каракули* > *карак-ули*. В личных именах данный суффикс непродуктивен. В памятниках до XV в. квалитативы с *-уля* не встречаются, но в современном языке известны: это *Сашуля* (< *Са-ш-а*), *Мишуля* (< *Ми-ш-а*, ср. фамилию *Мишулин*). Последнее имя, употребляясь в роли нарицательного, приобрело отрицательное значение: *Мишуля* 'дурак, разиня' [108].

Формы *Сашуля*, *Мишуля* возникли, видимо, под влиянием указанных выше деминутивов (*мамуля* и т. п.), в которых *-ul'-*, вероятно, восходит к **ul-i̯ā*.

Суффикс *-ан-*

35. Восходит к **-a-no* < **-ā-no*, то есть к сочетанию суффикса *-no-* с основой на *-ā-*[109–110]. В славянских языках с этим суффиксом известен ряд образований: от именных основ ц.-слав. *братанъ*, чеш. *bratran*, серб. *Душан (Душа)*, *Милан (Мило)*, *Вукан (Вук)*, русск. *великан*, от глагольных основ серб. *Стоян* и др.

В древнерусских памятниках зафиксирован ряд подобных образований от полных нейтральных и сокращенных квалитативных основ греко-христианских имен.

1. Оле-х-ан: Нестор Олеханов А II 260 сп. Исх.: (Олекса) > Оле-х-а.

2. Ос-ан: на Осановскои землѣ А III стр. 85. Исх.: вероятно (Осия > Осей) > Ос-ан; мена *с'* > *с* в основах неясна.

3. Полу-х-ан: Онцыфорин да Полухан А I 590. Исх.: (Поликарп, Полу-ян, Полу-ект и т. п.) > Полу-х-а: ср. в той же грамоте: Онцыфора да Полуху (о тех же лицах).

4. Тит-ан: (послух) Титан 1397—1427 сп., А II 26. Исх.: Тит-(ъ).

5. Сюда же А. М. Селищев [111] относит и имя Русан (< Рус-ый).

Нам кажется, что в некоторых случаях его можно рассматривать как несуффиксальное образование и связывать с именем *Хрусанфъ* (=*Хрюсанфъ*), которое в древнерусском языке имело множество вариантов: *Хрусанфъ*, *Кирсанъ*, *Хрисан*; *Крысан* и т. п. Известное нам имя *Русан* АФЗ I 166 л. 201 представлено в сплошном окружении официальных греко-христианских имен и,

---

[107] A. Belić AfslPh XXIII, стр. 192; W. Vondrák VSG, I, стр. 574.
[108] См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 631; A. Belić AfslPh XXIII, стр. 192.
[109] W. Vondrák VSG, I, стр. 546.
[111] А. М. Селищев. Происхождение, стр. 146.

вероятно, само является вариантом тоже официального, а не языческого имени (прозвища).

Суффикс *-да*

36. Восходит к праславянскому **-da*, родственному ряду других формантов с основным *-d-* : *-do* (*ста-до*: *ста-ти*, *чу-до*: др.-русск. *чу-ти*), *-oda* (*яг-ода*), *-zda* (др.-русск. *ѣ-зда*: *ѣхати*) и т. п.[112]. Этот суффикс стал продуктивным в сербохорватском в аллятивах и личных именах (*Мил-ад*, *Мил-адин*), в чешском (*Janda* < *Jan*, *Kulda* < *Mikulaš*, *Fanda* < *Fana*, *Manda* < *Maňa*)[113]; был также распространен и в староукраинском языке: *Ванда* < *Иван*, *Гринда* < *Григории*, *Санда* < *Александр*[114].

Обращает на себя внимание то, что данный суффикс обычно представлен в сочетании с *-н-*, в связи с чем возникает вопрос о производящей основе, о характере этого *н*, является ли оно суффиксальным или корневым, — одним словом, вопрос о морфологическом членении интересующих нас образований. И здесь не все ясно. Например, *Ванда* рассматривается как образование от несуффиксальной сокращенной основы *Ван-* (< *И-ван*). Но такой основы, непосредственно образованной от полного имени *Иванъ*, древнерусский язык не знал. Были известны сокращенные основы *И-ванъ* (> *И-шко*), *Ива-нъ* (> *Ива-къ*, *Ива-чько*), *И-ва-нъ* (> *Ва-н'-а*, *Ва-н'ько*). Поэтому форму *Ванда* следует объяснять иначе и возводить или к полной основе *Иван-да* (ср. русск. *Иван-тей*, представленное в современном топониме *Иван-теевка*, а также чешское *Janda*, образованное от полного имени *Jan*) > *Ван-да* (с утратой начального *и*), или к квалитативной основе *Ва-н'-а* > *Ван'-да* с последующим отвердением *н* (ср. подобное же отвердение в чешском *Maňa* > *Manda*).

Вообще последовательности в выборе типа производящей основы в этих квалитативах не было; они могли образоваться как от полных нейтральных: *Епихан* (< *Епифанъ*) > *Епихан-до*, так и от сокращенных квалитативных основ: *Гри-н-до*, где *-н-* было суффиксальным (*Гри-гории* > *Гри-н'-а* > *Гри-н'-до* > *Гри-н-до*), если не предположить в данном, как и в других именах, объединения *-н-*, *-до* в один полиморфемный суффикс *-ндо*.

В памятниках русского языка подобные образования с суффиксальным *-д-* встречаются очень редко:

1. Ван-д-ыш: Гридя Могутов да Вандыш 1498 сп., АФЗ I 259 л. 302 об.; налеве земля Кузмы Вандышова Бронитцкаа, а ркучи Ванины старожильци 1498 сп., АФЗ I 259 л. 305 об. Второй пример с его характерными сочетаниями «земля Кузмы Вандышова» и «Ванины старожильци» ясно указывает на образование Вандыш (< Ванда) от уменьшительного Ван'-а.

[112] W. Vondrák VSG, I, стр. 600—602; Z. Kawyn-Kurzowa, стр. 666.

[113] Z. Kawyn-Kurzowa, стр. 667.

[114] В. Сімович. Історичний розвиток, стр. 700.

2. Епихан-да: Епихандино 1498—99 сп., АФЗ I 166 л. 201 об., Исх. см. выше.

3. Семен-д'-ук: селище Семендюково 1497—98 сп., АФЗ I 165 л. 196.

Суффикс *-ло (-ило)*

37. Встречается в памятниках древнерусской письменности начиная с XII в. Представлен в целом ряде дохристианских имен, а также в заимствованных греческих. В образованиях от имен первой группы не всегда легко бывает определить, с каким из двух суффиксов мы имеем дело: *Суди-л-о* или *Суд-ил-о*, хотя структура некоторых имен довольно прозрачна: *Рад-ил-о* (*Рад-онѣгъ*, *Радонѣжьскыи*). Ввиду указанных трудностей, мы все квалитативы от дохристианских имен даем вместе, не разделяя их на подгруппы в зависимости от суффиксов *-ло* или *-ил-о*.

1. Дрочило (-ла): Дрочило ЛН 127 (1240); со Дроцилою ГрБ 344, XIII/XIV.

2. Душила: оу Доушилѣ ГрБ 381, XII.

3. Жидила: у Жидили ГрБ 2, 80—90 XIV.

4. Кринило: Кринило ГрБ 153, XII/XIII.

5. Нѣжила: в. п. Нѣжилу ЛН 119 (1234).

6. Нездила: и. п. Нездила ЛН 62 об. (1200), в. п. Нездилу тж. 109 об. (1229), Нездыловъ ЛН 127 (1240).

7. Путило: Олексу Путиловиця ЛН 87 (1217), Путило 1401—02, ДДГ 17 (приписка XV в.), у отца его у Путила А III 401.

8. Рагуило: Рагуилови ЛН 12 об (1132).

9. Радило: въ Радиловъ городьць ЛН 86 (1216).

10. Судило: Судилови ЛН 25 (1147), в. п. Судила тж. 98 об. (1156); сюда же, вероятно, в. п. Сдилу тж. 100 об. (1224).

11. Станило: Твьрдислава Станиловиця ЛН 75 (1209) [А I 592].

12. Тешила: у Тешиле ГрБ 348, 60—70 XIII.

В квалитативах от заимствованных греческих имен рассматриваемый суффикс представлен в редких примерах от сокращенных и нейтральных (односложных) основ:

1. Ванило: с Михалком з Ваниловым 1462—80 сп., А III 398.

2. Петрило (Петрила): а) д. п. Петрилу ЛН 13 об. (1130), р. п. Петрила тж. 15 (1132), Петриловиця тж. 86 об. (1216) [ЛН 15 об.—1134, 112—1230, 149—1270]. б) попа Петрилу ЛН 118 (1234).

3. Селила: оу Селилѣ (вм. Селилы) ГрБ 138, XIII/XIV. Исх. неясно; возможно: Сел'-иверст (< Сильвестръ), Сел'-иван (< Сильванъ, Силуанъ).

В исходной истории этого суффикса далеко не все ясно. Исследователи К. Бругман [115], В. Поржезинский [116], А. Мейе [117], В. До-

[115] K. Brugmann. Grundriss II, 1, стр. 119, 376.

[116] В. К. Поржезинский. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 1914, стр. 70—71.

[117] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 282.

рошевский [118] и другие отмечают его продуктивность в индоевропейских, в том числе и славянских языках. Что касается квалитативов, то сопоставляются образования на *-il-* в разных языках: санскр. *Dattila* (*Datta-catru*), греч. Ζωίλος (Ζώ-ιππος), лат. *Hostilius* (*Hostus*), гот. *Wulfila* (*Ulfila*), др.-верх.-нем. *Wolfilo* при нейтральном *Wolf-hart* [119]. Прямые параллели славянским формам на *-il-*, вероятно, были и в балтийских языках. К. Бругман приводит древнепрусскую форму Butil [120]. Но в современных балтийских языках прямых параллелей, видимо, нет. Встречающиеся в литовском языке формы на *-ylas*: *baltýlas* (русск. *белила* < **bělidla*) и т. п. являются, как указывает А. Лескин [121], или прямыми заимствованиями у славян или образованиями по образцу славянских форм.

На славянской почве образования на *-ил-о*, вероятно, генетически неоднородны: в некоторых случаях — в отыменных образованиях — они восходят к *-il-* (< **-il-*?), а в других — к сочетаниям глагольных основ на *i* и суффикса *-dl-(o)*, образовавшим в конечном счете тоже суффикс *-ил-о*. Иначе объясняет происхождение образований на *-ил-о* И. М. Железняк [122], которая в качестве первичных выделяет лишь один тип — отглагольные образования, по образцу которых затем получились отыменные формы.

Суффиксы с согласным *-г-*

38. Известно несколько малопродуктивных суффиксов.

1) *-га(-ъга)*.

Малга (и. п. м. р.) 1498, АФЗ I 259 л. 300 сп. Исх.: Мал.- Интересно отметить, что образования с суффиксом *-га* от сокращенных несамостоятельных основ на гласный известны в некоторых современных говорах, именно в говорах Вачского района Горьковской области: Са-га (< Алек-са-ндра), Ма-га (< Мария) (сообщено сотрудником Ин-та русского языка АН СССР В. С. Филипповым).

2) *-уга*.

Известен лишь один квалитатив: Мал'-уга: деревню Малюгино 1530—40, А III 235. Исх.: Мал-.

3) *-ага*, *-'ага*.

Известны следующие квалитативы от сокращенных основ:

1) Мос'-ага: Мосийко Сидоров сын. . . а женат де Мосяга. . . на Аннеце 1450—70 сп., А III 393. Исх.: Мос'-еи (< Моисеи).

2) Кост'-ага (известно в образовании с *-ьк-*): Костѧж-ка ЛИ 121 (1146) — речь идет о Константине (Коснятине).

---

[118] W. Doroszewski PF XIV, стр. 34.
[119] A. Fick. Die griechischen Personennamen. Göttingen, 1874, стр. L—LI; K. Brugmann. Grundriss II, 1, стр. 119, 376.
[120] K. Brugmann. Grundriss II, 1, стр. 119.
[121] A. Leskien BNL, стр. 483—484.
[122] И. М. Железняк. Очерк. . ., стр. 72—74.

Происхождение данного суффикса различно объясняется В. Вондраком [123] и А. Вайаном [124]. В. Вондрак связывает его с литовским *-in-gas*. Это объяснение нельзя признать удовлетворительным, потому что из этого суффикса на славянской почве могло получиться *-ędz'-ь*, др.-русск. *-язь*, а не *-ага*: ср. др.-русск. *витязь* и др.-герм. *viking*.

А. Вайан при объяснении рассматриваемого форманта исходит из истории имени *работяга*. Первоначальной его формой было *работязь* (ср. польск. *robociądz*, ст.-чеш. *robotez*), где имело место соединение славянской основы с заимствованным германским суффиксом *-ędz'-* (*-'az'-*). Затем под влиянием соотношений им. п. мн. *слузи* — им. п. ед. ч. *слуга* произошла замена форм *работязи* — *работязь* на *работязи* — *работяга*, и получившийся таким путем суффикс *-'ага* распространился затем в других квалитативах.

Объяснение А. Вайана представляется тоже мало удовлетворительным, поскольку он суффикс *-'ага* отрывает от системы родственных суффиксов с основным согласным *-г-*.

4. *-ыга*, *-ига*.

Известны следующие квалитативы.

1. Мал-ыга: р. п. Малыги, в. п. Малыгу А I 430. Исх.: Мал-.

2. Кост-ыга: дочь Костыгина А III 439. Исх.: (Кост-антин) > Кост-а.

3. Павл-ига: Павлига АФЗ I 166 л. 197 об. сп. Исх.: Павл- с меной *л* > *л'* под влиянием других квалитативов: Павл'-*ьць* > Павл'-ець и т. п.

4. Ср. совр. Старыгин. Исх.: Стар- > Стар-ыг-а.

Этот суффикс, вероятно, древний и восходит к балто-славянскому *-ūg-*. П. Скарджюс [125] и Я. Эндзелин [126] указывают параллельный ему суффикс *-ūg-* в литовском языке. Иначе — Я. Отрембский [127].

Суффикс *-aj-*

39. Восходит к праславянскому *-a-io* [128]. Вероятно, параллелью к нему являются чисто деривативные форманты в балтийских языках: лит. *-oj-*, лтш. *-aj-* [129], образующие существительные от глагольных основ. В старославянском языке известны обра-

---

[123] W. Vondrák VSG I, стр. 628.
[124] A. Vaillant RÉS XVII (1938), fasc. 1—2, стр. 77—79.
[125] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 104.
[126] J. Endzelīns BVSF, § 153 c.
[127] J. Otrębski. Randbemerkungen zu Skardžius. — LP, III (1951), стр. 183, 186.
[128] W. Vondrák VSG I, стр. 515.
[129] A. Leskien BNL, стр. 332; J. Endzelīns LVG, § 135a; J. Endzelīns BVSF, § 105.

зования с *-aj-* тоже от глагольных основ: *оумышлѩи* Супр. 4—21, 22, 102—9 при *оумыслити*, *оумышлѩти* и др.[130]

В древнерусском языке он образует имена собственные от именных и отглагольных основ: *Бѣляи*, *Полежаи* и т. п. Эти имена семантически, видимо, были нейтральны; данный тип был довольно продуктивным[131] и послужил образцом для образования аналогичных форм от сокращенных основ греко-христианских личных имен, где он приобрел квалитативное значение. В личных именах суффикс *-aj-* образует квалитативы от твердых (*Тур-aj*) или от мягких основ (*Кост'-aj*). В последнем случае *-aj-* исторически восходит к **-ja-i̯o-* или к **-ē-i̯o* > *-ěj-*.

Ниже приводятся квалитативы от дохристианских и греко-христианских имен. Семантический и грамматико-словообразовательный анализ первых доставляет исследователю ряд трудностей в историко-грамматическом и общетеоретическом планах, но с каким бы принципом анализа мы к этим образованиям ни подходили, в них, вероятно, следует выделять особый формант *-aj-*, реальный факт существования которого подтверждается возникшими под его влиянием тождественными образованиями в греко-христианских именах.

П р и м е р ы:

а) дохристианские имена

1. Беляй: за Исачка за Беляя за Иванова сына, Беляйка дети А III 399 сп., починок Бѣляев А I 446, сын Назарка прозвище Беляйко А III 409 сп. [А III 67а, 413].

2. Ворыпай: р. п. Ворыпаева А I 527, Варыпай Конин сын А I 569.

3. Злобай: Семенко Злобай, Злобаю АФЗ I 125 л. 141.

4. Катай: Катайко, замужем за Юшкою за Катайком за Ивановым сыном А III 413.

5. Негодяй: Негодяй 1397—1427 сп., А II 34.

6. Отяй: Федора . . . Отяева А III 397 сп.

7. Питяй: на Питяевѣ пожни ШД Прил. I, № 6.

8. Полежай: Полежай А II 327 сп.

9. Рудяй: Игнат Рудяев А I 234 сп.

10. Ширяй: Офонас Ширяев 1391—1427, А I 14 [А I 559].

б) греко-христианские имена

1. Кон'-aj: Коняй Демшин А I 428, Коняйко АФЗ I 12 л. 23 об. [АФЗ I 36]. Исх.: (Кон-онъ // Кон-ан>) Кон'-а или Ко-н'а; менее вероятно Кон'-ь 'название животного'.

2. Кост'-aj: Костяицьвъ (*ь* вм. *е*) А III 201. Исх.: (Кост'-янтинъ) > Кост'-а.

3. Куз'-aj: р. п. Кузяя А II 467а. Исх.: (Куз'-ма) > Куз'-а.

---

[130] W. V o n d r á k VSG I, стр. 515.

[131] Подробнее об этих образованиях см.: А. И. С о б о л е в с к и й. Из истории уменьшительных слов. — РФВ, т. 65 (1911), № 2, стр. 400—401.

4. Мит'-aj: Гридя Митяев сын 1397—1427 сп., А II 27 [А I 38, А II 231 290 л. 21 об.]. Исх.: (Дмитрии > Мит-рии) > Мит'-а.

5. Петр'-aj: оу Петрѧица ГрБ 138, XIII/XIV, Петряевы дѣти А I 223 [А I 437, 595, 605, А II 423а, А III 264].

Исх.: Петр-; изменение *р* > *р'* произошло по аналогии с другими квалитативами на -aj- с исходной мягкой основой.

6. Тер'-aj: Теряевъ внукъ ШД 64 сп., (деревню) Савастiановскую Теряева А III 206. Исх.: Тер'-антии; возможно, имеется связь с глаголом *теряти*: ср. совр. отглагольные образования на *-ай*.

7. Тур-aj: Ондрѣи Тоураевъ 1460—70, А III 148. Исх.: (Мартурии=Мартюрии) > Мар-тур-ии // нар. Ман-тур-ии > Тур-; менее вероятно имя нарицательное *тур* 'название животного', которое в XV в. едва ли было известно в народной речи.

8. Фед'-aj: (пустошь) Федяево А I 392. Исх.: (Фед-оръ) > Фед'-а.

9. Фефил-aj: Кузма Фефилаев 1519—20 сп., А III стр. 404. Исх.: (Феофилъ) > Фефил-.

Суффикс *-л'aj*

40. К рассмотренному суффиксу *-aj* примыкает *-л'aj*, представляющий собой сложение двух суффиксов *-л'-aj* и известный нам в нескольких квалитативах от дохристианских и заимствованных греческих имен (*Кривляй* — *Дюрляй*, *Микляй*).

Мягкое *л'* свидетельствует о том, что данный суффикс (если не предполагать факт какой-нибудь аналогии более поздней исторической поры *Мит'-а*: *Мит'aj*, *Юрл-о: Юрл'-aj*) восходит, вероятно, к **-l-ja/-i̯o-*.

Примеры:

1. Крив-ляj: Захарья Кривляевъ ШД 93. Исх. — основа прилагательного: Крив-ой: Крив-л'ай или отглагольная основа.

2. Дюр-ляj: (деревня) Дюрляево А III 231. Исх.: (Георгии > Гюргии) > Дюр-гии; затем осложнение суффиксом *-л-*: Дюрл- // Юрл-о: ср. совр. фамилию Юрлов, топоним Юрлово [132] и, наконец, Юр-л-о > Юр-л'-aj > Юр-л'aj.

3. Мик-ляй: д. п. Микляю АФЗ I 259 л. 301 сп. Исх. может быть: а) Мик-ула > Мик-л'aj; б) Ми-хаило > Ми-к-а > Ми-к-л'aj; и в том и другом случае непосредственно исходной основой было: Мик-л-о: ср. Юр-л-о (< Юр-гии или Юр-ии), Хар-л-о (< Хар-лампии < Хараламппи).

---

[132] А. И. Соболевский. Из истории уменьшительных слов. — РФВ, т. 65 (1911), № 2, стр. 402.

Суффикс *-ěj-* (*-ej-*), граф. *-ѣи*, *-еи*

41. Восходит к праславянскому **-ě-jo* [133]. Имеет параллель в балтийских языках в виде -ē-*j*- [134]. В старославянском языке известны образования с этим суффиксом чисто деривативного характера от именных и глагольных основ: *богатѣи*, *грамотѣи*; так же др.-русск. *верѣя* (< *за-врѣти*) и т. п. [135] В древнерусском языке образовывал также квалитативы от дохристианских и заимствованных греческих имен; формы дохристианских имен образованы от именных или глагольных основ и первоначально имели, вероятно, нейтральное значение.

Примеры:

а) дохристианские имена

1. Вепрѣи: (слобода) Вепрѣика 1401—02 сп. XV, ДДГ 17.
2. Малей: Малей АФЗ I 166 л. 199 об. сп.
3. Молодѣи: (деревня) Молодѣево 1410—20, A III 228.
4. Плещѣи: Игнатеи — . . .Плещѣев А II 348.
5. Поздей: Поздеико 1501—02, АФЗ I 169 л. 205.

б) греко-христианские имена

1. Ван'-ѣи: (земля) Ванѣево А I 302. Исх.: Ван'-а.
2. Иван'-еи: Иване(и) Мотине ШД 67. Исх.: Иван- с меной *н* > *н'* по аналогии с Ван'а > Ван'-еи.
3. Карп'-еи: Корпей (*о* вм. *а*) АФЗ I 12 л. 22 об. сп. Исх.: Карп-.
4. Мар'-ѣи: Иноня Марѣевъ 1504—05, А III 224, Марейко АФЗ I 12 л. 22 сп. [AIII 223].
5. Мин'-ѣи: Лева Минѣев А III стр. 220, Минеевскую землю А III 264 сп. XVIII [А II 257, 266]. Исх.: Ми-н'-а (< Ми-хаил или Ми-трии) или Мин'-а (< Мин-а).
6. Пан'-еи: (пустошь) Панеево А I 475, с Семеном с Панеевым А III 163 [А II стр. 251]. Исх.: Пан'-а или Па-н'-а (< Пан-кратии, Пан-телеи или Па-вел).
7. Парф'-ѣи: в. п. Парфѣя А III 21, Парфѣико ГВНП 307, Левошка Парфеев Корецкий. Приложение 2. Исх.: (Парфении) > Парф-а (см. выше).
8. Ром'-еи: лес стар Луковниковы слободки Ромейковы доли АФЗ I 20 сп. Исх.: (Романъ) > Ром-а.
9. Сан'-еи: Санеи А III 56. Исх.: (Александръ) > Сан'-а.
10. Сем'-ej-а: Семея Васильев, Семея Усачов, Семее Иванову А II 260 сп. Исх.: (Сем'-он) > Сем-а (=С'ома).
11. Фир'-еи: Фиреико АФЗ I 22 л. 36 сп. Исх.: (Фурсъ=Фюрсъ) > Фурс > Фир-с.

Отметим образования от суффиксальных основ:

1. -ш-ѣи: Мокшѣи: оу Воронца у Мокшѣева А II 361: Исх.: (Мок-ии) > Мок-ш-а; менее вероятно Мак-арии > Мок-арии: мена

---

[133] W. Vondrák VSG I, стр. 515.
[134] A. Leskien BNL, стр. 333—334; J. Endzelīns LVG, § 134a; J. Endzelīns BVSF, § 103.
[135] W. Vondrák VSG I, стр. 515—516.

а > *о*, аналогичная мене Настасья > Ностасья и т. п., в этом имени не отражается.

2. *-теи*: Ван-т-еи: Вантеи, Вантея А II стр. 372. Здесь едва ли мена *к'* > *т'* (ср. совр. Ванькя > Ваньтя), а скорее всего представлен суффикс *-т-* [136]. Исх.: (И-ван) > Ван-т-еи или Ван'-а > Ван'-теи.

3. *-х-н-еи*: Ва-х-н-еи: Вахнеи Демидов А I 470 сп. Исх.: (Ва-силии) > Ва-х-а.

42. Несколько общих замечаний о суффиксах *-āj-*, *-ēj-*(*-ѣj-*). Отметим следующее.

1) К суффиксу *-ēj-* исторически восходит суффикс *-aj-* в образованиях от мягких основ. Но квалитативы от заимствованных греческих имен с данными суффиксами возникли по аналогии с уже существовавшими в языке типами суффиксальных образований.

2) Не совсем ясно соотношение форм с *-ѣи* и *-еи*. Некоторые случаи можно объяснить как результат графического смешения букв *ѣ* и *е*, но возможно также, что эти дублетные написания возникли по аналогии с образованиями на *-ии* // *-еи* // *-ѣи*: Мокии—Мокеи—Мокѣи, Леонтии—Леонтеи—Леонтѣи. Изменение *е* > *ѣ* (Мокеи > Мокѣи) в личных именах могло быть связано с общим изменением *е* > *ѣ* в древнерусском языке позднего периода. Это изменение на материале московских грамот XIV—XVII вв., как известно, рассмотрел Л. Л. Васильев [137].

Суффикс *-уj-*(*-уj-а*)

43. Образует квалитативы от дохристианских и заимствованных греческих имен. Этимология целого ряда имен неясна. Примеры:

1. Вач-уи: Вачю'и Пенцине (вм. Пенчинъ) ГВНП 321. Исх.: И-ва-н > Ва-ч-; ср. квалитативную форму Ива-ч, р. п. Ивача.

2. Гошк-уи: Гошкуй, у Гошкуя 1539 сп., ГВНП 106. Исх.: Го̆-ш-к- (?)

3. Кок-уи: Васѣль Кокуи ГВНП 291. Исх.: заимствование (?).

4. Ман-уи: о земли Мануевѣ ГВНП 314 сп.; ср. там же упоминание о Маноиловом внуке. Исх.: Ман-ойло (Ман-уйла).

5. Мин-уй: Мѣнуеви дѣти ГВНП 296. Исх. неясно: Мин-а > Мин-уи (в рукописи *ѣ* вм. *и*).

6. Мит-уj-а: Митую Андрѣева (сына) ДДГ 86, стр. 347. Исх.: Мит-рии.

7. Мустуи: Мустуево седѣнье ('владенье') ГВНП 323. Исх.?

8. Олф-уи: Олфуи ГВНП 304 сп., по Олфуі по корѣлянине.

---

[136] Об этом суффиксе и примеры см.: В. Сімович. Історичний розвиток, стр. 700—701.

[137] Л. Л. Васильев. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV—XVII веках. — ИОРЯС, т. X, кн. 2 (СПб., 1905), особенно стр. 219—224.

Исх.: (Елевферии) > Олф-ереи; возможно, карельское заимствование (?).

9. Прок-уи: Прокуй, Прокую, землѣ Прокуевѣ XIV—н. XV сп. XV, АЮ 138; Прокую ГВНП 121. Исх.: Прок-опии // Прок-офии или, менее вероятно, Прок-л (редкое имя).

10. Сыс-уи: Борис Сысуев А III 90. Исх.: Сыс-ой (< Сис-ои). Возможно, здесь отражается изменение *о* > *у*: ср. известные по памятникам формы Матрона > Матруна, Платон > Платун и т. д.

11. Чад-уи: Фому . . . Чядуева ДДГ 86, стр. 348.

12. Кроме того, А. М. Селищев [138] приводит ряд других примеров с суффиксом *-уј*: Милуй, Репуй, Яруй.

В приведенном перечне квалитативов некоторые из них образованы от неясных основ. Характерно, что все примеры относятся к северным грамотам. Не свидетельствует ли это о влиянии соседних угрофинских — ненецких говоров? Во всяком случае, в северных русских говорах есть целый ряд ненецких заимствований на *-уј*: *менаруй* 'олень в возрасте 6—7 лет, не приученный к езде', *систуй* 'слабый, выбившийся из сил олень', *неблюй*, *неплюй* 'молодой, не достигший годовалого возраста олень', *синикуй* 'отверстие в чуме для выхода дыма' [139]. Обращает на себя внимание суффикс *-уј-* в названиях молодого оленя. Но в древнерусском языке был и исконный славянский суффикс *-уј-*, о чем свидетельствуют: а) пример из московской грамоты *Чадуй* ДДГ 86, б) формы, несомненно, образованные от заимствованных греческих имен: *Мануй*, *Митуй*, в) очень редкая форма *Драгуй* в старосербском языке XIV в. [140]

Этот суффикс был, вероятно, праславянского происхождения, он отражается в ряде чисто деривативных образований, следы которых (существительные и прилагательные) представлены в разных славянских языках [141]. Исследователи возводят его или к индоевропейскому *-еu-іо* (И. Зубатый [142]) или к основам на *-й-* в сочетании с *-јь* (В. Вондрак [143]). Соединяясь с основами личных собственных имен, этот суффикс стал выполнять роль квалитативного форманта.

44. Приведенные выше квалитативные образования с вокалическими суффиксами *-aj-*, *-ѣj-* (*-еj-*), *-уј-* позже, вследствие совпадения некоторых из них с формами повелительного наклонения глаголов, послужили образцом для образования антропонимов от повелительных форм глаголов; так возникли простые имена:

---

[138] А. М. Селищев. Происхождение, стр. 150.

[139] А. А. Пантелеева. Ненецкие заимствования в севернорусских говорах. — «Ученые записки Уральского гос. ун-та», № 80, вып. 8. Свердловск, 1969, стр. 45 и след.

[140] И. М. Железняк Очерк, стр. 91.

[141] W. Vondrák VSG I, стр. 516—517.

[142] Там же, стр. 516.

[143] Там же.

Бушуй — Бушуев, *Гуляй — Гуляев* (ср. также клички собак *Угадай*, *Отгадай*, *Затевай* и т. п.), а также сложные: ср. укр. *Разуй-нога*, *Умой-грязью* и т. п. [144]

Принятые сокращения

Источники

А I, II, III	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I—II—III. М., 1952, 1958, 1964.
АФЗ I, II	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. 1, 2. М., 1951, 1956.
АЮ	Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб. 1838.
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
ГрБ	Грамоты берестяные по изданиям: 1) А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1951 (гр. № 1—10); 2) А. В. Арциховский. То же загл. (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (гр. № 11—83); 3) А. В. Арциховский и В. И. Борковский. То же загл. (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (гр. № 84—136); 4) То же (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (гр. № 137—194); 5) То же (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (гр. № 195—318); 6) То же (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 (гр. № 319—405).
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. Под ред. С. В. Бахрушина. М.—Л., 1950.
ЛИ	Летопись Ипатьевская, сп. ок. 1425 г., по изд. ПСРЛ, т. 2. СПб., 1968.
ЛН	Летопись Новгородская (первая) по синодальному списку XIII—XIV вв., по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
Мейчик	Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского Архива Министерства Юстиции. М., 1883.
СТ XIV—XV	Синодик Типографский, XIV—XV вв., рук. бывш. Типографской библиотеки; хран. ЦГАДА, ф. 381, № 141 (Тип., № 279).
Супр.	Супрасльская рукопись.
СШД	М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV века. СПб., 1909 (Исследования по русскому языку, т. II, вып. 5).
ШД	А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I и II. СПб., 1903.

[144] Об этом см.: Е. Ф. Теплов. Формы повелительного наклонения глагола в составе личных собственных имен. «Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», т. I. Самарканд, 1964, стр. 169—171; І. Д. Сухомлин. Українські прізвища на *-ко, -ло* та їх походження. «Научные записки Днепропетровского гос. ун-та», т. 79, вып. 19, 1963, стр. 155.

Литература

А. Белич. Природа и происхождение	А. Белич. Природа и происхождение существительных субъективной оценки. —Јужнословенски филолог, XXII (Белград, 1957—1958), 1—4.
И. М. Железняк. Очерк	И. М. Железняк. Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. Киев, 1969.
В. Сімович. Історичний розвиток	В. Сімович. Історичний розвиток українських (здрібнілих та згрубілих) чоловічих хресних мен із окремішньою увагою, на завмерлі суффикси. — «Sborník prací I sjezdu slovanských filologů». sv. II. Praha, 1929.
A. Belić AfslPh XXIII, XXVI	A. Belić. Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv- und Amplifikativsuffixe. — AfslPh, Bd. XXIII, XXVI.
K. Brugmann. Grundriss II, 1	K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. I, T. 1. Strassburg, 1906 (2-е изд.).
W. Doroszewski PF, XIV	W. Doroszewski. Monografie słowotwórcze. — PF, t. XIV. Warszawa, 1929.
J. Endzelīns BVSF	J. Endzelīns. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948.
J. Endzelīns LVG	J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
Z. Kawyn-Kurzowa	Z. Kawyn-Kurzowa. Staropolskie nazwy własne z sufiksem *-d-* (na marginesie imenia Suled). «Sprawozdania z posiedzeń Komisji naukowych PAN», t. XI, 2. Kraków, 1968.
A. Leskien BNL	A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.
H. Pedersen IF V	H. Pedersen. Das indo-germanische *s* im Slavischen. — IF, Bd. V, 1895.
J. Rozwadowski MPKJ IV	J. Rozwadowski. Questiones grammaticae. «Materiały i prace Komisji językowej Polskiej Akademii Umiejętności», t. IV.
W. Taszycki	W. Taszycki. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. — W. Taczycki. Rozprawy i studia polonistyczne, t. I. Wrocław—Kraków, 1958.
A. Vaillant RES XVIII	A. Vaillant. Le Suffix russe *-jaga-*. — RES, t. XVIII, fasc. 1—2, 1938.
W. Vondrák VSG I, VSG II, 1906	W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. 1,2-te Auflage, Göttingen, 1924.
J. Zubatý AfslPh XXV	J. Zubatý. Zu den slavischen Femininbildungen auf *-yni*. — AfslPh, Bd. XXV, 1903.

В. Н. Топоров

ЕЩЕ РАЗ ОБ И.-Е. **BUDH-* (:**BHEUDH-*)

В этих заметках речь пойдет об и.-е. корне, в частности, отраженном в др.-инд. *budhná-*, др.-греч. πυθμήν, лат. *fundus*, нем. *Boden* и т. п. ('дно', 'основание', 'низ' и др.) и недавно проанали-

зированном в связи с такими мифологическими именами, как *Ahi Budhnyà*, Πύθων, *Бäдњак*[1]. В настоящее время возможно расширить круг мифологизированных употреблений слов этого корня. Ниже следуют два примера, относящиеся к обозначению реалий большого культурно-исторического значения.

I. Фрак. Βυζάντιον в индоевропейской перспективе

Название этого города, ставшего при Константине столицей Восточной Римской Империи (Византии, которой он позже дал свое имя) уже исстари объяснялось из имени легендарного основателя города Βύζας,[2], прибывшего в 658 г. до н. э. во главе экспедиции мегарцев на берега Босфора (Боспора) и здесь по указанию Дельфийского оракула заложившего поселение[3]. Нередко этимологическое объяснение Βυζάντιον и сейчас ограничивается подобным указанием[4], хотя само имя Βύζας нуждается в объяснении, не говоря о том, что поселение на месте Визáнтия существовало еще до VII в. до н. э., а сам мотив называния города по имени основателя в данном случае ничем не подтвержден и поэтому должен рассматриваться как обычная (а для этих мест весьма характерная) этимологическая легенда ономастического круга. О других старых этимологиях названия Βυζάντιον, не получивших одобрения или продолжения позже, в данном случа-

---

[1] См. статью автора в сб. «Этимология 1974». М., 1976, стр. 3—15.

[2] Nom. Sg. Βύζας, Gen. Βύζαντος. Форма Βύζας отмечена уже на монетах Византии, см. B. W. Head. Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics. Oxford, 1911, стр. 270. Но Стефан Византийский употребляет форму Γύζας, Γύζαντος, ср. 215, 15: ἔνθα [= ἐν Γυνναικῶν, λιμένι] φασὶ τὴν γυναῖκα Γύζαντος Φιδάλειαν διώξασαν ἅμα ταῖς γυναιξὶ τοὺς μετὰ Στροίβου τοῦ ἀδελφοῦ Γύζαντος τῇ πόλει πιθεμένους, τῶν πολιτῶν μὴ παρόντων, νικῆσαι διώξασαν μέχρι τοῦ Λιμένος καὶ οὕτως ὀνομάσαι. Как видно из 189, 3—4, эта форма объясняется смешением с названием ливийского города, жители которого обозначались двояко — Βύζαντες и Γύζαντες. См. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 95. Имя Βύζας, Βύζος, Βύζης в связи с другими лицами отмечено еще несколько раз, ср. Paus. 5, 10, 3 (художник с Наксоса), Zonar 9, 28 (фракийский династ), Inscr. Graec. ad res Roman. pertinent. I, 1511, 1512 (военачальник на Крите) и др.

[3] Ср. Hesych. Mil. 5: ἕτεροι δὲ Μεγαρεῖς ἱστόρησαν ἀπὸ Νίσου τὸ γένος κατάγοντας εἴσπλουν ἐν αὐτῷ ποιησαμένους τῷ τόπῳ ὑφ' ἡγεμόνι Βύζαντι, οὗπερ τὴν προσηγορίαν μυθεύουσιν τῇ πόλει προστεθῆναι. ἄλλοι δὲ Σεμέστρης τῆς ἐπιχωρίου νύμφης παῖδά τινα γεγονότα τὸν Βύζαντα ἀναπλάττουσι.

[4] Впрочем допускаются и модификации, связанные, в частности, с привлечением новых параллелей. Так, Кречмер (Glotta, 14, 1925, стр. 94—95) видел в Βυζάντιον производное на -*io*- от основы Βυζαντ-, от иллирийского имени собственного Βύζας, связываемого с далматинским *Beuzas* (ср. Gen. *Beuzantis*), *Beusas;* последние в свою очередь уже сравнивались с мессап. *baoštas*, апулийск. Βουζος, *Busa*, *Busia* и др., см. W. Deecke. — «Rheinisches Museum für Philologie» 36, 1881, стр. 593; W. Schulze. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin, 1904, стр. 38. Ср. H. Krahe. Lexikon altillyrischer Personennamen. Heidelberg. 1929, стр. 21, 26, 27 и др.

говорить нет необходимости [5]. Вместе с тем следует упомянуть чисто фонетическую этимологию Βυζάντιον, принимаемую Дечевым и Георгиевым, — из и.-е. **bhug'o-* 'козел', **bhug'-ent-* 'козленок' (ср. авест. *būza* 'козел', н.-перс. *buz*; арм. *buz* 'ягненок') [6]. Лишенная семантических оснований и не поддержанная объяснениями, относящимися к реалиям, эта этимология не может быть доказана и поэтому, по крайней мере, пока не является убедительной.

Очевидно, что каждая новая попытка объяснения названия Виза́нтия должна начинаться практически с нулевого уровня. В высшей степени правдоподобным нужно считать мнение о фракийском происхождении названия. Фракийский топонимический пласт именно в этом районе, как и на смежных территориях Балкан и северо-западной Малой Азии, настолько густ и бесспорен — во многих случаях уже и для древних, — что иное происхождение Βυζάντιον было бы полной неожиданностью [7]. Собственно говоря, это заключение, как и документальные данные, фиксирующие само название, и образуют тот исходный фонд, с которым приходится считаться исследователю.

Древнейшие известные случаи употребления названия города Виза́нтия и его жителей византийцев относятся к V в. до н. э. Геродот одиннадцатикратно упоминает название города (IV, 87, 138, 144; V, 26, 103; VI, 5, 26, 33; IX, 89) и трижды его жителей (IV, 87, 144; VI, 33), ср. IV, 138: Ἀρίστων Βυζάντιος; VI, 33: Σηλυμβρίη τε καὶ Βυζάντιον; IV, 87: Βυζάντιοι и т. п., или у Фукидида — VIII, 80, 3: Βυζάντιον, I, 115, 5: Βυζάντιοι. Название города и его жителей еще чаще упоминается у более поздних авторов — как греческих (Птолемей, особенно часто Страбон и др.), так и латинских (Тит Ливий, Плиний, Помпоний Мела, Аммиан Марцеллин и др.— *Byzantium* и *Byzantii*) [8]. Пожалуй, наиболее полным и интересным в виду преследуемых здесь целей нужно считать сообщение Стефана Византийского:

.Βυζάντιον, τὸ ἐν Θρᾴκῃ βασίλειον, πόλις διασημοτάτη, πρὸς τῇ Προποντίδι, πρὸς τῷ μέρει τῆς Εὐρώπης... ἐκτίσθη ἀπὸ Βύζαντος [9] τοῦ Κερόεσσης τῆς Ἰοῦς θυγατρὸς καί Ποσειδῶνος, ἢ ὅτι τοῦ στόλου Βύζης ἦν ἡγεμών. καὶ ὅτι οἱ ἐχῖνοι αἰσθητικώτατοι τῶν ἀνέμων ἐκεῖσε... τὸ ἐθνικὸν τοῦ Βύζας Βυζάντιος διὰ τοῦ ῑ, τὸ δὲ κτητικὸν διὰ διφθόγγου. τὸ δὲ Βυζάντιος ἐθνικὸν τριγενές. τὸ δὲ κτητικὸν Βυζαντιακός. λέγεται καὶ Βυζαντιὰς καὶ Βυζαντίς. ἔστι καὶ ἐπὶ τῆς χώρας Βυζάντεια διὰ διφθόγγου. ἀπὸ δὲ τοῦ Βυζάντιος Βυζαντία, Βυζαντιανός· καὶ Βυζαντειανὸς διὰ διφθόγγου.

---

[5] О них см. G. Curtius. Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig. 1879, стр. 291 (5. Aufl.); H. Grasberger. Studien zu den griechischen Ortsnamen. Leipzig, 1884, стр. 110, 278 и др.

[6] См. Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952, стр. 12; В. Георгиев. Тракийският език. София, 1957, стр. 59, 60, 69.

[7] Связь нижних культурных слоев Виза́нтия именно с фракийскими археологическими культурами ориентирует в том же направлении.

[8] Подробнее см. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 94.

[9] Ср.: Βυζάντιον· ἡ πόλις, διὰ τὸν Βύζαντα τὸν Θρᾴκης βασιλέα. Etymol. M.

Именно в этом фрагменте излагается поздняя мифологическая родословная: Ио родила Кероэссу — Κερόεσσα (ср. τὸ Κέρας 'Рог', Pol. IV, 43, 7, *Bizantinorum Cornu*, на нем стоит Визáнтий), сыном которой от Посейдона и был Βύζας (основа Βυζαντ-)[10]. По другой версии Βύζας — сын нимфы Семестры (Семистры)[11] и муж Фидалеи[12], дочери Барбисеса[13]. Таким образом оказывается, что совокупность основных топонимов и гидронимов вокруг Визáнтия находит соответствие на мифологическом уровне, где элементарные сюжетные связи, объединяющие мифологические персонажи, рассматриваются как семантические мотивировки топографичеслих названий. Иначе говоря, последние трактуются как проекция некиих мифологических событий и поэтому должны пониматься как *topographia sacra*. При этом следует помнить, что мифологический круг, привлекаемый для толкования данных названий, шире, чем объясняемые им топонимические факты: он может имплицировать элементы мифологической системы, которые сами по себе могут и не иметь топографических проекций, по крайней мере, в данном конкретном случае (ср. Зевс и Гера, вовлекаемые через Ио в сюжет, Посейдон как отец Βύζας'а и др. не имеют отражений в этом регионе). Несомненно, что мифологические мотивировки названий с течением времени довольно значительно изменялись. Отсюда — обилие объяснений, построенных на ложно-этимологических основаниях; попытки ввести в объяснительный мифологический уровень специфически древнегреческие персонажи, не имеющие очевидных соответствий в фракийской мифологии, и, следовательно, частичная переориентация в трактовке местных названий в направлении от фракийского к древнегреческому. Один из характерных примеров — уже упоминавшееся речное название Βαρβύσης (и соответствующее nom. propr. Βαρβύσιος), грецизированное у Свиды: διὰ τῆς γεφύρας τοῦ Βαρυβύσσου ποταμοῦ (Suid. s. v. Ἡράκλειος), при др.-греч. βαρύς 'тяжелый', 'сильный' и βυσσός 'глубина' (в частности, морская), 'про-

---

[10] Существенно, что по другим сведениям, Βύζας был воспитан нимфо-источника Βυζία (*Byzia*), ср. Hesych Mil. 8, 9; Procop. De aedific. I, 5, 191 (ср. источник Βυζία во Фракии или Βύζη, имя дочери речного божества Эрасиноса в Аргосе). Вместе с тем имя Βύζη принадлежало мнимой дочери Βύζας'а. В поздних источниках Посейдону, отцу Βύζας'а, приписывают и сына по имени Βυζῖνος (Zenob. II, 63).

[11] Ср.: Σεμέστρης νύμφης βωμός... Hesych. Mil. 4, 3; Σημύστρας βωμός, ἀφ' ἧς καὶ τοὔνομα τῷ χωρίῳ. Σημύστρα δέ, νυμφὴ ναῖς, Κεροέσσης τροφός. Dion. Byz. 24; Σεσιμήτρης νύμφης βωμός. Codin. I, 3 — как обозначение места при слиянии рек Барбисеса и Кидароса (см. Hesych. Mil. 4, 3), образующих Золотой Рог, см. Gillius. Bosp. Thrac. Geogr. gr. min. II, 28. Именно здесь, по показаниям старых источников, был основан древнейший Визáнтий. Это место было выбрано вороном, о котором говорит старое предание, см. Sym. Logoth. (Müller, Geogr. gr. min. II, 28 A).

[12] Ср. ниже: Φιδάλεια, Φαιδαλία, Φειδαλία.

[13] Ср.: ἐν ἐκείνῳ τῷ χωρίῳ, ἐν ᾧ Κύδαρός τε καὶ Βαρβύσης ποταμοὶ τὰς διεξόδους ποιοῦνται. Hesych. Mil. Müller FHG 4, 147, 3; Λέγεται τὸ Βυζάντιον Θρᾴκης ἐμπόριον εἶναι καὶ ὅτι τοπάρχης ἦν ἐν αὐτῷ Βαρβύσιος, ὁ πατὴρ Φεδαλίας. Chron. Pasch. 1, 493 (где Βαρβύσιος—Nom. propr).

пасть' (ср. βυθός, то же)[14], тогда как первоначально речь могла идти о корне с минимально выраженным удвоением **Barb-* (находящем многочисленные соответствия с гидронимии центрально-европейского типа), оформленном типичным, между прочим, для малоазийского ареала суффиксом *-us-* (-υσ-), или даже о сложном слове с первым элементом Βαρ- (ср. фрак. Ζουρόβαρα. Ptol. 3, 8, 4, город в Дакии, при Ζουρης, или Ταμονβαρι. Procop. De aedific. 4, 11, замок в области Эбра[15], и вторым элементом -βυσ-, в котором, учитывая частые случаи мены -σ- : -ζ- (ср., в частности, Βούσας : Βούζης, Βύζης и т. п.), можно предполагать трансформацию более старого -βυζ-[16], присутствующего и в Βυζάντιον; в этой связи особенно показателен, конечно, вариант Βαρβύζης. Если это второе предположение верно, то Βαρβύσης, видимо, могло бы для более раннего времени толковаться как 'порождающий (несущий) некий водный объект, обозначаемый корнем Βυζ-'. Такое название могло первоначально относиться именно к Золотому Рогу, питаемому как раз водами Барбисеса. В этом случае полностью объяснялось бы и то, что древнейший Виза́нтий находился именно в в е р х н е м конце Золотого Рога, т. е. как раз там, где Барбисес, сливаясь с Кидаросом, дает начало Золотому Рогу (-*Βυζ-)[17]. Характерно, что среди разных древних названий Боспора (*os / fretum / Ponticum*, Στενόν [ср. этникон Στενίτης] при тур. *Boghas* и т. п.) известно и Βυζαντιακὸν στόμα[18] (Βυζαντιακὸν τὸ στόμα. Strab. I, 21, 2; также Βυζάντιον στόμα. Strab. I, 49 и даже: τὸ στόμα τὸ κατὰ τὸ Βυζάντιον. Strab. II, 71; XII, 563). Впрочем, и само название Боспора, объясняемое из древнегреческого *Βοός-πορος 'бычий брод' (через гиферезу)[19] и обозначающее многие узкие морские проливы, но прежде всего, конечно, Боспор Фракийский (Aesch. Pers. 723, 746)[20], у конца которого стоит Виза́нтий (ср. также Боспор Киммерийский и др.), весьма вероятно, явилось переделкой более старого фракийского названия. Ср., с одной стороны, весьма многочисленные фракийскпе composita с вторым членом -παρα, -παρο(ν), -παρος, -παρου, -παρων, -περα (*-para*, *-phara*, *-paro*)

---

[14] Ср. вариант Βάρβυνσσος.

[15] См. D. D e t s c h e w. Die thrakischen Sprachreste, стр. 42, 195, 488.

[16] Ср., однако, и фрак. -βυσ(σ)-ηνός и под.

[17] Модель типа Βυζ- (местное или водное название): Βυζ-αντ- (поселение, обозначение некоей совокупности, множественности, ср. анатол. *-/a/nt-* в этой функции) достаточно хорошо известна. Впрочем, уместно напомнить, что первоначально название τὸ Κέρας относилось не к морской бухте, а к имеющему форму рога полуострову (собственно предгорью, образующему мыс), на котором позже находился Виза́нтий; ср., однако, Ἑσπέρου Κέρας, Νότου Κέρας и т. п. применительно к бухтам.

[18] Ср. также στόμα τοῦ Πόντου.

[19] Ср.: K r e t s c h m e r. — «Glotta» 27, 1939, стр. 29; Frisk I, стр. 254 и т. д.

[20] Ср.: «Скилак из Карианды свидетельствует, что пролив у Халкедона и Виза́нтия, теперь называемый Боспором Фракийским, прежде носил имя Мисийского Боспора. Это можно принять как свидетельство того, что мисийцы были фракийцами». XII, 4, 8. См. С т р а б о н. География в 17 книгах. М.—Л., 1964.

и др.[21], а с другой стороны, такие названия, как Βοσπαρα, замок вблизи Βεσούπαρον, *Bessapara* (*Bessa*, *Bessum*), см. Procop. De aedific. 4, 11[22]. Характерно, что имя Боспора связано и с тем местом, где находился исторический Византий: Βοσπόριος ἄκρα — так называлась оконечность самого полуострова, древнего τὸ Κέρας, с которым связан один из основных эпизодов истории Ио, носившей коровьи рога (κέρατα), — переправа на азиатский берег[23]; впрочем, эта история связывается и с Боспором Киммерийским (Aesch. Prom. 733; Kallim. Art. 254; Hyg. fab. 145; Schol. Apoll. Arg I, 1114).

Мифологический сценарий, связанный с Βύζας'ом, разыгрывается и в других местах этого региона. Так, с именем жены Βύζας'а Фидалеи соотносится название белой скалы в море неподалеку от Византия — Φαιδαλία (Dion.), Φειδαλία (Suid), Φιδάλεια (Steph. Byz.), — где, по преданию, находилась гробница Фидалеи. Не менее любопытны с точки зрения мифологических ассоциаций или в связи с теми или иными особенностями ландшафта, получившими мифологическую интерпретацию, и другие названия на Боспоре, т. е. в непосредственном соседстве с Византием. К их числу нужно отнести Αὐλητής, название, данное по имени флейтиста Πύθων[24], ср. αὐλητική (sc. τέχνη) 'искусство игры на флейте', αὔλησις 'игра на флейте', αὐλητής, αὐλητήρ 'флейтист', αὐλέω 'играть на флейте', αὐλός 'флейта', 'дудка' и т. п. Это название, как и приведенные здесь слова того же корня, связано с др.-греч. αὐλών как обозначением всякого углубленного места в горах и на побережье, ущелья, долины, узкого прохода, горловины[25] и т. п. (ср. πόντιαι αὐλῶνες, о море с его бухтами и проливами), что объясняет значительное количество топонимов Αὐλών[26]. Уместно напомнить, что αὐλ- как обозначение ущелья, горловины, пролива, с одной стороны, и музыкального инструмента, с другой, находит соответствие в уже упоминавшемся κέρας 'протока', 'пролив', 'бухта' 'отрог', 'вершина' и т. п., но и 'рог', 'рожок' (музыкальный инструмент)[27]. При этом

---

[21] См. D. Detschew. Указ. соч., стр. 356—357.

[22] См. D. Detschew. Указ. соч., стр. 55, 76; Pauly-Wissowa. Reallexik. s. v. *Bosporos*.

[23] Сходным образом мотивируется и название Геллеспонта: Гелла на пути в Колхиду упала при переправе с золоторунного барана и утонула в проливе (πορθμὸς 'Αθαμάντιδος ''Ελλας. Aesch. Pers. 69, откуда — 'Ελλήσποντος или ''Ελλης πορθμός.

[24] Ср.: Pauly-Wissowa. Reallexik. 5. Hlb. Stuttgart, 1897, s. v. *Bosporos.* Показателен мотив поэтических, прежде всего музыкальных способностей у персонажей причастных к сфере хтонического и оргиастического, о чем писалось в другой связи.

[25] Ср. выше о Στενόν (тур. *Boghas*) при στενός 'узкий проход', 'ущелье', 'теснина', 'пролив' (ср. στηνότης).

[26] Среди них наиболее известны: 1) ущелье и город на реке Кипариссе в Мессении (Xen. Hell. 3, 2, 25; 3, 8); 2) город на сев.-зап. оконечности Стримонского залива в Македонии (Thuc. IV, 103); 3) портовый город (в бухте) в Иллирии (=Валона); 4) место в Аттике, видимо, долина, разделяющая два главных хребта Лавриона, и др.

[27] Ср. устойчивые сочетания, соединяющие эти два корня: αὐλέω τῷ κέρατι 'трубить в рожок' (*cormu inflo*).

и αὐλ- и κερ- используются в местных названиях[28] и, в частности, в непосредственном соседстве друг с другом в Византии и его окрестностях. Показателен и эпитет Диониса — Αὐλωνεύς[29].

Неподалеку, к северу от Архейона, находится крутое взгорье, некогда с культовым сооружением, посвященным «морскому старцу», с которым в древности связывали разных персонажей — Нерея, Форкиса, Протея, отца Семестры и под.[30] Gillius, II, 9 называет это место Κλειδίον (теперь тур. *Defterdar burnu*), что должно объясняться как з а т о р, п р е г р а д а, ср. др.-греч. κλειδόω 'запирать', 'замыкать' (ср. Κλεῖδες, два островка у Кипра и т. п.); этот мотив запирания вод один из весьма частых в мифологических объяснениях топографии (ср. также Вритру).

Особенно мрачные представления связывались с т. н. Кианейскими скалами (Κυάνεαι, αἱ πετραι, νῆσοι)[31], или Симплегадами (Συμπληγάδες, σύνοδοι 'сдвигающиеся', ср. Πλαγκταί 'блуждающие'), двумя горными скалами у входа из Черного моря в Боспор (ср. Κυάνεα πελάγη, о Боспоре и Черном море), которые, по преданию, то сдвигались, то раздвигались и поэтому были особенно опасны для мореплавателей[32]. Кианейские скалы, фигурирующие в мифе об аргонавтах, утратили свою подвижность, как уверяет предание, именно после того, как корабль аргонавтов прошел между ними.

Описание Кианейских скал и их функция в сюжете мифа отсылают к еще более знаменитым Скилле и Харибде (Σκύλλα / Σκύλλη, Χάρυβδις) у входа в Сицилийский пролив[33]; любопытно, что Скилла жила в скале и поэтому могла бы трактоваться как персонифицированная скала. В свете этой параллели особое значение приобретают и некоторые другие совпадения типа Πλαγκταί (πέτραι) как обозначение Кианейских скал на Боспоре и одновременно вулканической скалы недалеко от Скиллы и Харибды в Сицилийском проливе. Таких примеров в этих двух ареалах немало: ряд из них был уже давно указан, другие известны, но не привлекали к себе специального внимания. Тем не менее, наличие этих совпадающих формально и/или функционально фрагментов мифологизированной топонимии, замеченное еще в древности, имеет первостепенное значение для установления направления и особенностей динамики в освоении древними греками Средиземноморского бассейна (от Малой Азии к западу). Во всяком случае уже Страбон, по сути дела, имел в виду этот перенос ланд-

---

[28] Ср. Κάλαμος на Боспоре — при κάλαμος 'свирель', 'тростник'.
[29] Ср. Frisk, I, стр. 186—187.
[30] Тот же автор упоминает о скале с храмом Гекаты (на Боспоре).
[31] Ср. κυάνεος 'темный', 'темно-синий', 'черный'.
[32] Ср.: Δαρεῖος δὲ . . . ἐνθεῦτεν ἐσβὰς ἐς νέα ἔπλεε ἐπὶ τὰς Κυανέας καλευμένας, τὰς πρότερον πλαγκτάς "Ελληνές φασι εἶναι . . . Hdt. IV, 85.
[33] Иногда в названии турецкой деревушки *Гарибче* (у входа в Черное море) видят отражение Χάρυβδις. Ср.: Джелал Э с с а д. Константинополь от Византии до Стамбула. М., 1919, стр. 18 и др.

шафтной номенклатуры в указанном направлении еще у Гомера (такой перенос и приспособление старой ландшафтной номенклатуры, в частности, мифологизированной, к новым территориям весьма нередок при миграциях). Кианейские скалы (которые иногда называют Симплегадами) дали поэту [sc. Гомер] добавочный материал для этого рассказа, так как они весьма затрудняют плавание через пролив у Визáнтия [далее — рассказ о плавании Иасона в Эю]. Поэтому, если сравнить Эю Кирки с Эей Медеи и Гомеровы Планкты с Симплегадами, то плавание Иасона через Планкты тоже представится совершенно правдоподобным. По-видимому, вероятно и плавание Одиссея между скалами, если вспомнить Скиллу и Харибду. С другой стороны, в гомеровскую эпоху Понтийское море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира [34], поэтому преимущественно ему давалось особое имя «Понт» . . . Может быть, по этой причине Гомер *перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте*, предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу господствующих направлений» [35]. Такого рода перенесения — и не только в горизонтальной плоскости, но и по *вертикали* (т. е. из нашего мира, с земли в иной мир, на небо или в подземное царство) — были обычным приемом для мифопоэтической традиции. Так, Страбон же сообщает: «Кроме того, на основании реальных сведений о том, что киммерийцы жили у Киммерийского Боспора, в *мрачной северной* области, Гомер соответственно *перенес* их в какую-то *мрачную* область по соседству с *Аидом*, подходящую местность для мифических рассказов

[34] Ср. Геродот IV, 85: «. . . так как Понт самое замечательное из всех морей», в более полном контексте: . . . ἑζόμενος [sc. Дарий] δὲ ἐπὶ ῥίῳ ἐθηεῖτο τὸν Πόντον, ἐόντα ἀξιοθεήτον.

[35] Соответствующий греческий текст см. H. L. Jones. The Geography of Strabon. I—VIII. London, 1917—1932. Ср. версию текста в кн.: Strabonis Geographica recensuit Wolfgang Aly. Volumen primum. Bonn, 1968 (Libri I—II): προσέδοσαν δέ τι καὶ αἱ Κυάνει, ἅσπερ Συμπληγάδας καλοῦσι πέτρας τινές, τραχὺν ποιοῦσαι τὸν διέκπλουν τὸν διὰ τοῦ Βυζαντιακοῦ στόματος, ὥστε παρὰ μὲν τὴν Αἶαν ἡ Αἰ<αί>η, παρὰ δὲ τὰς Συμπληγάδας αἱ Πλαγκταὶ, καὶ ὁ δι' αὐτῶν πλοῦς τοῦ 'Ιάσονος πιθανὸς ἐφάνη, παρὰ δὲ τὴν Σκύλλαν καὶ τὴν Χάρυβδιν ὁ διὰ τῶν σκοπέλων πλοῦς. ἁπλῶς δ' οἱ τότε τὸ πέλαγος τὸ Ποντικὸν ὥσπερ ἄλλον τινὰ 'Ωκεανὸν ὑπελαμβανον καὶ τοὺς πλέοντας ἐκεῖσε ὁμοίως ἐκτοπίζειν ἐδοκουν, ὥσπερ τοὺς ἔξω Στηλῶν ἐπὶ πολὺ προϊόντας· καὶ γὰρ μέγιστον τῶν καθ' ἡμᾶς ἐνομίζετο, καὶ διὰ τοῦτο κατ' ἐξοχὴν ἰδίως Πόντον προσηγόρευον, ὡς ποιητήν 'Όμηρον, ἴσως οὖν καὶ διὰ τοῦτο μετήνεγκεν τὰ ἐκ τοῦ Πόντου πρὸς τὸν Ωκεανόν ὡς εὐπαράδεκτα διὰ τὴν κατέχουσαν δόξαν. I, 2, 10. См. также: W. Aly. Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text. Aufbau und Quellen der Geographica. München, 1960.

о странствованиях Одиссея»[36]. Напрашивается мысль, что для населения юго-восточной части Балкан и северо-западной части Малой Азии именно Черное море понималось первоначально как Океан (лишь позже греки познакомились и с его западным воплощением — за Геракловыми Столпами). Само же представление об Океане было предельно мифологизировано: он был не только обозначением периферии по горизонтали, но и элементом космологической вертикальной схемы, сыном Урана (Неба) и Геи (Земли), отцом вод, местопребыванием небесных светил. Понимание Черного моря как части Океана и обусловило самые мрачные ассоциации, связанные с ним, начиная с представлений финикийцев о нем как о смертоносной бездне и кончая его эпитетами (даже поздними или вторичными, как Πόντος ἄξεινος у Пиндара), сравнениями (со скифским луком — до Птолемея и т. п.) и другими его образами. Еще древние греки считали, что Черное море в результате гигантского катаклизма при Девкалионе[37] прорвалось к Средиземному морю через Боспор и Гелеспонт, образовавшиеся именно в это время. Логографическая и ранняя географическая традиция также сохранили память об этом смертоносном прорыве Черного моря, ср.: «Стратон высказывает мнение, что Евксинский Понт прежде не имел выхода у Виза́нтия, но реки, впадающие в Понт, прорвали и открыли проход и вода устремилась в Пропонтиду и Геллеспонт[38]. Разумеется, что догреческое население этого ареала и, в частности, фракийские племена,

---

[36] Ср.: οὕτω δὲ τοὺς Κιμμερίους εἰδὼς οἰκοῦντας τὸν Κιμμερικὸν Βόσπορον πρὸς βορρᾶν <ὄντα> καὶ ζοφώδη μετήγαγεν οἰκείως εἰς σκοτεινόν τινα τόπον τον καθ' ᾍδην χρήσιμον ὄντα πρὸς τήν μυθοποιίαν τήν ἐν τῇ πλάνῃ. I, 2, 9. Об этих же местах писал еще Геродот: «В этот Понт изливается еще озеро величиной немного меньше его самого. Оно называется Меотидой и Матерью Понта (. . . ἥ Μαιῆτίς τε καλέεται καὶ μήτηρ τοῦ Πόντου)». IV, 86. См. О. Н. Трубачев. *Temarundam* 'matrem maris'. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. «Античная балканистика» 2. М., 1975, стр. 38—47. О мотиве 'мать вод' см. в связи с Барбисесом и Семестрой.

[37] Показательно, что именно с Девкалионом (сыном Прометея и Климены) и Пиррой связывается мотив послепотопного происхождения людей (бросание камней Девкалионом → мужчины и Пиррой → женщины) и начало эллинов: Эллин (Геллен) — их сын, отец Эола, Дора и Ксута, эпоним Эллады. Восточные истоки одной части мифа о Девкалионе и поздний характер другой (эллинская этиология) намечают основные вехи в развитии мифа и косвенно определяют географию мифа.

[38] Ср.: . . . τοῦ δὲ Στράτωνος ἔτι μᾶλλον ἁπτομένου τῆς αἰτιολογίας, ὅτι φησὶν οἴεσθαι τὸν Εὔξεινον μὴ ἔχειν πρότερον τὸ κατὰ Βυζάντιον στόμα, τοὺς δὲ ποταμοὺς βιάσασθαι καὶ ἀνοῖξαι τοὺς εἴς αὐτόν ἐμβάλλοντας. εἶτ' ἐκπεσεῖν τὸ ὕδωρ εἰς τὴν Προποντίδα καὶ τὸν Ἑλλησποντον Strab. I, 3, 4; ср. I, 3, 6: о прорыве моря у Виза́нтия, ср. также I, 3, 5: «Но, как я сказал, непосредственная причина таких явлений в том, что само морское дно то поднимается, то оседает. . .» и далее: «В противном случае он [sc. Стратон] не считал бы дно моря причиной течения у Виза́нтия; он утверждает, что дно Евксинского Понта выше дна Пропонтиды и моря, следующего за Пропонтидой».

пришедшие сюда немного ранее, не могли не знать об этом катаклизме. В самом деле, как показывают геологические исследования Черного моря, последний раз оно соединилось через проливы с Средиземным морем, вероятно, только за 4—5 тысячелетий до н. э. (по подсчетам Н. М. Страхова) [39]; тогда же образовался и Босфор, древняя речная долина, затопленная морем в антропогене, и Мраморное море, расположенное в зоне крупных разломов земной коры в средиземноморском поясе. Этому последнему прорыву Черного моря, произошедшему уже при свидетелях — племенах, обитавших в этом районе в то время, предшествовал целый ряд более ранних прорывов (в нижнем и среднем миоцене, в самом конце миоцена) и замыканий в обширные изолированные озера [40], дающих основание говорить о своего рода пульсации Черного моря, которая в конце-концов и определила характер рельефа Боспора, Мраморного моря, побережья, включая сюда и тот мыс, на котором возник Виза́нтий. И геологические исследования этого района, и топографические описания Виза́нтия-Константинополя-Стамбула [41] подчеркивают особенности рельефа и его связь с гигантской катастрофой, а отчасти и указывают на его мифологические осмысления; впрочем, и для античных авторов была ясна отмеченность этого места на стыке Европы и Азии [42]. Последующая судьба Виза́нтия, города Константина, второго Рима, столицы Восточной Римской Империи и хранителя православия, способствовала еще большей актуализации символической роли некоторых особенностей ландшафта (семь холмов Константинополя, ср. римский *Septimontium* и семь холмов «третьего Рима» — Москвы, не говоря уже о *Septem maria*, *Septem aquae*

---

[39] См. А. Д. Архангельский, Н. М. Страхов. Геологическое строение и история развития Черного моря. М.—Л., 1938. Следовательно, неолитическая цивилизация Малой Азии (Чатал-Гююк и др.), с ее величайшими достижениями, должна была предшествовать этому катаклизму или во всяком случае быть современной ему. Это заключение легче всего объясняет ту осведомленность об этом событии, которую обнаруживают античные источники. О роли геологических катастроф, приуроченных, в частности, к периферии Эгейского бассейна, см. И. А. Резанов. Атлантида. М., 1975. Здесь же — попытка сопоставления катастрофы на Санторине за полторы тысячи лет до н. э. (остров находится в той части Эгейского моря, которая характеризуется гравитационным максимумом) с преданием о гибели Атлантиды. См. также: L. Pomerance. The Final Collapse of Santorini. Göteborg, 1970; D. L. Page. The Santorini Volcano and the Destruction of Minoan Crete. London, 1970; S. Marinatos. Excavations at Thera I—IV. Athenes, 1968—1971 и др.

[40] В олигоцене, среднем миоцене (*Караганское озеро*), в начале плиоцена (*Понтическое озеро*), в начале четвертичного периода (*Древнеевксинское озеро*), в конце его (*Новоевксинское озеро*), см. БСЭ 47, 1957, стр. 184 и след., особенно табл. 1.

[41] Ср.: A. D. Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople. Lille. 1892; Pauly-Wissowa. Reallexik. 5. Hlb., стр. 1115 и след.

[42] Ср.: hic locus est gemini ianua vasta maris. Ovid. Trist. I, 10, 32 или: artissimo inter Europam Asiamque divortio Byzantium in extrema Europa posuere Graeci. Tacit. Annal. XII, 63 и др.

и т. п.), прежде всего таких его объектов, как возвышенности, ущелья, узкие проливы, изрезанное бухтами побережье, одним словом всего того, что могло рассматриваться как место или даже результат разыгрывания мифологического сценария. В этой связи трудно пройти мимо хтонического родословия Βύζας'а. Отец его — Посейдон (Ποσειδῶν, эпич., поэт. Ποσειδάων, ионич. Ποσειδέων, лирич., крит., эпид., аркад. и другие надписи — Ποσειδάν, также аркад. Ποσοιδάν, откуда лакед. Ποhοιδάν; дорич. формы из разных мест типа Ποτ/ε/ιδᾶς, ср. эол. /?/Ποτειδαν; микен. *Po-se-da-o*, Dat. *Po-se-da-o-ne*) [43], божество водных источников, рек, морей, с отчетливыми связями с и н ы м миром, подземным царством, с нижней космической зоной. Не случайно, что имя божества согласно возводится к *ΠοτειδᾶϜων (через стяжение -δων-, -δαν и т. п.) и, начиная с Фика [44] и до настоящего времени [45], как правило, трактуется как 'Господин (или Супруг) З е м л и' (ср. Δήμητηρ). Самая последняя этимология имени Посейдона предусматривает во второй части слова индоевропейский корень для обозначения текущей воды — **dā-*, ср. др.-инд. *dānu* и названия рек типа *Днепр*, *Дон* и т. п., ирл. *Donwy* (< **danuui̯a*) [46]; отсюда — Посейдон как 'господин (Супруг) вод' [47] и соотнесение его с постулируемым Дюмезилем индоевропейским богом вод, чье имя более известно в виде перифрастических образований типа др.-инд. *Ápām Nápāt*, др.-иран. *Apąm Napāt*, лат. *Neptunus*, ирл. *Nechtan*. Следовательно, и в этом случае сохраняются хтонические связи Посейдона. Имя и образ матери Βύζας' а, нимфы источника Семестры апеллируют к тому же кругу идей; ср. разнообразие формы имени (Σεμέστρη, Σημύστρα, Σεσιμήτρη) [48], в котором, тем не менее, уже при поверхностном взгляде можно уяснить ведущие семантические тенденции, возможно, конечно, народно-этимологического толка: с одной стороны, *συν- (*συμ-) & *στρ- (ср. фрак. Στρῡμών, Στρύμη и т. п.) [49] как соединение потоков, слияние струй и т. д. (алтарь Семестры стоял как раз при соединении Барбисеса и Кидароса, ср. иллир. Σύβαρις); с другой сто-

---

[43] См. F r i s k II, стр. 583.
[44] См. A. F i c k. — «Curtius Studien» 8, 1876, 307; из Voc. *Πότει Δᾶς.
[45] Ср. F. S c h a c h e r m e y r. Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens. Bern, 1950, стр. 13 и след.
[46] См. C. S c o t t L i t t l e t o n. Poseidon as a Reflex of the Indo-European 'Source of Waters' God. «The Journal of the Indo-European Studies», V. 1, № 4, 1973, стр. 423—440.
[47] Ср. мифологический мотив — Посейдон заставляет появиться лернейскую реку Амимону.
[48] См. D. D e t s c h e w. Die thrakischen Sprachreste, стр. 429—430.
[49] Многочисленные фракийские названия этого корня см. D. D e t s c h e w. Указ. соч., стр. 481—485. Особенно интересно в этой связи имя нимфы Στρυμώ, связанное с самой сев.-зап. частью Малой Азии (Троя, Скамандр), ср.: Ἶλος δὲ γήμας Εὐρυδίκην τὴν Ἀδράστου Λαομέδοντα ἐγέννησεν ὅς γαμεῖ Στρυμὼ τήν Σκαμάνδρου. Apd. 3, 146 (3, 12, 3); ὁ δὲ Τιθωνὸς Ῥοιοῦς ἤ Στρυμοῦς τῆς Σκαμάνδρου θυγατρὸς υἱός. Schol. Lyc, 18.

роны, *σεμ- (ср. фрак.-фриг. Σεμελη как персонифицированная земля, др.-фриг. ζεμελω «Мать-Земля» и т. п.) [50] & *μήτηρ 'мать', т. е. в целом — 'Земля-Мать' [51]. В этом же контексте находят свое место и водное происхождение жены Βύζας'а Фидалеи (она дочь речного божества Барбисеса), и храм Гекаты на скале около Визáнтия, и культовое сооружение, посвященное Морскому Старцу (там же, см. выше), и целый ряд других, иногда более отдаленных параллелей и деталей. В частности, сын Тартара и Геи (Земли), огнедышащий Тифон, по Гомеру, живет в стране аримов в Малой Азии (другой вариант у Пиндара: под Этной, см. выше о подобных перенесениях), под землей, где его терзают молнии Зевса. Поскольку доказано, что Тифон — особая ипостась Пифона [52] и высказывалось даже предположение (Л. А. Гиндин), что его имя — результат метатезирования имени Пифона, т. е. *budh- (Πυθ-) при *dubh- (Τυφ-), — включение в этот круг данных о Тифоне может рассматриваться как еще один аргумент в цепи доказательств основного тезиса, а именно: в названии В и з á н т и я — Βυζάντιον допустимо видеть отражение того же индоевропейского корня *budh-, который присутствует в мифологических именах др.-греч. Πύθων, др.-инд. *Áhi Budhnyà*, с.-хорв. *Бȁдњак* (*бȁдњак*) и т. п. Название мест (впоследствии — поселений, городов) по имени хтонических чудовищ, мифологических персонажей, связанных с нижним миром, не редкость [53]. Обычно они мотивированы как особенностями рельефа (горы, холмы, ущелья, воды), так и представлением, согласно которому с убитым чудовищем и с местом этого убийства связаны процветание и богатство [54] и некоторые другие отмеченные признаки [55]. Визáнтий,

---

[50] См. D. D e t s c h e w. Указ. соч., стр. 429.

[51] Ср. обозначение матери богов как σεμνή μήτηρ (μεγάλη μήτηρ), где эпитет случайно сходен с началом имени Семестры.

[52] См. J. F o n t e n r o s e. Los-Angeles, 1959.

[53] Подробнее см. В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза славян. Ср., в частности, *Vilnius*, в конечном счете к **vel-* корню, кодирующему имя противника Громовержца (*Vel-, Vels, Vielona*, лит. *vélnias* 'черт', лтш. *velns* и т. д.; ср. слав. *Velesъ*). Интересно, что сочетание Βυζ-: Κέρας имеет соответствия типа лит. *Viln-* (*Veln-, Vel-*): *Rag-* 'рог' или *Днепр* (**Dānu-ipr-*, ср. индо-иран. *Dānu* как имя мифологического персонажа, связанного с водами) и *Рог, рог, отрог* как номенклатура ландшафта. Ср. о Боденском оз. (*Boden-See*, название того же корня, что и Βυζάντιον), иначе именуемом Швабское море.: «С южного плоскогорья нужно спуститься на берег Швабского моря (des Schwäbischen Meeres), потом плыть. . . над б е з д н а м и, которые долго считались неисследимыми (über S c h l u n d e die früher für unergründlich galten)». Т. Манн. Волшебная гора. Гл. I («Ankunft»).

[54] В этом отношении симптоматично указание п и ф и й с к о г о оракула основать новый город (Βυζάντιον) напротив владений с л е п ц о в, которые находились на малоазиатском берегу Боспора (ср., напр., Tacit. Annal. XII, 63). Название слепцов в данном случае мотивируется именно тем, что они не заметили, какие б о г а т с т в а (в частности, рыбные) сулит основание города на том месте, где и был основан Визáнтий.

[55] Напр., дар прорицания в Πυθώ, Πυθών, древнейшем названии местности

как место катаклизма, как точка, отмечающая вход в «смертоносную бездну» через водное ущелье Боспора, и Визáнтий как город городов и средоточие славы, мощи и богатства [56] равно близко соответствуют старой мифологеме, смысл которой — наибольшие ценности связаны с наибольшим риском, опасностью [57].

Сама форма названия города Βυζάντιον должна, видимо, пониматься как фракийское соответствие др.-греч. Πύθων и выводиться скорее всего из формы типа и.-е. **Budh-i̯-ant-*. Ассибиляция дентального согласного в этих условиях является обычным для фракийского языка случаем, причем, как правило, *d(h)* + *i̯* (или *i*) дает именно ζ (позже иногда с потерей смычного элемента -σ), ср. Ζου-πορας (**Di̯u-poras*), Ζουρ- (**Di̯ur-*) и т. п.[58] Словообразовательный элемент *-i-* (: *-i̯-*) хорошо известен из многочисленных фракийских примеров; в некоторых из них бесспорно, что этот элемент служит для образования производной основы (ср. имена на -ασπιος, -εσπιος и др.), указывающей, в частности, на происхождение.

Предположение о соответствии фрак. Βυζ-: др.-греч. Πυθ- подтверждается ситуацией почти взаимодополнительного распределения территориальной приуроченности названий с Βυζ- и Πυθ- (исключения минимальны и, насколько можно судить, вторичного происхождения): первые приурочены к фракийской территории (помимо приведенных выше примеров, ср. еще Βύζια. Strab. VII, 7, 47 /столица астиев во Фракии, совр. *Виза*, и источник/, Βυζόνα. Strab. I, 3, 10 /на Черном море, совр. *Каварна*/ [59], Βυζηνοί. Ptol. V, 4, 10

у подножья Парнаса в Фокиде, где позже были Дельфы с храмом Аполлона Пифийского, оракулом, пифией и т. п., при Πύθων, название пораженного здесь чудовища.

[56] Ср. позже (в середине XV в.) в «Плаче о падении Византии» греческого историка Дуки: «О город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гроза варваров! О город, город, второй рай. . .» XLI. 1. См. Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969, стр. 421 и след.

[57] «*Есть наслаждение в бою И бездны мрачной на краю. . .*»

[58] Ср. Д. Дечев. Характеристика..., стр. 22—23 и др. Впрочем известны и неассибилированные формы, ср. Βενδῖν при Βενζεις, Διζας при Ζειζας и др., в частности, nom. propr. Βύδιος, сопоставляемое с Πυθίας, Πυθέας, Πύθιας (эпитет Аполлона). См. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 94. Здесь же (стр. 385) фрак. Πύδνα, Pydna (вар. Κύδνα, *Cydna*) возводится к и.-е. *bhudhno; ср. еще лик. Πύδναι Ptol. 5, 3, 4, крит. Πύδνα, Πύτνα. Strab. 10, 3, 19; Steph. Byz. 328, 4.

[59] Чрезвычайно интересно, что с этим местом Страбон связывает известия о катаклизме. Ср. I, 3,10: «Ведь наводнения и землетрясения, вулканические извержения и подъем морского дна вызывают и поднятие моря, тогда как опускание дна моря способствует его понижению. . . Равным образом могут происходить малые и значительные оседания дна моря, если только верно говорят, что в силу землетрясений появляются зияющие расселины и земля поглощает целые местности и селения, как это произошло в Буре и Бизоне и во многих других местах» (на западном побережье Черного моря); ср.: «Между Калатием и Аполлонией расположены Бизона, бóльшая часть которой поглощена землетрясением, Круны, Одесс. . . .» (VII, 6, 1).

/племя в Галатии и т. п./)[60] и практически полностью отсутствуют во всех тех частях Греции, где не было надежного фракийского субстрата (или даже адстрата); напротив, названия на Πυθ- (среди них и такие, которые в словообразовательном плане точно соответствуют типам с корнем Βυζ-) распространены в Греции и отсутствуют на фракийских территориях[61]. В частности в связи с реконструируемым для Βυζάντιον *budh-i̯- заслуживают внимания формы имен типа Πυθίας, Πύθιον, Πυθίων, Πύθιοι (ср. *Pythionia*, один из восьми маленьких островов около Коркиры. Plin. IV, 53) и, конечно, эпитеты Аполлона — Πύθιος (наряду с Πυθαεύς, Πυθαῖος, Πυθοῖος; Πύθεος, Πύθειος, Πυθεύς), критск. Πύτιος, Ποίτιος, Ποίθιος, беот. Πούθιος и др.[62]; ср. Πυθία, Πυθίη (эпич.) при Πυθείη как обозначение Артемиды и как название пифии. Эти случаи сочетания дентального с *-i-* (*-i̯-*) в словах указанного корня, как и сами рефлексы старых сочетаний этого типа (**thi̯* > **ts* > σ в начале слова и после согласного; -σσ- или -σ- в ионич., -σ- в аттич., -σσ- в лесб. и фессал., -ττ- в беот. в интервокальном положении[63]), вынуждают обратить внимание на другие факты, ранее никогда в этой связи не привлекавшиеся и остающиеся в значительной степени не объясненными. Речь идет о др.-греч. βυσσός 'глубина' (морская), 'про-

---

[60] Впрочем, остаются не вполне ясными названия, находящиеся вдали от фракийской территории. Ср.: Βύζερες, племя в понтийской Каппадокии, между Трапезунтом и Фарнакией (Strab. XIII, 3, 18; Scyl. 82, ср. λιμὴν Βυζερικός. Steph. Byz. 190; ср.: *Buzeri*. Plin. VI, 4 и др.); Βυζάκιοι, племя в Ливии около Карфагена (Strab. II. 433; ср. там же совр. *Бизертский залив*), ἡ Βυζακὶς χώρα, Βυζακῖτις χώρα, Βυζακίνα, Βυζακηνοί, ἡ Βυσσᾶτις, Βυζάκιον, *Byzacena* — все как обозначение бизакиев и их страны; Βυζάντειον, город на западном побережье Индии (Ptol. VII, 1, 7; ср. Βυζάντεια=Βυζάντιον. Simon. 161 и др.). Тем не менее, несомненно, что, по крайней мере, часть этих названий объясняется как результат перенесения фрак. Βυζ- (во всех указанных примерах речь идет о местах, расположенных на з а л и в е, в б у х т е).

[61] Не говоря о таких перенесениях или случаях грецизирования, как Πύθωνος κώμη в Малой Азии. О распространении имен и названий на Πυθ- и об их типах см.: W. P a p e. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Dritte. Auflage. Braunschweig. 1863—1870, стр. 1275—1284 (ср. стр. 232); A. F i c k. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt. Zweite Auflage. Göttingen, 1894, стр. 245—246; F. B e c h t e l. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917; P a u l y - W i s s o w a. Reallexik. d. klass. Altert. 47, 1963, стр. 170 и след., 307 и след., 515 и след., 606 и след.

[62] Уместно отметить, что оба противника в мифе, носящие имя Πυθ-, т. е. Пифон и Пифейский Аполлон, тесно связаны с в о д о й, в частности, с морем. Пифон живет в воде, в море, в озере, в реке. Аполлон как морское божество упоминается в одном из гомеровских гимнов, и в этой функции он перекликается с Ζεὺς θαλάσσιος (ср. Ζεὺς χθόνιος). Таким образом, и в этом отношении оправдывается мнение о том, что Аполлон в схеме основного мифа вытеснил Зевса. Исходная схема могла бы выглядеть так: Громовержец поражает сына по имени **Budh-* (его матерью, возможно, была Земля), превращенного в чудовище; на этом месте начинается процветание. Ср. сына Аполлона по имени Πυθαεύς (< **Budh-*).

[63] Ср. продолжение и.-е. **medhi̯os* (>др.-греч. *μεθι̯ος): гомер. μέσ(σ)ος, лесб. μέσσος, аттич. μέσος, беот. μέττος и под.

пасть', 'бездна', 'основание', 'дно' (уже в Илиаде), ср. βυσσόθεν 'из глуби', ἄβυσσος 'бездонный' (Геродот) и т. п. Особенно существенно, что в переводе 70 толковников βυσσός fem. передает еврейск. *təhōm*, обозначающее преисподнюю (в этом же значении βυσσός употребляется и в Новом Завете). Исходной формой для βυσσός обычно полагают *βυθιός[64]; в таком случае получает особый смысл связь βυσσός с βυθός, то же (ср. βύθιος 'глубокий', 'низкий (о голосе)'). Вместе с тем нет необходимости отделять βυσσός и от βαθύς 'глубокий' и т. д. (ср. βᾶσσα, βῆσσα 'ущелье', 'лощина', 'долина'), в котором, кажется, следует видеть отражение и.-е. **bn̥dh-*, ср. др.-греч. βένθος 'глубь' (особенно морская), с носовым элементом, появляющимся в словах этого корня и в лат. *fundus* и в некоторых средне- и новоиндийских и среднеиранских примерах (ср. пали *bunda* 'корень дерева' и др.). В связи с формами βυσσός, βυθός приходится указать на известное своими холмами местечко Βυθίας, неподалеку от Виза́нтия (форма Βυθάρια. Euagr. III, 43 может оказаться небезинтересной ввиду Βύζερες, *Buzeri* и под., см. выше). Разумеется, формы с β- типа βυσσός, βυθός доставляют исследователю определенные трудности, если они включены в контекст др.-греч. Πυθ-, фрак. Βυζ-. Тем не менее, историческая фонетика языков этого ареала (Греция, Фракия, Малая Азия) изобилует именно такими неясностями и многообразием рефлексов (в значительной степени именно из них родилась в последние годы «пеласгийская» проблема в лингвистике). Удерживая от поспешных и слишком определенных выводов, эти неясности приобретают особую эвристическую ценность при ориентации на аспект многоязычия и полиглотизма, без которых невозможно лингвистическое изучение этого ареала. Однако эти частные неясности не должны препятствовать обсуждению предложенного здесь объяснения названия Βυζάντιον. Несущий в своем имени отзвук великого катаклизма (прорыв вод Черного моря), Византий до конца сыграл свою символическую роль, погибнув от о г н я[65]. Его история оказалась отме-

[64] Иногда и *βυθσός. К этимологии см. E. S c h w y z e r. — Rhein. Mus. 81, 1932, стр. 203; F r i s k I, стр. 275—276; C h a n t r a i n e I, s. v. В связи с названиями Виза́нтия, Геллеспонта (: Гелла), Мраморного моря уместно напомнить византийское сказание о *Гил(л)е*, *Гел(л)е*, приводимое Аляцием в его трактате «De quorundam graecorum opinationibus» (ср. также «Περὶ τῆς Γιλλοῦς» Михаила Пселла). Демоническое вредоносное женское существо вынуждено назвать свои тайные имена и тем самым лишиться своей злой силы. Среди этих имен: 1-е — Γυλοῦ . . ., 3-е — Β υ ζ ο ῦ, 4-е — Μαρμαροῦ . . .». В XVII в. Котельер («Monumenta ecclesiastica graeca» I, стр. 149, 744—745) попытался объяснить эти имена. Так, Βυζοῦ он выводил из βύζω, βυζαίνω 'сосать' (т. е. Βυζοῦ — 'сосущая из человека кровь, силы'), Μαρμαροῦ — из μάρμαρος 'белый' и т. п. С этими объяснениями, естественно, можно не соглашаться, но едва ли можно пройти мимо связи этих имен с номенклатурой этих мест.

[65] «Ты, унаследовавший Рим, святой Первосвященник, | Узнай, какой п о т о п о г н я н а В и з а н т и ю хлынул: | Он залил весь ромейский мир. . .» — в «Плаче о падении Константинополя» (XV в.) анонимного автора. Ср. гераклитовский ἐκπύρωσις.

ченной этими двумя стихиями [66], и в этом он подобен миру, который, по эсхатологическим представлениям, погибнет «per pyrosium et cataclysmum», как сформулировал Firmicus Maternus [67].

II. Русская «Голубиная книга» и иранский *BUNDAHIŠN*

В другой работе автора уже было обращено внимание на чрезвычайно глубоко проникающий параллелизм тем, формул и фразеологии знаменитой Голубиной книги и Бу́ндахишна [68] и был приведен ряд соответствующих друг другу примеров. Голубиная книга (*Умом нам сей книги не сосметити* | *И очами нам книгу не обозрити*, — | *Великая книга голубиная*!) [69] совмещает в себе глубоко архаичный элемент старых космологических текстов и книжно-схоластический элемент таких позднейших сочинений, как «Беседа Трех Святителей», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Liber S. Ioannis» (или «Interrogationes S. Ioannis et responsiones Christi Domini»), может быть, «Книга

---

[66] Ср. интерпретацию трезубца Посейдона, прародителя Виза́нтия, как образ огня в воде, см. C. Scott Littleton. Указ. соч.

[67] Ср. G. Dumézil. Le mythe de l'éternel retour. Paris, 1949, стр. 103 и след. — Не случайно, что городу бездны Виза́нтию, возникшему на самом краю Европы как окно в Азию, которая именно здесь ближе всего подходит к Европе, в историософской традиции уподобляется другой город — Петербург, Петрополь. И он — столица над бездной, на краю *своего* царства, окно в Европу, в *чужое* царство («пограничность»). И он, как Константинополь, носит имя своего державного создателя. И ему предсказан роковой катаклизм и забвение его имени («А какое ж имя, дядя, |Было городу тому?»||«Имя было? Да *чужое*,|Позабытое давно,|Оттого что не родное — |И не памятно оно». М. А. Дмитриев «Подводный город»). Мотив бездны, надежно укрытый в имени Виза́нтия, здесь выходит наружу и становится лейтмотивом, основной темой — «Не так ли ты над самой бездной. . .» у Пушкина или не раз у Блока. Ср.: «. . . страшная злоба на Петербург закипает во мне, ибо я знаю, что это поганое, гнилое ядро, где наша удаль мается и чахнет, окружено такими безднами, такими бездонными топями, которых око человечье не видело, ухо — не слышало. . . знаю, знаю, что там, долго еще там ветру визжать, чертям водиться, самозванцам в кулаки свистеть!» (из письма к Е. П. Иванову от 25 июня 1905 г.). И огонь здесь тоже не отделим от воды и от Змея, символа бездны: Но торжеством победы полны | Еще кипели злобно волны, | Как бы под ними тлел огонь (Пушкин) или: Сойдут глухие вечера, | Змей расклубится над домами. | В руке протянутой Петра | Запляшет факельное пламя (Блок). Ср. С. С. Аверинцев. Западно-восточный генезис литературных канонов византийского средневековья. «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада». М., 1974, стр. 152—154.

[68] Ср. статью о структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». «Труды по знаковым системам» V. Тарту, 1971, стр. 43 и след.

[69] Основные варианты собраны в кн.: П. Бессонов. Калеки перехожие. Сборник стихов. Т. I, М., 1861, стр. 269—378 (16 списков); В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 11—39 (5 списков); ср. также Е. А. Ляцкий. Стихи духовные. СПб., 1912, стр. 7—16 и др.

Еноха» и под., которые также входят в этот класс текстов [70]. Тем не менее, ни один из этих памятников не может претендовать на преимущественную роль источника Голубиной книги и даже на особую полноту соответствий: слишком многое остается вне параллелей, и поэтому до сих пор Голубиная книга считается произведением весьма неясного и загадочного происхождения. Однако сравнение ее с Бундахишном, среднеиранским сочинением на пехлеви, посвященным сотворению мира и содержащим различные сведения по космологии, эсхатологии, естествознанию [71], позволяет утверждать, что именно последний может рассматриваться как наиболее близкий к Голубиной книге текст и ее предполагаемый источник [72]. Вопросо-ответная форма Голубиной книги в связи с космологическим содержанием (причем структура космоса дается в соответствии с оплотнением материала по шкале космическо-природное → человеческо-культурное: Белый Свет, Солнце, Месяц, Звезды и т. д. вплоть до: человек, социальные классы, город, церковь, алтарь), отождествление элементов Космоса и частей человеческого тела, давших начало соответствующим космическим элементам, общий набор основных объектов и их предикатов и т. п. находят достаточно надежные и точные аналогии именно в Бундахишне. То, что Бундахишн гораздо более подробный текст [73], чем Голубиная книга, и трактует многочисленные темы, никак не отраженные в русском памятнике, указывает на источник и направление заимствования или влияния. Кроме того, нужно иметь в виду, что Бундахишн, во-первых, имел предшественника в авестийском сочинении «Dāmdā<u>t</u> Nask» и поздние продолжения: так, Бехар, издатель «Истории Систана», указал, что «Ибн-Дихишти» не что иное, как искажение названия Бундахишна [74]; во-вторых, Бундахишн, по крайней мере, в тех частях, которые существенны в связи с Голубиной книгой, входит в це-

---

[70] См. В. Мочульский. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887.

[71] О Бундахишне см.: Grundriß der iranischen Philologie. Bd. 2. Straßburg. 1895—1904 (работы E. W. West'a, A. V. W. Jackson'a); J. C. Tavadia. Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig, 1956, стр. 74—82 и др. Основные издания (индийского и иранского, или Большого Бундахишна): N. L. Westergaard. Bundehesh. Liber pehlevicus e vetustissimo codice Havniensi descripsit duas inscriptiones regis Saporis primi adjecit. Havniae. 1851; F. Justi. Der Bundehesh zum ersten Male herausgegeben, transcribirt, übersetzt und mit Glossar versehen. Leipzig, 1868; E. T. D. Anklesaria. The Bundahishn. Bombay, 1908.

[72] Можно было бы высказаться определеннее, если бы не допустимость других сходных текстов, оказавшихся утраченными.

[73] Иранский Бундахишн разделен на 46 глав; Бундахишн, используемый индийскими парсами, привезенный и изданный в 1771 г. Анкетилем Дюперроном, насчитывает около 13 000 слов.

[74] См. Б. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. — В кн.: Б. Э. Бертельс. Избранные труды. М., 1960, стр. 195. — Здесь же проницательно, хотя без какой-либо аргументации, Бундахишн называется зороастрийской «Голубиной книгой». Ср. также J. Rypka. Iranische Literaturgeschichte. Leipzig, 1959, стр. 41 и след., 50 и след. и др.

лую литературу такого рода (достаточно сослаться хотя бы на «Rivayat»).

Принимая во внимание сказанное, допустимо высказать предположение, что и название *Голубиная книга* (в некоторых реально засвидетельствованных вариантах и согласно обычным конъектурам и/или реконструкции — *Глубинная книга*) имеет своим источником (или, в крайнем случае, является удивительным совпадением) название *Būndahišn*, ср. *Bun-dahišn(īh)*, собств. 'Пратворение', 'Начальное творение' или еще точнее 'Сотворение основы', 'Сотворение глуби'. Первый элемент этого названия как раз и сопоставляется с др.-инд. *budhná-*, др.-греч. πυθμήν 'дно', 'основание', 'низ', 'род', 'порождение' [75], лат. *fundus*, др.-в.-нем. *bodam*, нем. *Boden*, праслав. **bъdno* < **budn-* < **budhn-* (ср. слвц. диал. *bedno* 'дно') и др. И в гатах, и в младших частях Авесты отмечено слово того же происхождения *bŭna-* masc. со значением 'основа', 'дно', 'глубина', ср.: *bunəm aŋhəuš təmaŋhahe*. Vīdevd. XIX, 47; *bune ǰafranąm vairyanąm*. Vīdevd. XIX, 42; Yt. XIX, 51 и особенно о морской глуби: *bunəm zrayaŋhō*. Yt. XIX, 51; ср. также производные со значением 'самый нижний', 'нижняя сторона', младоавест. *bunáva* 'von der Unterseite stammend': *aspaēm varəsəm . . . vaēnaiti katārō aγravō vā bunavo vā*. Yt. XVI, 10; XIV, 31 [76]. Др.-иран. *bŭna-* имеет продолжения в пехл. *bun*, н.-перс. *bun*, курдск. *bun*, *бьнй* (в Туркмении), белудж. *bunā* 'внизу', вахан. *bon*, шугн. *bon*, *bun*, бартанг. *bun*, рушан., хуфск. *bun*, язгул. *bon*, осет. *byn*, *bun* и др., ср. сакск. *buna-* 'основание' и т. п. (арм. *bun*, видимо, иранизм) [77]. Вторая часть названия *Būndahišn* передает идею сотворения и представляет собой отглагольное существительное, производное от *dā-* 'создать', 'сотворить', выражающего идею подлинного космического творения [78]; ср. использование этого глагола в ахеменидских надписях, в частности, в отрывках, описывающих сотворение Вселенной [79]. Таким образом, название Бундахишн,

[75] Кстати, эти последние значения, развивающиеся в словах этого корня, хорошо объяснили бы постоянную формулу Голубиной книги: *Которая у нас земля всем землям мать* (*гора всем горам, город — городам, древо всем древам* и т. п.). Особенно интересно соответствие *Которое у нас море всем морям мать* и отмеченного выше геродотовского μήτηρ τοῦ Πόντου (IV, 86), укорененного в соответствующей фразеологии.

[76] Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, стр. 967—968.

[77] Интересно, что в ряде этих примеров или в других производных от того же корня появляются значения 'наследие', 'наследство', 'семья', 'дом' и т. д., подчеркивающие идею надежности, преемственности, прочности и т. п. — вопреки первоначальным смыслам. Такого рода эволюция допустима и для названия Βυζάντιον.

[78] Об отличии этого глагола от других глаголов творения (*θwars-*, *kərənt-*, *taš-*) см. A. V. W. Jackson. — В кн.: H. T. Peck. Semitic Theory of Creation. Chicago, 1886, стр. 25—27; Он же. — Grundriß der iranischen Philologie, Bd. 2, стр. 672—673 и др.

[79] Ср.: *Baga vazarka Auramazdā hya imām būmim adā hya avam asmānam adā hya martiyam adā hya šiyātim adā. . .* Накш-и-Рустам; *hauv Dārayavaum xšāyaθiyam adadā*. Дар. Персеп. d. 1.

понимаемое как 'Глуби сотворения', может рассматриваться как довольно точная модель названия *Глубинной книги*, в которой эпитет *Глубинная* может даже быть переводом иран. *bun-* (< **budhn-*). Возможно, что именно этимологическая игра (кстати, весьма характерная и для Бундахишна [80]) способствовала затемнению первоначального значения, а потом и его подмене: *глубинный* → *голубиный* [81]. Впрочем, идея названия Бундахишн могла бы быть выражена и средствами русского словаря, этимологически тождественными указанным иранским элементам, — **Буденная книга* или *Будней Деяние* [82] (ср. ἡμέραι в Ἔργα καὶ ἡμέραι Гесиода).

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. 3—8

3. Хатт. *ḫa-prašš-* 'леопард' как источник хетт. *paršana-* и евразийск. названий барса, тигра

Благодаря хатти-хеттской билингве 412/b (CTH 726) Vs 30 a, b устанавливается тожество хатт. *ḫaprašš-un* и хеттского логографического написания *ŠA* UG. TUR 'леопарда, леопардово' [1]. В хаттском слове выделяется не только суффикс *-(u)n*, но и префикс *ḫa-*, как и в формах типа *ḫa- p/wi-wuna-n* 'среди людей' (в смысле 'на языке людей'), *ḫa-palkiy-an* 'из железа, железный' (в сочетаниях

---

[80] О чем ср. J. Darmesteter. Le Zend-Avesta, traduction nouvelle avec commentaire. I—III. Paris, 1892—1893.

[81] Нельзя исключать, что сходный процесс мог быть пережит и в любопытном описании: Приходит к нему [Вавиле] . . . ангел. Голубь . . . прилетел с ангелом . . . Тебя Бог наградил, ты будешь Вавило-скоморох, голубиный бог! (см. Словарь русских народных говоров. Вып. 6, 1970, стр. 337). В некоторых вариантах Голубиной книги также появляется *голубь* с единственной целью — оправдать название текста. *Голубиный бог* этого отрывка типологически вполне мог бы быть аналогом др.-инд. *Áhi Budhnyà* 'Змей *Глубин*', понимаемому как божество, и, следовательно, допускать реконструкцию **Глубинный бог*. Разумеется, гипотетично.

[82] К *будни, буденный* см. «Этимология 1974». М., 1976, стр. 12—13. Сам мотив Книги как собрания ответов на вопросы мироздания является характерной иранской идеей.

[1] A. Kammenhuber. Das Hattische. «Handbuch der Orientalistik», 1 Abt., 2 Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2, Kleinasiatische Sprache. Leiden/Köln, 1969, стр. 479 (в транслитерации идеограммы опечатка). Каммен-хубер не выделила префикса *ḫa-* (ср. о нем там же, стр. 473, 491) в этой хаттской основе, которая пропущена и в индексе к книге, видимо, поэтому это слово до сих пор не обратило на себя внимания лингвистов.

ḫapalkiyan tetekuzzan 'железный очаг', *ḫapalkiyan kurkupal* 'железные гвозди' и т. п.), а также в параллельных вариантах *ḫa-zuliya-n* (KUB XXVII 80 I 5) и *ḫa-zuliya-* (там же, I 20, 32) и в форме *ḫa-šaḫḫašk-in*[2]. Именной префикс *ḫa-*, иногда определяемый как локативный (*ḫa-i-waib* 'в наш дом'[3]), в наиболее ясных примерах имеет собирательно-притяжательное значение (*ḫa-wa-šḫap* 'среди богов' в смысле 'на языке богов'), чем, видимо, и объясняется наличие *ḫa-* в форме *ḫa-prašš-un* 'леопардово', которая могла относиться ко множеству из двух (или более) леопардов, при отсутствии этого префикса в параллельной форме *takeḫa-un* 'льва, львиное' (возможно, от слова другого именного класса) в той же билингве (29a, b, хеттское логографическое написание *ŠA* UR. MAḪ).

Почитание леопарда в культуре хатти непосредственно продолжает значительно более древнюю туземную малоазиатскую традицию, засвидетельствованную еще в VII—VI тысячелетиях до н. э. в Чатал Гююке, где культ этого животного — чаще всего двух леопардов — отмечается в качестве одной из наиболее характерных черт, отраженных на значительном числе храмовых фресок и скульптур[4]; культовые изображения двух леопардов известны и на более поздних памятниках западной Малой Азии, хронологически соотносимых с Троей II[5]. Собирательный харак-

---

[2] И. М. Дунаевская. Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения. — ВДИ, 1964, № 1, стр. 104.

[3] H. S. Schuster. Die hattisch-hettitischen Bilinguen I. Einleitung Texte und Kommentar. T. 1. Leiden, 1974, стр. 96, 97. Ср. локативное *ḫa-* в отглагольных формах типа хатт. *ḫa-n-wa-šwit* (хетт. *Ḫalmašwitt-*) 'престол', 'то, на чем сидят'.

[4] J. Mellaart. Excavations at Chatal Hüyük. AS, vol. XII—XVI. London, 1962—1966; Он же. Earliest civilizations of the Near East, London, 1965. См. также популярное изложение и воспроизведение некоторых существенных иллюстраций: Б. Брентьес. От Шанидара до Аккада. М., 1976, стр. 76, 77, 82, 83, 84, 85, 87, 97, 120, 212 и рис. 33 (где животные обычно интерпретируются как леопарды), 34. Связь религии хатти с древнеанатолийской традицией, представленной в Чатал-Гююке, отмечается как в центральном образе богини плодородия (иногда изображаемой с двумя леопардами как ее атрибутами), так и в ритуальной роли пчел как ее символов, см. о позднейших продолжениях как этой древнемалоазиатской мифологемы, так и связанной с теми же мифологическими именами (типа хат. *Talipin, Talipinu*) традиции ритуального почитания мышей и землероек (характерного уже для Чатал Гююка, где они связывались с погребениями жриц): В. Н. Топоров. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. «Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов». М., 1975, стр. 28—44.

[5] См. изображения железного меча III тысячелетия с головами двух леопардов на рукоятке: J. Mellaart. The royal treasure of Dorak a first and exclusive report of a clandenstine excavation which led to the most important discovery since the royal tombs of Ur. «Illustrated London News». 18.XI, 1959; Y. Yadin. The art of warfare in biblical lands. London, 1963, стр. 145; Г. Е. Арешян. Первые железные изделия Ближнего Востока и Балканского Полуострова. «Вестник общественных наук» Арм. ССР, Ереван, 1975, № 12, стр. 94 (и рис. 1).

тер хеттской формы *ḫa-praššun* 'принадлежащий к леопардам', засвидетельствованной в мифе о строительстве домов (храмов) Богом Солнца, согласуется с этой древнемалоазиатской традицией почитания двух (и более) леопардов.

Специфической чертой культовых изображений в Чатал Гююке является мотив пляски человека в леопардовой шкуре. Наиболее близкие аналогии можно обнаружить в таких африканских культурах, где в ритуальных танцах выступает человек, наряженный леопардом [6]. Напротив для Древнего Ближнего Востока танец людей-леопардов настолько нехарактерен, что встречающееся в хеттском ритуале K Bo X 23 III 3 предложение *nu par-ša-ni-li tar-ú-i-eš-kán* [*-zi*] 'и они пляшут по-леопардовски' заставили такого специалиста, как Гётце, усомниться в правильности понимания хетт. *paršana-* 'леопард' [7]. Но в свете сравнения с древнемалоазиатской традицией представляется необходимым вернуться к этому переводу, подтверждаемому и чередованием *paršana-* с логограммой UG.TUR 'леопард' в совпадающих частях ритуала K Bo III 8 III 9 и 27, и соответствием *ni-ib*=AZ x KAL 'леопард'= *ni-im-ru*=*pár-š* [*a-na-aš*] в шумеро-аккадско-хеттском словаре K Bo I 562 8[8]. Хетт. *paršana-* несомненно заимствовано из хатт. *(ḫa-)prašš-*, причем весьма ранняя дата заимствования представляется вероятной именно ввиду отсутствия передачи хаттского префикса *ḫa-*, что было возможно в период хаттско-хеттского двуязычия (приблизительно до рубежа III и II тысячелетий до н. э.).

С гипотезой о заимствовании названия леопарда из хатти в хеттский согласуется ритуальная значимость этого животного, свидетельствуемая уже древнейшей хеттской надписью царя Анитты (KUB XXVI 71, 9), где леопард (UG.TUR) назван рядом со львом (UR.MAḪ), как и в хатти-хеттской билингве и в уже цитированном ритуале K Bo III 8 (где участники обряда танцуют «по-леопардовски»). Два альтернативных объяснения соответ-

---

[6] J. H. Driberg. The Lango, 1923, стр. 243 и след.; A. M. Hocart. Kings and councillors. Chicago, 1970 (2 изд.), стр. 54—55, 257, прим. 21. К африканской символике леопардов ср. «о вождях в леопардовых шкурах»: E. E. Evans-Pritchard. The Nuer. New York, 1940. Ср. о боге-леопарде: W. D. Hambley. Serpent worship in Africa. Chicago, 1931, стр. 13. M. Ruel. Leopards and Leaders. Constitutional politics among a Cross River Peuple. London, 1969.

[7] A. Goetze [Рец.]: H. G. Güterbock und N. Otten. — K Bo X. JCS, vol. XVI, 1962, № 1, стр. 29.

[8] B. Landsberger. Die Fauna des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR, RA=ḫubullu (Abh. d. Sächs. Akad. d. Wiss. Phil-Hist. Kl., Bd. 42, N 6). Leipzig, 1934, стр. 76, примеч. 4; Friedrich, стр. 163 (там же о связях с другими языками). Предположение о субстратном характере слова высказывается также в: H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache, I. Wiesbaden, 1962, стр. 183, но хаттское слово оставалось неизвестным обоим исследователям. Суффикс *-na-* может быть либо хеттской передачей хат. *-(u)n*, либо (что более вероятно) собственно хеттским, ср. ullip-ana- 'волк' (из *$*w\mathring{l}k^w/w\mathring{l}p$-*) и т. п.

ствующего места надписи Анитты — как описания охоты или создания зверинца и как перечисления «животных богов» [9] — могут быть объединены благодаря типологическому сравнению с теми же африканскими ритуалами, предусматривающими наличие у царя ритуальных леопардов, хранимых при дворце особыми должностными лицами [10].

Ритуальное истолкование последовательности животных в надписи Анитты подтверждается совпадением с ритуалом K Bo III 8 III 9—11, где повторяется та же последовательность леопард-лев, а горный козел или дикая овца (DÀRA.MAŠ) не следует за ними (как в надписи Анитты), а предшествует им [11].

Из архаичных хеттских текстов с вероятным хеттским оригиналом сочетание культовых символов леопарда и льва, сходное с хаттско-хеттской билингвой встречается в царском ритуале XXIX I в обряде, где кладут вместе зуб льва и леопарда (II 28—30) и в предшествующем обращении к деревьям (I 28—30): UR.MAḪ-*aš kat-ta-an še-eš-ki-it* UG.TUR-*aš-ma-aš kat-ta-an še-eš-ki-it har-tág-ga-aš-ma-aš-ma ša-ra-a ar-ki-iš-ki-it-ta* 'Лев/львица спала как наложница. Леопард спал с вами как наложница. А медведь на вас вскочил' (хетт. *ark-* родственно греч. ὄρχις 'яичко', русск. *ёрзать*) [12]. Символика плодородия, выраженная в этом месте ритуала, сравнима с системой образов, реконструируемых историками культуры по археологическим данным для Чатал Гююка, с тем существенным отличием, что у хеттов (как вероятно уже и у хатти) вместо пары леопардов часто выступает образ двух разных животных — леопарда и льва, в свою очередь включаемых в ряд мифологических животных. Широкое распространение этой ритуальной и мифологической схемы в областях сопредельных с Малой Азией, свидетельствуется древнеармянским текстом Моисея Хоренского, где говорится о трех близнецах, рожденных из мифологических животных — льве (др.-арм.

---

[9] Г. Г. Гиоргадзе. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов. — ВДИ, 1965, № 4, стр. 98. Само выражение «животный мир богов» (хетт. *šiunaš ḫuitar*) аналогично *gimraš ḫuitar* 'животный мир полей', которое имеет источник в аккедской и шумерской религиозной литературе, но употребление *šiu-na-* в значении 'дикий' соответствует балтийскому и славянскому, см. об этом подробнее в особой работе.

[10] N. Melzian. Zum Festkalender von Benin. «Afrikanistische Studien», hrsg. von J. Lukas. Berlin, 1955, стр. 103, там же см. о титуле 'леопард дома', относимом к правителю.

[11] См. перевод в кн.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, стр. 131. — Как установил В. Г. Ардзинба, третьим текстом, в котором в ритуальном контексте сочетается дикая овца и лев, является мифологический отрывок в ритуале KUB XII 62 I 16—17. В. Г. Ардзинба. Заметки к текстам хеттских ритуалов. ВДИ, 1977, № 3, стр. 122.

[12] J. Puhvel. Lexical and etymological observations on Hit. *ark-*. JAOS, v. 95, 1975, № 2, стр. 263—264; C. Watkins. The Indo-European family of Greek ὄρχις: linguistics, poetics, and mythology. «Into-European Studies II». Cambridge, Massachusetts, 1975, стр. 508 и 518.

ariwcu), барсе (др.-арм. *энси*, *inʒ*, родственное др.-инд. *siṁha-* 'лев' [13]) и драконе и отправившиеся соответственно в разные части света — на запад, север и к границам Мидии [14].

Соотнесение мифологических животных, одним из которых был леопард (тигр или барс) с четырьмя сторонами света и соответственно с четырьмя членениями временных циклов, объединяет такие системы символов, как упомянутые выше африканские, с южно-азиатскими, в частности, древнейшей протоиндийской (в Мохенджо Даро), для которой характерна четверная система тигр — носорог-слон-буйвол [15]. К подобным классификационным системам восходит и та система обозначений годов в составе двенадцатилетнего (12-4.3) животного цикла, в которую в древнетюркском ее варианте входит др.-тюрк. *bars* (*jïl*) 'год тигра' [16]. Др.-тюрк. *bars*, *bārs* 'тигр' (откуда и русск. *барс*), обычно рассматриваемое (как и монг. *bar*, *bars* 'тигр', 'барс') в качестве древнего иранского заимствования [17] (перс. *pārs*, *fārs* 'пантера'),

---

[13] Ачарян II, стр. 243. Мнение о заимствовании этого слова в армянский из индийского (Г. А. Капанцян. Историко-лингвистические работы, II. Ереван, 1975, стр. 237; В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 240, ср. В. В. Иванов. Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка. «Вопросы языкознания», 1956, № 2, стр. 116): ставится под сомнение в виду обнаружения иранских соответствий.

[14] C. Watkins. Указ. соч., стр. 519 и след. Мотив трех близнецов скорее всего является индоевропейским, так как он повторяется в древнеирландском мифе о трех братьях, для которого обнаруживается параллель и в индийском (G. Dumézil. Mythe et epopée. Types épiques indo-européens; un héros, un sorcier, un roi. Paris, 1971, стр. 346 и след.), а также в восточно-иранском (осетинском) и общекавказском мифе о 100 (10.10) братьях-нартах и в хеттском мифе о 30 (3.10) близнецах-детях царицы Несы, см. В. В. Иванов. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. «Труды по знаковым системам», VIII. Тарту, 1977. Образ бога на животном напоминает символику хуррито-урартской религии и древнеиндийских вахан. С рассматриваемым кругом представлений могут быть связаны и ранние истоки мотива «Витязя в барсовой шкуре» (груз. *vepxis ṭqaosani*), ср. в этой связи G. Charachidzé. Le système religieux de la Géorgie païenne. Paris, 1968, стр. 537—543 (предлагаемая в этой работе этнографическая интерпретация позволила бы дать типологическое сравнение с африканскими тайными обществами людей-леопардов, ср. R. Pearson. Introduction to Anthropology. New York, 1974, стр. 252); О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра. М.—Л., 1936.

[15] В. В. Иванов. Бинарные структуры в семиотических системах. «Системные исследования». М., 1972, стр. 231; Он же. Найдавнішні форми людської культури та їх відображення у первісному мистецтві. «Всесвіт», 1976, 6 (570), стр. 195; Ю. В. Кнорозов. Классификация протоиндийских надписей. «Сообщения об исследовании протоиндийских текстов. Proto-Indica; 1973». М., 1975, стр. 11.

[16] Древнетюркский словарь, стр. 84—85.

[17] Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962; Б. Я. Владимирцов. Mongolica. — ЗКВ, стр. 331—332 (5); Он же. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, стр. 341. Ср. также Н. Н. Поппе. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб, ч. I—II. М.—Л., 1938, стр. 402, 433; Фасмер I, стр. 128 (с дальнейшей литературой).

через иранский должно восходить к тому же западно-азиатскому источнику (в конечном счете древнемалоазиатскому), что и хетт. *paršana-*'леопард.' Но при западно-иранском *pārs-* в восточно-иранском представлена, как и в индийском и греческом, параллельная форма того же миграционного термина с *-d-* (а не с *-s-*) после *-r-*: согд. *pwrδ'k* 'леопард, пантера', афг. *prāng*, др.-инд. *pṛdāku* (у лексикографов[18]), греч. πόρδαλις (πάρδαλις), πάρδος.[19] По-видимому, источник этого слова содержал фонему (передаваемую сдвоенным *-šš-* в клинописной передаче хатт. *ḫapraššun*), которая в равной мере могла быть передана как посредством *-s-* (в хеттском и западно-иранском, откуда и другие евразийские формы, а в конечном счете и русская), так и посредством *-d-*; возможно, что речь идет о межзубном щелевом типа [θ] или [ð].

4. Лик. χθθα из хурр. *kate* 'зерно'

Лик. χθθα < *χadahi* возводится Г. Нейманом к той же основе *χad(a)* 'злаки, зерно', которая ранее была им же установлена на основании лик. *χada-wati* 'богатый зерном' и топонима Κάδρεμα, толкуемого как σίτου ὀρυγμός[20] (ср. распространенное этимологическое объяснение первой части названия Клайпеды[21] со сходной внутренней формой и т. п.). Это ликийское название зерна может быть возведено к хурр. *kate* 'зерно', известному из угаритского словаря (II 10)[22], из чего следует, что население позднейшей Ликии заимствовало этот хурритский термин в свой лувийский диалект еще в период хуррито-лувийского симбиоза времени Новохеттского царства. Хурритский термин, как недавно установлено[23], обнаруживает несомненное сходство с хатт. *kait* 'зерно', в хеттско-хаттских обращениях к богам, выступающим в качестве слова, равнозначного хетт. *ḫalki-* 'зерно'[24] (для последнего предпола-

---

[18] Mayrhofer II, стр. 301. Персидская форма того же термина palang 'барс' заимствована в ряде восточно-иранских языков: осет. *færank/fælank* 'барс', 'леопард' (Абаев I, 450), вахан. *pəlang*, ишкашим. pəlang (Т. Н. Пахалина. Ваханский язык. М., 1975, стр. 242). Напротив, сар. *pis* 'барс', 'леопард' (Т. Н. Пахалина. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971, стр. 130) должно восходить к форме типа перс. *pars*.

[19] Frisk II, стр. 473; E. J. Furnée. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague-Paris, 1972, стр. 252, 64, 65, примеч. 267, 277.

[20] G. Neumann. Beiträge zum Lykischen V. «Die Sprache», Bd. 20, 2, 1974, стр. 113—114.

[21] Buga I, стр. 551, II, стр. 231, III, стр. 855.

[22] E. Laroche. Teššub, Ḫebat et leur cour. JCS, v. 2, 1948, № 2, стр. 117, примеч. 24.

[23] V. Haas. Die Stellung der Hurritologie innerhalb der altorientalischen Philologien. «Das Hurritologische Archiv», Berlin, 1975, стр. 23.

[24] E. Laroche. Hattic deities and their epithets. JCS, v. 1, 1947, № 4, стр. 213. Прямое сопоставление ликийского слова с хаттским исключается в виду отсутствия преемственности между этими традициями. То обстоятельство, что божество ᵈḪalki может называться хаттским именем (kait) объясняет, почему в KUB XX 99 III 3 след. его поют хаттские певцы,

гается фонетически спорная [25] индоевропейская этимология, основанная на сближении со славянским названием злака, русск. диал. *зелок* 'молодая трава'). Продолжение в позднеанатолийской традиции хурритского, а не хеттского названия зерна, может представить интерес и для сопоставления с данными египетских источников о нехватке зерна в Малой Азии перед крушением Новохеттского царства [26]. Зерно в голодающую Малую Азию направлялось в конце XIII в. до н. э. как из Египта, так и из Угарита, часть населения которого была хурритской.

5. Хетт. *šarpa-* и индоевропейские названия серпа

Хетт. *šarpa-* является названием сельскохозяйственного орудия, называемого рядом с плугом и в некоторых случаях обожествлявшегося вместе с этим последним, как это показывает упоминание названий обоих орудий в списке божеств (KUB X 92 V 13). О сельскохозяйственной функции может свидетельствовать упоминание GIŠ *šarpa-* в контексте перечисления, где говорится о вспаханном поле (V Bo T. 24 III 14 след.). Орудие состоит из деревянной части (на что указывает детерминатив), которую в ритуале сжигают, и части металлической. Разные случаи, где встречается название этого сельскохозяйственного орудия, согласуются с таким его пониманием [27]. Наибольшие трудности в объяснении

ср. H. Otten. Beiträge zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luwischen, Berlin, 1953, стр. 118, прим. 5. Это же очевидно, в мифе о Телепинусе, в котором *ḫalki-*, как и собственно хетт. *Mayanda-zipa-* 'Божество урожая' (где *zipa*, родственное русск. *особа*, переводит хатт. kattaḫ- 'царица', ср. хетт. *Kamru-šepa*=хатт. *Kattaḫ-zifuri*) вставлена в перечисление хатт. божеств (ср. также сочетание 'зерно и вино' (*ḫalkeš* GEŠTIN ḪI. A) в наставлениях XXVI 8). Согласно богазкейским текстам 2463/c Vs. 15 и Bo 2879 II 25 (H. Otten. Pirva — der Gott auf dem Pferde. JKF, Bd. II, H. 1, 1951, стр. 66, 73, примеч. 28), *Ḫalki* принадлежит к числу хеттских богов. Поэтому гипотеза Зоммера и Фридриха (Friedrich, стр. 47, ср. также R. Gusmani. Il lessico ittito. Napoli, 1968, ср. 29—30) о хурритском происхождении слова (в хурритском имеющего совершенно другой смысловой эквивалент — *kate*) не может быть принята. Ср. также с хетт. *ḫalu-u̯-eššar* 'урожай': E. Laroche. [Рец.]: Friedrich. — RA, v. XLVII, № 1, стр. 41.

[25] См. о подобных этимологиях, предполагающих соответствие хетт. ḫ- и начального заднеязычного (в данном случае палатального *g'ʰ) в других индоевропейских языках: Т. В. Гамкрелидзе. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке. «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 240—243. О русск. *зелок* см. О. Н. Трубачев. Славянские этимологии, 29—39. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 36—37.

[26] G. A. Wainwright. Meneptah's aid to the Hittites. «The Jornal of Egyptian Archaeology», vol. 46, December 1960, стр. 24—26 (хронология части хеттских источников, упоминаемых автором, подверглась пересмотру).

[27] O. R. Gurney. Hittite prayers of Muršiliš II. «University of Liverpool. Annals of archaeology and anthropology», v. XXVII, стр. 90—91 (отмечаемое там же использование орудия, выложенного золотом, объясняется ритуальной его ролью); L. Jakob-Rost. — «Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung», Bd. IV. Berlin, 1956, стр. 338—340.

смысла слова вызывала архаическая ритуальная формула, встречающаяся уже в среднехеттской молитве во время чумы (ок. XV в. до н. э.) и повторяемая в аналогичной новохеттской молитве Мурсилиса II (XIV в. до н. э.). После просьб о прекращении в стране смерти, уносящей все население, автор молитвы рисует картину будущего: *našta* ^{URUD}ZI. KIN. BAR-*aš* (^{URUD}*šepikkuš-taš*) ^{GIŠ} *šarpaz kunkueni* 'И мы серпом навесим бронзовые замки (или пряжки)' [28]. В согласии с хеттологами, предполагающими здесь наличие метафоры, в этих словах можно видеть отдаленный прообраз позднейшего символа косы в руках у Смерти; конец чумы знаменуется тем, что серпом вешают замки (ср. ритуальную роль серпа в славянских сельскохозяйственных обрядах).

Согласно вышеизложенному, в хетт. *šarpa-* 'серп', 'коса' (?) можно видеть точное соответствие таких названий серпа в других индоевропейских языках, как праслав. **sьrpъ* [29], русск. *серп*, болг. *сърп*, чеш. *srp*, лтш. *sirpis* [30], греч. ἅρπη 'серп', осет. *æxsyrf* 'серп' при дальнейших родственных основах в других индоевропейских языках (с несколько отличным значением лат. *sarpiō*, *sarpō* 'режу', др.-в.-нем. *sarf* 'режущий, острый'; с другой суффиксацией — др.-инд. *ṣṛṇī* 'серп'). Хеттский язык, по-видимому, еще сохранял внутреннюю форму этого существительного, соотносившегося с глаголом *šarra-* 'разделять, разламывать', так же как *was-pa* 'одежда' соотносилась с *weš-* 'одевать(ся)'.

Предлагаемая этимология согласуется со значительным числом выявленных в последнее время хеттских терминов сельского хозяйства, имеющих индоевропейские этимологии [31].

6. Хетт. *šamal-w-ant* — 'яблоня' и индоевропейское название яблока

Чередование логограммы ^{GIŠ}ḪAŠḪUR-*lu-wa-an-za* 'яблоко' и фактического написания *ša-ma-lu-wa-an-za* в К Во XVI А 16/С 18 позволяет установить значение хетт. *šamalu(w)-ant-* 'яблоня' (форма

---

[28] O. R. G u r n e y. Указ. соч., стр. 28, C II 23. — К пониманию грамматической структуры ср. также F. J o s e p h s o n. The sentence particles of Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972, стр. 293, 298.

[29] Ср. о группе слов, в которую входит этот термин: О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 383; В. Ш а у р. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 96.

[30] B u g a II, стр. 564; M ü h l e n b a c h - E n d z e l i n III, стр. 847; P o k o r n y, стр. 911, 912; Ф а с м е р III, стр. 610.

[31] В. В. И в а н о в. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 87—88, примеч. 101, 102; B. R o s e n k r a n z. Zu einigen landwirtschaftlichen Termini des Hethitischen. «Jaarbericht von het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente lux», № 19 (1965—1966), Leiden, 1967; C. W a t k i n s. An Indo-European agricultural term: Latin *ador*, Hittite *ḫat*. — «Harvard Studies in Classical Philology», v. 77, 1973, стр. 187—193; О н ж е. Latin *ador*, Hittite *ḫat-* again. «Indo-European Studies II». Cambridge, Massachusetts, 1975, стр. 367—378.

одушевленного рода, ср. также ^{GIŠ}ḪAŠḪUR-*an-za* в KUB XXXIII), которая образована посредством «активизирующего» суффикса *-nt-* от формы среднего рода (др.-)хетт. *šamluwa-* 'яблоко'[32] (KUB XXVIII 8 Ro 2b36, K Bo III 46 Ro 12). Соотношение формы среднего рода названия плода и производной от него формы несреднего (одушевленного рода) соответствует общеиндоевропейскому принципу, сформулированному еще Мейе, что согласуется с обнаружением именно в хеттском языке лексического противопоставления среднего рода (древнего инактива) и несреднего (древнего актива) типа *watar* 'вода' и *ḫap-* 'река', 'поток' (в том числе как божество Реки, решающее судьбу человека при ордалиях)[33].

Хетт. *šamluw-(a)-* 'яблоко', вероятно, объяснимо при допущении развития *-bl-* < *-ml-* (ср. параллели в греческом и т. п.) из формы с начальным *s-* mobile, соотносящейся с древнеевропейским (славянским, балтийским, германским, кельтским, италийским)[34] названием яблока (праслав. **ăblu-*), так же, как хетт. *šanguiš* 'коготь' относится к лат. *unguis*, а хетт. *šakuwa* 'глаза' к лат. *oculus*, лит. *akìs* 'глаз' и т. п.

Форма, возводимая к корню **mal-* > ир. *mar-(na-)* представлена в памирских языках: шугн. *mūn*, рушан. *mawn*, язг. *mawn*, ишкашим. *meṇd*, сангл. *meḷ*, мундж. *amiñga* при афг. (пуш.). *maṇa*. Вместе с тем структура иранских форм без суффикса — пехл. *mur*, перс. *mul*, заза *meroe*; вахан. *mъr* < **māl* — 'яблоко'[35] позволяет предположить родство этого слова в конечном счете и с греч. μῆλον, лат. *mālum*, что позволило бы объединить все известные индоевропейские формы 'яблока', 'яблоки', объясняемые из **(s)m(ă)l-*. В свою очередь эта форма находит аналогии в ряде языков смеж-

---

[32] E. Laroche. [Рец.]. — K Bo XVI. OLZ, Jahrgang 66, 1971, N 3/4, стр. 149.

[33] A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale, I. Paris, 1948. E. Laroche. Fleuve et ordalie en Asie Mineure hittite. «Festschrift Heinrich Otten». Wiesbaden, 1973, стр. 186 и след.

[34] Фасмер IV, стр. 539; Mühlenbach—Endzelin I, стр. 234; детально — P. Friedrich. Proto-Indo-Europeen Trees. Chicago, 1970, стр. 57—64; ЭССЯ, вып. 1, стр. 45—46.

[35] Т. Н. Пахалина. Ваханский язык. М., 1975, стр. 224. — Фонетически возможным кажется возведение к основе типа **amlu-* — 'яблоко' и вахан. *amrūd* 'груши' (см. об этом слове и значимости у ваханцев священного грушевого сада, аналогичной роли яблоневого сада в других индоевропейских традициях: И. М. Стеблин-Каменский. Повседневная и ритуальная пища ваханцев. «Страны и народы Востока», вып. XVI, «Памир», М., 1975, стр. 194), язг. *marə̄d* 'вид груши' (Д. И. Эдельман. Язгулямско-русский словарь. М., 1971, стр. 153). Другой (отчасти сходный) перенос значения можно было бы предположить в др.-инд. *amra-ḥ* 'манговое дерево', *amra-m* 'плод мангового дерева', если это слово, как и ему родственные новоиндо-арийские, возводится к **aml-o* 'яблоко'. Заимствованием из приведенных памирских форм объясняется и название яблока в бурушаски, в котором некоторые лингвисты вслед за Бергером (H. Berger. Mittelmeerische Kulturpflanzen aus dem Burischaski, MSS, 9. München, 1956, стр. 27—34) видели источник индоевропейского.

ных ареалов (хатти *šauat*, картв. **uašl-*), которые с этой точки зрения рассматриваются в особой работе Т. В. Гамкрелидзе и автора.

7. Хетт. *anašša-* 'задний проход', лат. *ānus*

В ритуале Цуви KUB XXXV 148 (+VII 57) III 24 в перечислении частей тела (человека и собаки) *anašša-* следует за *iškiša* 'спина', предшествует *arraš* 'зад, ягодицы' [36]. Однозначно определяемое этим значение 'задний проход' позволяет предположить гибридное хетто-лувийское образование с суффиксом *-ašša-* (ср. ᵈ*Šakuwašša-* 'Богиня Глаз' [37] при *šakuwa* 'глаза') от основы, этимологически тождественной лат. *ānus* с тем же значением.

8. Хетт. *ma(r)mara* 'болото', лит. *mãrės*

Для хетт. *marmar(r)a-*, ᴳᴵˢ *mammarra-*, встречающегося в мифе о Телепинусе (KUB XVII 10 I 12), устанавливается значение 'болото', 'топь' [38], что позволяет отождествить корень этой редуплицированной основы (с интенсивным) удвоением в *marmar-*, с нормальным удвоением в *mammarr-)* с основой лит. *mãres* (с тем же значением), гот. *marei*, лат. *māre* 'море', др.-ирл. *muir*, русск. *море*. Этот вывод представляет интерес как для уточнения ареальной принадлежности слова, ранее относившегося к лексике «западных» диалектов [39], так и для выяснения времени расхождения между диалектным значением ('болото', 'топь', 'пруд', 'озеро' в германских и балтийских языках, как и в хеттском, при значении 'море' в других языках и в части германских); с этой точки зрения существенна этимология хетт. *aruna* 'море' [40], родственного др.-инд. *arṇava* 'море'. Более раннее значение отражено также в осет. *mal* 'глубокая стоячая вода' [41], арм. *mavr* 'болото' [42], удостоверяющими сохранение в хеттском общеиндоевропейского семантического архаизма.

---

[36] Friedrich-Kammenhuber, стр. 79.

[37] H. Otten. Die Gottheit Lelvani des Bogazköy-Texte. JCS, v. IV, 1950, № 2, стр. 125; к типологии божества ср. M. Riemschneider. Augengott und Heilige Hochzeit. Leipzig, 1953; O. G. S. Crawford. The Eye Goddess. London, 1957; В. В. Иванов. Категории видимого и невидимого в тексте: еще раз о восточно-славянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию». «Structure of texte and Semiotics of culture». The Hague-Paris, 1973.

[38] P. Friedrich. 3 Ergänzungsheft. Heidelberg, 1966, стр. 24.

[39] Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderüberstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo-Bergen-Trømse, 1972, стр. 68 и след. (с литературой); А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. XIII, примеч. 2.

[40] Ср. В. В. Иванов. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. «Балто-славянский сборник». М., 1972.

[41] Абаев II, стр. 69.

[42] M. Poetto. Due note lessicale etee. «Paideia» 28, 1973, стр. 177—178. С этой статьей, по выводам совпадающей с последним из разделов настоящей статьи, автор познакомился уже после ее написания благодаря любезному указанию О. Н. Трубачева.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Słownik prasłowiański. T. II: ***C — davъnota.*** **Pod. red. F. Sławskiego. Wrocław—Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976**

Полтора года спустя после выхода в свет тома I «Праславянского словаря», рецензию на который мы уже опубликовали в предыдущем томе «Этимологии», вышел следующий столь же солидный и так же отлично изданный II том этого важного словаря. Том открывается «Дополнительным списком сокращений», за которым следует довольно обширное продолжение «Очерка праславянского словообразования» (стр. 13—60), кратко излагающего в целом традиционную характеристику старых славянских именных словообразовательных производных. Кое-что попало сюда случайно. Напр., к праславянским именам на *-ar'ъ* мы не отнесли бы *stolar'ъ* (так на стр. 21), потому что, во-первых, речь идет об общеизвестной западнославянской кальке (ср. польск. *stolarz*) с нем. *Tischler*, а во-вторых — это атрибут развитого урбанистического быта (столяр!), который развился, конечно, после праславянского периода. Неплохо отражена в «Очерке» специальная литература, включая новинки вроде IV тома «Grammaire comparée des langues slaves» А. Вайяна.

Отдельные праславянские реконструкции Ф. Славского вызывают наше несогласие своей формально-фонетической невозможностью, как напр. приводимое на стр. 53 «диал. вост. *lěntajь* 'бездельник, лентяй', мотивированное прилагательным *lěntъ* 'ленивый'». Не говоря о малой вероятности последовательности согласных *-nt-* в праславянском с его тенденцией к открытости слогов, в русск. *лентяй* допустимо выделять не [*t*] вообще, а конкретно [*t'*] мягкое, которое целесообразно рассматривать как результат интенсивного смягчения *-н-*, т. е. как своеобразный эпентетический звук. Примеров такого эпентетического [*t'*] или [*d'*] немного, но они есть именно в русском (*Ивантей, прохиндей, разгильдяй*). Вторичность появления этого элемента обязывает нас опускать его при реконструкции праславянской формы, получая, таким образом, **lěn'ajь* (остальные два русских примера выше представляются нам производными от глаголов **proxyniti*, **xyniti* и **orzgyliti*, **gyliti*).

Корпус словарных статей II тома начинается с буквы *c*, о которой мы уже говорили выше, в своем «Опыте параллельного чтения», публикуемом в настоящем томе «Этимологии». Основное содержание рецензируемого тома Словаря составляют слова на букву *č-* (стр. 102—322). Эта часть «Праславянского словаря» особенно привлекла наше внимание, поскольку ее чтение совпало по времени с чтением корректуры уже набранного следующего — 4-го выпуска нашего Этимологического словаря славянских языков, где публикуется наша реконструкция и этимология праславянской лексики на *č-* начальное.

Вызывает сомнения надобность выделения в особую словарную статью энклитической частицы *-ča* (др.-русск. *нынѣча*, русск. диал. *теперча*, см. стр. 102), явно вторичного варианта энклитики *-če*, которая, кстати сказать, тоже подается ниже, на стр. 120, в отдельной словарной статье. Едва ли может служить объектом лексикографирования то, что не употребляется в качестве самостоятельного с л о в а. Наука пришла к этому убеждению, отказавшись от словаря корней в пользу словаря лексем. Попытки словарной трактовки суффиксов тоже едва ли оправданы, как и словари морфем вообще. Что касается вышеупомянутого *-ča*, то, думается, нет достаточных оснований объяснять эту вторичную форму из особого древнего **kē*, а тем более — отождествлять эту энклитику с междометным окриком, которым подгоняют волов *ča!*, имеющим характерные связи с недостаточно ясным *цабе!* (в той же функции), столь же характерный ареал (вокруг Карпат) и эмфатическое употребление, прямо противоположное безударности местоименной энклитики. Опрометчивым кажется также отождествление этой энклитики с русск.

диал. *ча*, вопрос. местоим. 'что, чего?'. Достаточно указать на практически обязательное наличие в последнем случае формы родительного падежа соответствующего местоимения (**čego*, ср. **česo*), что лишает упомянутое отождествление смысла. Изложенными соображениями я хотел бы показать нецелесообразность праславянской реконструкции и выделения в виде самостоятельных словарных статей двух слов, с которых начинается буква *č* в словаре польских коллег.

Проблематичны, далее, праславянские реконструкции вроде *čapьkati* (стр. 111: чеш. диал. *čapkat*, слвц. *čapkat'*, словен. *čȃpkati*, сербохорв. *čȁpkati*, болг. диал. *ча́пкам*). Почему не *čapъkati*, что было бы логичнее в плане фонетико-морфологической эволюции? Впрочем, еще лучше было бы эшелонировать эти явно более поздние экспрессивные формы, так сказать, вторым рядом, подчинив их праславянской реконструкции *čapati*. В статью *čeča* (стр. 120) попадает в качестве примера «с вокализмом *-i-*» явный тюркизм болг. *чиче́к* 'цветок'. Непонятно, зачем потребовалась отсылочная форма непраславянского вида «*česalъka* zob. *česadlo*» (стр. 172). При включении слов в качестве заглавных в словник праславянского словаря ожидалось бы более строгое соблюдение реконструируемых особенностей фонетики и морфологии праславянского языка.

По недосмотру одно и то же слово — словен. *čéden* 'чистый, опрятный, пригожий' — получает в рецензируемом словаре две совершенно разные праславянские реконструкции и разные этимологические интерпретации: на стр. 191 оно помещено под заглавным словом *čędo* 'потомок, дитя' и, следовательно, понимается как первоначальное **čędьnъ*, тогда как на стр. 308 это же самое слово реконструируется как праслав. *čьdьnъ* и на основании устаревшей этимологии Исаченко производится из и.-е. **(s)kĭd-*, родственного слав. *čistъ*. Мы вынуждены отвергнуть как первую, так и вторую интерпретацию «Праславянского словаря», поскольку и семантически, и формально словен. *čéden* 'чистый, опрятный' тождественно русск. диал. *че́редный* 'чистый, опрятный', ср. также *чередить* 'чистить, убирать' и всю славянскую лексику, объединяемую гнездом **čerda*, **čerditi* (некоторая затемненность формы относящихся сюда словен. *čéden* 'чистый', *čéditi* 'чистить' элементарно объясняется склонностью словенского языка к подобным упрощениям сочетаний согласных, ср. словен. *čez* и *črez* 'через').

Вместо реконструкции *čr̥torъja* (стр. 255) на праславянском уровне точнее говорить о *čr̥toryja* тем более, что в качестве аналогии тут же привлекается праслав. *vl̥'ko-vyja* (а не *vl̥'ko-vъja*).

Сербохорв. диал. (переселенческое, в Чехословакии) *znešvárit* 'загрязнить', по-видимому, заимствовано из лексического гнезда слвц. *švárny*, чеш. *švarný* 'чистый', диал. *ošvářit'* 'очистить', польск. *szwarny*, которые связаны как будто с лит. *švarùs* 'чистый, опрятный' и не имеют, как и упомянутый островной диалектизм, ничего общего с лексикой, помещенной в «Праславянском словаре» под заглавным *čvariti* 'болтать', 'ворожить' (стр. 299).

О. Н. Трубачев

F. Sławski.
Słownik etymologiczny języka polskiego. T. V, zesz. 1 (21): *Łasia — łątka* 2. Kraków, 1975

Новый том V регулярно рецензируемого нами польского этимологического словаря Ф. Славского открывается весьма обширным «Дополнительным списком сокращений» (стр. 1—14), где приводится разнообразная использованная литература, источники, словари (отметим опечатку на стр. 9: *Räsenen*, надо *Räsänen*).

Основное содержание первого выпуска этого тома — слова на букву *Ł* (продолжение). Небольшие размеры выпуска, а также склонность автора к экстенсивной трактовке словарного материала позволили включить относительно небольшое количество слов, среди которых выделяются *łasica*, *łaska* и производные, *łata* (ряд омонимов), *ława*, *łaz*, *łazić*, *łąg* и некоторые

другие. Как видим, в настоящем выпуске преобладает весьма древняя славянская лексика со своими специфическими этимологическими проблемами. Для слова *łasica* 'зверек ласка Mustela nivalis' автор повторяет старую этимологию от слабо засвидетельствованного (вторичного?) цветообозначения **lasъ*. В статье о названии этого зверька ожидалось бы хотя бы элементарное привлечение данных семантической типологии, которые свидетельствуют об образовании названий ласки в разных языках от слов с первоначальными значениями 'красотка', 'кумушка' и некоторых других явно ласкательных обозначений женщины. Эти данные как будто подсказывают другую этимологическую связь (со слав. **laska* 'любовь, ласка'), на которой автор остановился слишком бегло. Наши расхождения с автором в этом вопросе распространяются и на другие слова гнезда: у Славского *łasica* 'ласка-животное' не относится к гнезду *łaska* 'милость', см. *łaska* 1, даже абсолютно тождественное последнему по форме *łaska* 'ласка-животное', сюда не относится, по мнению Славского, и трактуется как омонимичное *łaska* 2. На праславянском уровне вопрос этой омонимии Славский решает таким образом, что *łaska* 2 у него реконструируется как **lasъka*, а *łaska* 1 — как **laska*. Звукокомплекс **lask-* является скорее всего первоначальным для всех соответствующих форм праславянского, где он унаследован от более раннего времени, ср. прежде всего лат. *lasc-ivus* 'своенравный, распущенный, сладострастный'. В то же время функция *-k-* как славянского суффикса производных форм — продукт вторичного осмысления этого древнего корневого детерминатива уже на славянской почве. Формы без *-k-*(*las-*) целесообразнее поэтому толковать как обратные производные от *lask-*. Таковы польск. *łasić się* 'ласкаться' и его соответствия в других славянских языках (см. стр. 18), *łasy* 'жадный, падкий на лакомства' (стр. 30—31).

Из любопытных лексических уникумов, включенных автором в словарь, упомянем относящееся к обсуждаемому выше семейству слов польск. стар. редк. *łaskotka* 'ласточка' из рукописи первой половины XVIII в., хранящейся в Библиотеке имени Ленина (стр. 28).

Заслуживает внимания оригинальная этимология, которую Славский избирает, вслед за Вайяном, для польск. *łata* 'кусок ткани, материи для починки дырявого места' — из праслав. **ȍlta*, т. е. с акутовой интонацией, возможно, в таком случае из **olәta* (у автора — по Вайяну — из **olhtā* < < **elh-* 'прокалывать, пришивать кожу, ткань', в конечном счете к индоевропейскому названию шила — **ēlā*, др.-в.-нем. *āla*, др.-инд. *ā́rā*). Сильный аргумент этой этимологии — дометатезные реликты болг. диал. (родоп.) *алтица* 'небольшая латка под мышкой', макед. *алтица* 'латка, лоскут', наряду с *латица* (см. стр. 35). От вышеупомянутого *łata* 1 без надобности отделено *łata* 2 'оборванец', 'негодяй', не более как переносное употребление одного и того же слова.

С обычной для автора скрупулезностью даются все производные формы в отдельных словарных статьях, ср. напр. гнездо слова *ława* (стр. 48 и след.).

Количество омонимов **lazъ* (три, см. стр. 56—59) могло бы быть сокращено, если и не сведено вовсе до минимума, потому что реально речь идет скорее о едином **lazъ* от глагола **laziti*, польск. *łazić* и родственных, по-видимому, с первоначальной очень емкой семантикой: 'ходить, лазить', 'доставать, выгребать и т. п. при этом', ср. у Славского, стр. 57—58 — польск. диал. *łażony dół* 'выкопанная в земле яма', русск. диал. *ла́зить пчёл* (у него же, стр. 66). Уместно при этом высказать замечание, что и по части соответствующих глаголов омонимическая трактовка у Славского также представляется нам преувеличенной: нам кажется естественным говорить о едином польском глаголе *łazić*, обнаруживающем в той или иной мере перечисленные выше значения или употребления, а Славский говорит о *łazić* 1 'медленно двигаться, тащиться, лазить', затем о *łazić* 2 (ст.-польск.) 'выбирать пчел и мед из борти', засвидетельствовано только с приставкой *po-łazić*, и о *łazić* 3 'копать, рыть' на косвенном основании упомянутого производного диал. *łażony dół*; *łazić* 2 и *łazić* 3 при этом даны под звездочкой.

К числу полезных уточнений принадлежит указание на заимствованное происхождение (из украинского) польского слова *łaziwo* 'вид лестницы

у бортников’ (стр. 68—69), ошибочно относимого в известной книге Дзендзелевского к числу общих украинско-польских инноваций.

О. Н. Трубачев

V. Šaur.
Etymologie slovanských příbuzenských termínů.
Praha, 1975

Почти каждое новое поколение лингвистов пишет свою историю терминов родства. В. Шауру принадлежит самый новый труд на эту тему. Неоднократно обращаться к истории и этимологии обозначений родственных отношений побуждает сама древность этой группы лексики, сложность проблемы, а также естественный приток нового материала и обогащение новыми аспектами. Автор хорошо знает историю научных исследований славянских и индоевропейских терминов родства (правда, в списке использованной им литературы на эту тему мы не находим книги П. А. Лавровского «Коренное значение в названиях родства у славян», СПб., 1867).

Потребность в новой этимологической ревизии материала автор объясняет тем, что индоевропейская этимология прошлого, в частности XIX века, интерпретировала термины родства, опираясь целиком лишь на свои собственные достижения, при зачаточном еще состоянии развития исторической этнографии. Типологии общественного развития у разных народов автор справедливо уделяет большое внимание, принимая для праиндоевропейцев полигамию и сложные семейные связи кровных родственников. Можно согласиться с Шауром, что возможности приложения данных сравнительно-исторической этнографии к славянской лексике родственных отношений, очевидно, еще не исчерпаны. Вместе с тем ясно, что главным аспектом изучения терминов родства для нас был и остается лингвистический аспект. Этот аспект сейчас даже приобретает новую актуальность на фоне разросшейся антропологической литературы о «системах родства» у разных народов. Естественно при этом исследователю-лингвисту искать в своем материале не одни только подтверждения показаниям антропологии, но и автономные свидетельства, которые способен дать лексический материал, оригинально отражающий и преломляющий реальные отношения. Думаю, что и для автора этот план был в конечном счете наиболее интересным, потому что он пишет: «Наше исследование возникло при работе над Этимологическим словарем славянских языков. . .» (стр. 5). На тех же самых основаниях я в своей краткой рецензии ограничусь лишь некоторыми замечаниями этимологического и в целом лингвистического порядка в связи с выходом этой полезной работы.

Автор совершенно правильно ищет истоки формирования славянской терминологии родства в индоевропейском. Однако его собственное представление об индоевропейском периоде истории этой лексики как будто недостаточно расчленено. Это находит выражение в некоторой непоследовательности авторских реконструкций. Давая на стр. 16—17 праиндоевропейские формы в основном развитого флективного типа *viros, *g^{u}enā, *bhrātēr, *snusos, В. Шаур считает возможным поставить в одном ряду с ними явно дофлективную реконструкцию *ǵemə (на стр. 57, 59: *ǵem(ə)-). Не совсем ясно, почему автор всерьез обсуждает версию отглагольного происхождения и.-е. *pətēr ‘отец’<‘genitor’ (стр. 22—23). Одной параллели с и.-е. *mātēr ‘мать’ достаточно для того, чтобы исключить такую мысль и констатировать производность от слов «детской речи» *mā-, *pa-. Необходимо согласиться с тем очевидным обстоятельством, что более сложное и наделенное особенностями корневого имени образование *mātēr, *pətēr вторично по сравнению с простейшим *mā-, *pa-. Переход к таким специальным обозначениям, наверное, состоялся после перехода от полигамии к моногамии (терминология обычно фиксирует с опозданием перемены в мире реалий и реальных отношений). Специализация, вызванная необходимостью выделить «своего» отца, в лингвистическом плане выразилась как нельзя более удачно с помощью пространственно-компаративного форманта -ter-. Поэтому мы не можем сочувствовать предположению автора о наличии тут особого слова и.-е. *tēr- ‘родственник’

(стр. 23). Странно, что автор, говоря о судьбе и.-е. **dhughətēr* в латинском, не учел остаток италийского **fug'tīr* в оск. *fūtír*. Утверждение, что «слово *bratrьja* вообще не существовало в праславянском языке и было вновь образовано в старославянскую эпоху по образцу греч. φρατρία . . .» (стр. 34), мягко говоря рискованно, поскольку не принимает в расчет наличия параллельного *bratьja* (широко в народных славянских языках) в общем ряду параллельных образований от *bratrъ* и *bratъ* с их дославянскими ещё истоками. Несходство значений *bratrьja* и φρατρία (там же) лишь ослабляет мысль Шаура о греческом образце. На стр. 72 я с удивлением прочел, что «новую» этимологию слова цслав. пастръкъ, болг. *пастрок* и т. д. из **pa-pətōr* от и.-е. **pətēr* 'отец' автору «сообщил Ш. Ондруш в письме». Точности ради напомню, что в моей «Истории славянских терминов родства» (М., 1959, стр. 53) говорится буквально следующее: «Этимологически прозрачно болг. *пáстрок* 'отчим' < **pōpətōr*».

Наиболее существенным вкладом автора в этимологию терминов родства является его толкование слов. *šurь* 'брат жены, шурин' (стр. 65) не в связи с др.-инд. *syalá-ḥ* то же или в целом от и.-е. **si̯ū-* 'шить, связывать' (**si̯our-*), а в связи с чеш. *šurý* 'косой', 'кривой, непрямой', нареч. *šourem* (ст.-чеш. *šaurem*, XVI в.).

Из любопытных новинок этимологизации терминов родства последнего времени упомянем сближение лат. *nupta* и праслав. *nevěsta* у Ш. Ондруша, которое реферирует и автор на стр. 60: славянское слово при этом получает оригинальную реконструкцию **(s)neu̯ebhtā* и соответствие в другом индоевропейском языке. Разумеется, всех формальных затруднений в этом попрежнему трудном слове не снимает и эта новая этимология. Этого вопроса В. Шаур касается вскользь, впрочем, краткость и суммарность изложения вообще характерна для его книги, представляющей собой ряд очерков по выделенным наиболее важным вопросам, без равномерного обозрения всего материала, что делает необходимым при чтении свежей работы Шаура параллельное консультирование в работах его предшественников на ту же тему.

О. Н. Трубачев

W. Boryś.
Prefiksacja imienna w językach słowiańskich.
Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975 (= «Monografie slawistyczne» 32)

Автор книги, уже известный ранее своими публикациями о древних моделях славянских именных префиксальных образований, главным образом в сербохорватском языке, предложил на этот раз вниманию читателей монографию, охватывающую материал всей собственно именной префиксации во всех славянских языках. Научная актуальность подобного исследования не требует доказательств, когда вопросы праславянской лексики и словообразования привлекают исследователей, к числу которых принадлежит и автор (в настоящее время В. Борысь — руководитель группы Праславянского словаря в Кракове). Не требует дальнейших разъяснений и практическая сложность осуществления этой задачи, поскольку речь идет о выделении пласта самобытных образований, связанных не всегда ясными отношениями с продуктивными моделями глагольной и глагольно-именной префиксации, а то и не связанных вовсе с этой последней словообразовательной категорией. Ярко именной характер образований, лексическая обособленность и даже неясность отдельных случаев выдвигает перед исследователем различные специфические проблемы, поскольку иногда приходится прибегать к этимологии, а иногда — покидать пределы апеллативной лексики и привлекать ономастику, в частности топонимию, в которой сохранились подчас уникальные примеры исследуемых образований, неизвестные среди нарицательных имен.

Во введении к работе дается обзор общей проблематики и состояния изучения вопроса в литературе с беглым перечнем самой литературы в подстрочных примечаниях. Раздел этот написан слишком суммарно и кратко, о чем стоит пожалеть, тем более, что как будто отдельные слова и образования, рассмотренные прежними исследователями, в собственной дальнейшей работе автора

ускользнули от его внимания, при всей очевидной для нас тщательности В. Борыся. Мы говорим «как будто», потому что при книге нет указателей, которые бы позволили уверенно и быстро констатировать наличие или отсутствие в собственном анализе автора таких слов как польск. *wątpić* (бегло упомянуто только в названии статьи А. Вайяна на стр. 8, примеч. 3) или местное название *Супрасль* (встретилось мне только в названии известной статьи С. Яшунского, там же).

В следующих четырех особых главах рассматриваются образования с приставками *pa-*, *pra-*, *sǫ-*, *ǫ-* с первостепенным вниманием всякий раз к праславянским производным (или сложениям). Автор умело выделяет не только архаичные, но и сравнительно новые образования, причем приходит к довольно интересным наблюдениям относительно тенденций в этой части материала, ср. особенно в главе о префиксе *pa-*, где говорится о популярности образований с этим префиксом в восточнославянском (стр. 32, 57). Большинство новообразований при этом приходится на народные говоры, тогда как в литературном языке сосредоточены старые образования (стр. 51). Представляет определенный интерес также функционально-семантический анализ образований на *pa-* (стр. 48). Что касается состава образований на *pa-*, то при чтении работы Борыся остаются некоторые сомнения и неясности. Автор преследует очевидную цель полноты изложения материала, однако мы не нашли у него упоминания таких слов как русск. *паюс* и *пакля*, которые так или иначе должны были быть упомянуты в связи с образованиями на *pa-*. Слово *па́юс* 'икряной мешочек рыбы' (ср. *паюсная икра*), признанное у Фасмера неясным, довольно давно объяснено нами из первоначального **паюз* 'мешочек (из рыбьего пузыря, кожи животных)', ср. три паюза сала ворванья, 1667 г., Картотека ДРС [1]. Таким образом, русск. *паюс* занимает положенное ему место среди продолжений слав. **pa-(j)ǫzъ/*pa-(v)ǫzъ* (см. о них у автора на стр. 18—19). О русск. *пакля*, блр. *па́кулле*, польск. *pakuł* было бы уместно вспомнить как о заимствовании из лит. *pãkulos* (от *pa-* и *kùlti* 'бить, молотить') [2]. По структуре это слово очень близко к синонимичному исконному русск. диал. *па́трепки*, блр. диал. *па́трап'е*, *патрэ̀п'е*, 'отходы от трепанья льна' (см. о последних у Борыся на стр. 33), принадлежа вместе с тем к редким примерам иноязычного происхождения на приставку *pa-*. Таким образом, в монографии наблюдаются некоторые пропуски, касающиеся этимологических случаев, хотя работа по историческому словообразованию должна быть тесно связана именно с этимологией.

Интересно наблюдение автора о том, что префикс *pra-* не сохранился в полабском и нижнелужицком (стр. 68). Относительно формы *prasolъ* автор полагает, что это самое старое образование на *pra-* и одновременно праславянский диалектизм (стр. 81).

Как мы уже отметили вскользь выше, в главе о префиксе *sǫ-*, к сожалению, пропущено такое оригинальное и известное только в качестве топонима сложение как *Супрасль* (блр.) < **sǫ-pręd-slь*, соотносительное с глаголом **sъ-pręsti/*sъ-prędati*. Равным образом мы отнесем к образованиям на *sǫ-* и другое, тоже исключительно топонимическое слово — *Суздаль* (русск.) < **sǫ-zъdalь*, соотносительное с глаголом **sъ-zъdati* [3]. Борысь иногда обращается к ономастике за подтверждениями, ср. приводимые у него под *sǫtokъ*, *sǫtoka* польский топоним *Santoka* и русск. *Сутока*, *Сутоки* (стр. 94), а также *sǫtěska* в топонимии (стр. 100), но приведенные нами выше примеры показывают, что здесь еще многое остается сделать.

Любопытно объяснение архаичной формы праслав. *sǫgubъ* как содержащей и.-е. **sem-* 'один' (стр. 121). Что касается генезиса самого префикса, то автор, возможно, слишком категорично судит о едином для него прототипе — и.-е. **som* (см. стр. 129, примеч. 88). Слияние разных прототипов в одной славян-

---

[1] См. напр. дополнение: Фасмер III, стр. 224.

[2] Фасмер III, стр. 189.

[3] О. Н. Трубачев. Снова о названии *Суздаль*. «Zpravodaj Místopisné komise ČSAV. Věnováno univ. prof. dr. V. Šmilauerovi k osmdesatinám», číslo 1—2—3. Část druhá. III. Toponomastika. Ročn. XVI, 1975, стр. 377 и сл.

ской форме, или, например, затруднительность индоевропейской реконструкции для слав. *po-* и *pa-* (стр. 64) весьма типичны. Поэтому Борысь несколько ближе к истинному положению вещей, когда он затем сам склонен допустить слияние в праслав. *sǫ-, sъ(n)-* нескольких первичных превербов (стр. 147). Полезно для этого прибегнуть к аналогии греческого, где форма предлога-приставки ξύν 'с', более первоначальная, чем σύν, тоже допускает мысль о слиянии и.-е. **k̑om* и **som*.

О. Н. Трубачев

Georg Morgenstierne.
Etymological Vocabulary of the Shughni Group.
Wiesbaden, 1974, 119 стр.

«Этимологический словарь языков шугнанской группы» выдающегося норвежского ираниста Георга Моргенстьерне — закономерное завершение его пятидесятилетних плодотворных занятий сравнительно-историческими исследованиями памирских языков, начатых в 20-е годы во время поездок в Афганистан и северо-западную Индию. На основе собранных во время этих поездок материалов по всем памирским языкам и многим их диалектам были написаны очерки, освещающие современное состояние и историю йидгомунджанского, сангличско-ишкашимского и ваханского языков, составившие второй том известной серии Г. Моргенстьерне «Indo-Iranian Frontier Languages» (IIFL) [1]. Но самой значительной по числу носителей группе памирских языков — шугнанской или шугнано-рушанской, включающей шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, орошорский (рошорвский) и сарыкольский языки — Г. Моргенстьерне посвятил лишь статью о шугнанском в первом номере «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap» [2]. Статья содержит очерк сравнительно-исторической фонетики шугнанского языка и небольшой (стр. 45—80) словарь с краткими сведениями об этимологии. Этот словарь и служил долгое время основным источником сведений по истории шугнанских слов [3].

Составление этимологического словаря языков шугнанской группы стало возможным лишь после выхода в свет многочисленных публикаций советских ученых по памирским языкам и, в целом, словарь построен именно на материалах, собранных на Памире советскими исследователями [4].

Этимологии слов в рецензируемом словаре даются, по возможности, лаконично (аналогично словарям, входящим в состав IIFL), указывается, как правило, «ближний источник» (авест., др.-ир., реже др.-инд. и и.-е. в тех случаях, когда в древнеиранском этимон не засвидетельствован), вместе с тем, сравнительный материал по языкам шугнанской группы, близкому к ней язгулямскому, другим памирским и вообще восточноиранским приводится с большой

---

[1] В 1973 г. первые три тома серии были переизданы фотомеханическим способом с некоторыми исправлениями и дополнениями автора.

[2] G. Morgenstierne. Notes on Shughni. — NTS I, Oslo, 1928, стр. 32—84.

[3] На нем основывается, в значительной степени, и работа: Р. Х. Додыхудоев. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка. Душанбе, 1962. — Содержащиеся в этой работе «новые» этимологии в большинстве случаев следует отнести к многочисленным в шугнанском заимствованиям из таджикского: слова типа шугн. *γirāt* (см. ниже), *xirad* 'ум', *čarx* 'прялка', *surxǎ* 'болезнь пшеницы' (тадж. *surx* 'красный'), *tiraxtǎ* 'тугой', *firox* 'широкий', *surb* 'свинец' и проч. Много хороших этимологий содержится в работе: В. С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967, использованной Г. Моргенстьерне при составлении рецензируемого словаря.

[4] Работы И. И. Зарубина, В. С. Соколовой, Т. Н. Пахалиной, Д. И. Эдельман, Д. Карамшоева и др., полный перечень которых приводится в списке сокращений к словарю.

полнотой. Учтена также и лексика таджикских говоров Бадахшана (по работам А. З. Розенфельд о ванджских и бадахшанских говорах).

Достоинства словаря неоспоримы, он содержит много новых блестящих этимологий и в качестве наиболее полного в настоящее время свода собственно шугнано-рушанских слов будет незаменимым пособием для иранистов-компаративистов. Можно предполагать, что даже после готовящегося выхода в свет большого шугнанского словаря, наши представления об исконном шугнанском словарном фонде не будут слишком изменены. Как показывает опыт при работе с бесписьменным языком, бытующим в условиях двуязычия, по мере накопления лексического материала среди фиксируемых слов число заимствований растет стремительно, а число исконных увеличивается весьма медленно.

К несущественным, впрочем, недостаткам словаря следует отнести, во-первых, неисчерпывающую полноту охвата материала. Многие слова языков шугнанской группы, этимологии которых могли бы представить интерес и доступные автору по используемым работам, в словарь не вошли. По предварительным подсчетам, число не включенных слов, нуждающихся в объяснении [5], не превышает сотни, что при общем объеме словаря (около 2000 слов), конечно, немного.

Во-вторых, не был опознан ряд заимствований из таджикского. В предисловии к словарю (стр. 5) К. Моргенстьерне предупреждает, что многие не объясненные им слова, возможно, будут опознаны как заимствования исследователями, ближе знакомыми с таджикским языком и его бадахшанскими говорами [6]. Не останавливаясь в настоящей рецензии на достоинствах и недостатках тех или иных этимологий и не делая попыток объяснить слова, оставшиеся без этимологий, приведем в заключение, в целом небольшой (вопреки опасениям автора), список таких бесспорных заимствований, который, возможно, будет небесполезен для пользующихся словарем.

стр. 15: шугн., руш., хуф., барт., орош., язг. *arar*, *arhar* 'тополь' ← тадж., узб. *ar-ar* (ср. араб. *'ar'ar* 'кипарис', 'можжевельник').

стр. 17: сарык. *uzir*. 'теперь' ← тадж. *hozir* 'id'. (из араб. *ḥaẓir* 'нынешний').

стр. 18, 21: шугн. *buč-kiγīǰ*, руш., хуф. *biš-kawōj* 'перекладина (перекладина между двумя столбами при входе в главное помещение традиционного памирского дома; на ней свежуют туши мелкого скота, подвешивая на веревке)' — возведение к др.-иран. ***ari-škuwākā-?* неуместно, поскольку это калька с тадж. диал. *buzkuš* 'перекладина (при входе в дом)', букв. 'убиватель (свежеватель) козла' (см. подробнее «Таджики долины Хуф», вып. 2, стр. 445), ср. шугн. *kaγ̌-*, хуф., руш. *kaw-*, тадж. *kuš-* 'ревать', 'свежевать (животное)'.

---

[5] В словарь, разумеется справедливо, не были включены явные заимствования из таджикского, не представляющие интереса для шугнанской этимологии. Автора нельзя винить и в том, что не могло быть учтено большое число язгулямских слов, поскольку «Язгулямско-русский словарь» Д. И. Эдельман (М., 1971) вышел в свет уже после завершения работы. Частично язгулямские материалы вошли в раздел «Addenda» (стр. 112—119).

[6] Заимствования из таджикского следует, очевидно, отмечать уже в словарях, сопровождающих синхронные описания или тексты памирских языков, поскольку исследователю на месте всегда легче провести эту работу, чем даже специалисту-компаративисту, но оторванному от языковой стихии.

В последних работах по памирским языкам этого почему-то не делается (см. подробнее в нашей рецензии на книгу А. Л. Грюнберга «Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык». — ВЯ, 1974, № 3, стр. 152). В результате становятся возможными такие курьезные сопоставления, как например, отождествление бактрийского ΜΑΛΙΖΟ 'строение', 'здание' с шугн. *maalā́*, *mālā́* 'жилище' (R. N. F r y e. Indo-Iranian Journal, v. V, стр. 243), словом, распространенным повсеместно в Бадахшане, заимствованием из таджикского *mahalla* 'квартал' (из араб. *maḥallat*, *maḥall* 'помещение').

стр. 19: сарык. *bыlas*, *bůlas* 'злой дух' — не к авест. *būšyasta-* 'демон (сна и лени)', а заимств. вах. *bəl(h)as*, буруш. *bilʌs*, верш. *bʌḻhʌs* 'прожорливый демон', 'людоед(ка)', адаптация тадж. (перс. из араб.) *(a)bulhavas* 'жадный' (букв. 'отец вожделения').

стр. 25: руш. *čigās* 'насест' ← тадж., узб. *čagas*, *čakas* 'id'.

стр. 26: сарык. *čong* 'пыль' ← тадж., тюрк. *čang* 'id'.

стр. 28: сарык. *čutka*, язг. *čŭtka*, 'щетка' ← тадж. *čŭtka* (русск.).

стр. 35: сарык. *garunpıy* 'беременная' ← тадж., букв. 'тяжелоногая', ср. аналогичное тадж. диал. *poywazmin* 'id'. (*poy* 'нога', *vaznin* 'тяжелый').

стр. 37: *γirāt*, *γarāt δêδōw* 'выхватывать' ← тадж. *γorat* 'грабеж' (из араб. *γārat* 'нападение).

стр. 65: хуф. *pix̌wōz* 'балка (в сенях, на террасе)' ← тадж. *pešvoz* 'встреча', диал. также 'сени', 'терраса (где встречают гостей)'.

стр. 67: шугн., хуф., барт. *rim* 'тополь' ← тадж. *rim* 'id'., во всяком случае, связь с отражениями др.-инд. *ramaṇī-* 'Aloe indica' неясна.

стр. 77: шугн., руш., орош. *šilon*, *šilun* 'угощение', 'пиршество' ← тадж., перс. *šilan* 'id'.

стр. 81: шугн. *törx* 'убежище в горах' ← тадж. диал. *turγ* 'убежище в горах над селением' (из тюрк., см. А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры . . ., стр. 143).

стр. 82: шугн., хуф., орош. *tix̌tōv*, язг. *təx̌tév* 'заговор', 'талисман' (о молитве, написанной на бумаге или на бересте, — размоченная в воде, служила лекарством) — адаптация тадж. *tašt-ob* букв. 'вода чашки', ср. объяснение М. С. Андреева: «. . . слово «тыхт-ов» происходит из арабского «тишт» — большая чашка, миска — и тадж. «об» — вода. Подобный способ употребления заговоров очень распространен среди населения Средней Азии. Один русский врач рассказывал мне о случае, имевшем место в первые годы после революции, когда больная, получив от него рецепт, вместо того, чтобы отнести его в аптеку для получения лекарства, вымыла его в воде, которую и выпила» («Таджики долины Хуф», вып. I, стр. 48). Ср. панджширский заговор šuist (тадж., букв. 'вымытый'), употребляющийся так же (М. С. Андреев. Долина Панджшир. Ташкент, 1927, стр. 61).

стр. 86: шугн. *voyma*, *wōymá* 'одержимый' не связано с шугн. *vūyd* 'злой дух', а является заимств. тадж. *vohima* 'ужас' (из араб. *wahama* 'пугать').

стр. 95: сарык. *waz* 'пропаганда', 'агитация' ← тадж. *va'z* 'проповедь' (из араб. *wa'aẓa* 'проповедовать').

стр. 102: хуф. *x̌ikōr* 'поташ' ←тадж. *išqor* 'id'.

стр. 106: сарык., язг. *yoš* 'молодой' ← тадж., узб. *yoš* 'id'. (тюрк.).

В словаре есть опечатки и неточности в транскрипции слов памирских языков: стр. 16: вместо *awǰ* нужно *awj* (в транскрипции автора, у И. И. Зарубина— *awʒ* 'глубокий'); стр. 47: s. v. *naδ* нужно Mj. *nəl*; стр. 88: s. v. *wiδn* нужно Shina *philīḷ*; стр. 89: s. v. wăγ- нужно Wkh. *woγ-*; шугн. *wūγǰ* (не *wūγj*); стр. 97: вместо *xōj* нужно *xōǰ*; стр. 99: вместо *xex̌* нужно *xex*; стр. 107: s. v. *zūγ* нужно авест. *daoš*; стр. 109: s. v. *zarīj* нужно язг. *žaražg*; стр. 113: s. v. *divūsk* нужно вах. *fuks*.

И. М. Стеблин-Каменский

N. Andriotis.
Lexikon der Archaismen in neugriechischen Dialekten.
(Österreich. Akad. der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Schriften der Balkankomission. Linguist. Abt. 22).
Wien, 1974, 705 стр.

Ведущий греческий лингвист, профессор университета г. Фессалоники, Николаос Андриотис, хорошо известный своими работами в области новогреческой диалектологии, лексикологии и этимологии, создал важный итоговый

труд по истории слов греческого языка [1]. Его «Лексикон» включает собрание лексических и грамматических архаизмов, продолжающих функционировать в современных греческих диалектах. Архаизмами автор считает слова и словоформы древнегреческого, позднегреческого и среднегреческого периода, которые продолжают жить в тех или иных диалектах, но отсутствуют в современном литературном общенациональном языке, будучи заменены на синонимы. Поскольку словарь, помимо лексически архаизмов, включает и некоторое число грамматических архаизмов, то Н. Андриотис предлагает объединить их общим названием «диалектный архаизм», что можно считать оправданным.

В древнегреческом существовало несколько диалектных зон и областей, охватывавших множество местных диалектов и поддиалектов [2]. Одновременно с этим развивалась тенденция к выработке наддиалектного или, точнее сказать, интердиалектного образца, так называемого койне.

В силу ряда причин позднегреческое и среднегреческое койне в свою очередь распадалось на ряд диалектов. Это диалектное многообразие продолжает сохраняться и до сих пор, несмотря на кодификацию новогреческого койне в качестве литературного языка. В словаре приведена общая схема распространения современных диалектов, принятая в неоэллинистике.

Как известно, распад позднегреческого и среднегреческого (византийского) койне сопровождался процессами формирования нового языкового эталона — койне, который был создан на базе южных диалектов и в XVIII—XIX вв. получил широкое распространение в больших городах. Наряду с ним выделяется еще четыре довольно сильно отличающихся диалекта. 1. Понтийский с древнеионийскими чертами и с одновременным сохранением консервативной среднегреческой морфологии. 2. Каппадокийский, близкий к понтийскому, но сильно затронутый турецким влиянием, как в лексике, так и в грамматике. 3. Цаконский, единственный диалект, который является продолжением не древнегреческого койне, а непосредственно дорийского диалекта. 4. Нижнеитальянский — греческий диалект областей Апулии и Калабрии, который также является продолжением дорийского диалекта Magna Graecia в Италии.

На остальной территории распространения греческого языка, включая острова, а также на малоазийском побережьи [3] рассредоточены многочисленные диалекты, восходящие к позднегреческому койне. В свою очередь весь этот диалектный массив делится на две группы на основе фонетических особенностей: 1) северная группа, в которой безударные гласные *o*, *e* > *u*, *i*, а древние безударные *u*, *i* исчезают; 2) южная, которой эти изменения не характерны.

Настоящий труд Н. Андриотиса — результат многолетнего изучения им архаизмов в новогреческих диалектах по данным, почерпнутым из различного рода источников. Им использованы не только полевые исследования, но и тщательно проработаны фольклорные тексты, а также все изданные диалектные словари и глоссарии, в том числе и самые ранние, такие как словарь Гесихия, Свиды и др. Широко использованы также материалы самого автора, изучавшего в экспедициях диалекты северной Греции, островов Имброс, Лемнос и Самофракия. Все это позволило автору составить первый свод архаизмов, рассеянных по всей грекоязычной области.

---

[1] Н. Андриотис — автор ряда описаний греческих диалектов Фракии, Имброса и др., см. библиографию к словарю. Кроме того, он автор этимологического словаря новогреческого языка: N. П. Ἀνδριώτης. Ἐτυμολογικό λεξικό τῆς κοινῆς νεοελληνικῆς. Θεσσαλονίκη, 1967.

[2] И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. М., 1973. Там же см. разбор существующих концепций о греческом диалектном членении.

[3] После обмена территориями между Грецией и Турцией в 1923 г. понтийский, каппадокийский диалекты и говоры Малой Азии и Восточной Фракии вошли в современное греческое государство, за исключением небольшого числа исламизированных понтийцев и критян, оставшихся в Турции.

В то же время рассматриваемый лексикон нельзя назвать исчерпывающим обследованием по выявлению всех сохранившихся архаизмов. На это указывает и сам автор, сообщая, что из многих тысяч греческих поселений обследованы лишь несколько сот, а собранный богатый диалектный материал опубликован далеко не весь.

Словарь архаизмов, как таковой представляет интерес не только для чистой диалектологии в силу огромного материала, данного в сравнительном освещении, но и для семасиологии, поскольку позволяет проследить эволюцию значения каждого архаизма по диалектам. Наконец, столь богатый материал диалектной лексики, данной в сравнении и в сопоставлении с лексическим или грамматическим архетипом, оказывается существенным подспорьем в этимологических разысканиях.

Несколько слов о построении словаря. Как правило, диалектные архаизмы приводятся в той форме и в той последовательности, в какой они сообразно со своим фонетическим развитием дошли до наших дней. Во всех случаях назван диалект и точное место бытования диалектного архаизма. В состав архаизмов включены как основные лексемы, так и производные варианты, в том числе и композиты, в которые входит архаизм. В заглавное слово (лемму) Н. Андриотис выносит не только письменно засвидетельствованные формы, но и праформы, реконструируемые им под звездочкой на основании диалектных вариантов. На базе слова ἀγαλλία в понтийском диалекте Н. Андриотис восстанавливает форму *ἀγαλλίη «радость» и т. п. Такие реконструкции, впрочем, не всегда безупречны (см. ниже).

В словаре можно выделить три основных типа архаизмов: лексические или лексико-семантические, фонетические и грамматические.

К первому типу относятся те архаизмы, которые, сохраняясь в диалектах (как правило периферийных), утрачены и заменены в литературном новогреческом языке.[4] Ср. др.-греч. ἡ δέλφαξ 'свинья', в диалекте о. Наксос ἡ δέρφα, ὁ δέρφακος 'свинья', 'подсвинок' — н.-греч. τό γουρούνι от χοῖρος 'свинья'; др.-греч. ὁ ἱερεύς 'жрец', диалект. (Хиос, Кипр) ἱερές, ἱερῆς —н.-греч. παπᾶς 'поп', 'священник'; др.-греч. βοῦλομαι 'хочу, желаю' сохранилось с тем же значением в диалектах (Хиос, Эвбея, Эпир, Кипр и др.), тогда как в н.-греч. возобладал синонимичный глагол θέλω. Ср. также др.-греч. ἡ γαλήνη 'безветрие', 'морской штиль', отмеченное в разных вариантах в диалектах Понта, Крита и др. — н.-греч. μπονάτσα; в диалектах сохраняется др.-греч. ὁ ἀλέκτωρ 'петух' — н.-греч. ὁ κόκορας, πετεινός.

Существенное значение приобретают наблюдения автора словаря над семасиологическим развитием архаизмов в диалектах. Хотя лексические архаизмы нередко сохраняют по диалектам старое значение, нередки также и случаи сильного отхода от первоначального значения архаизма. Так, др.-греч. ἀγελάρχης 'вожак стада', 'начальник отряда' на Кипре означает 'почтальон', др.-греч. ποιῆμα 'труд', 'произведение', сохраняясь в понтийском диалекте, имеет значение 'злой человек', 'дурной характер' и т. д.

Наиболее важной и многочисленной группой архаизмов следует считать фонетические архаизмы. Приводимый в словаре по алфавиту сопоставительный список диалектных вариантов дает возможность отметить ряд регулярных соответствий в отражении древнего вокализма и консонантизма. В области вокализма отметим сохранение аттич. *ē*, дор. и эол. *ā* регулярно в цаконском, спорадически в нижнеитальянском диалектах. Древнее *ē* сохраняется в понтийском и каппадокийском диалектах. Древнее υ $<$ *u* регулярно соответствует цакон. *i̯u*. В ряде диалектов продолжают сохраняться нестяженные сочетания гласных -εα, -ια, -ιο (νεά, συχεά, ἀγνωσία) — н.-греч. соответственно já, jó.

Широко распространена в диалектах афереза начального гласного или сочетания гласных[5]: др.-греч. αἴλουρος 'кошка' — капп. 'λοῦρος 'дикая

---

[4] Здесь и далее под новогреческим понимается современный греческий литературный язык.

[5] Явление аферезы имеет место и в других балканских языках, ср. алб.

кошка'; др.-греч. αἱμορροϊκός 'проливающий кровь' — кипр. 'μορροϊκός; др.-греч. ἐκβάλλω 'выбрасываю' — понт. γβάλλω, кипр. (с метатезой) 'βκάλλω и т. д.

В области консонантизма надо отметить сохранение аффрицированного качества ζ, ср. ζάγκλος 'серп' в различных вариантах в диалектах Эпира, Крита, Фессалии, в н.-греч. другое слово — σακάτης. В ряде диалектов (Эпир, Имброс, Македония) архаизмы сохраняют качество ϑ с аспирацией, для фракийского же диалекта Н. Андриотис приводит целый спектр вариантных рефлексов ϑ: τ'ύρα (с придыханием), τύρα (без него), χύρα (с утратой переднеязычного, но с сохранением придыхательного), в н.-греч. — ἡ πόρτα. Как архаизм следует рассматривать и удлиненное произношение ряда согласных (преимущественно сонантов) в некоторых диалектах (-λ-λ, -μ-μ, -τ-τ и т. д.), тогда как в новогреческом это лишь орфографическая условность.

Из более поздних диалектных процессов укажем на замещение заднеязычного κ через аффрикату τς, ср. др.-греч. ἡ κεφαλή 'голова' — диалектн. τσεφαλή (Хиос), др.-греч. κῆπος 'сад' — понт. τσεπί, н.-ит. τσῆπο и ряд других примеров.

Чрезвычайно интересно явление, природа которого еще не совсем ясна, ротацизма — превращения *s*, как в начальной позиции, так и в исходе слова, в *r* в цаконском диалекте[6]. Ср. др.-греч. τᾶς, ὅπως, καλῶς — цакон. τᾶρ, ὅπουρ, καοῦρ.

Наконец, третий тип — это грамматические архаизмы, то есть сохранение древних форм имени, глагола и других частей речи. Им противопоставлены иные формы и форманты в новогреческом.

От древней ступени греческого языка сохранился ряд именных и глагольных флексий. Окончание ср. р. им. сущ. -εῖον засвидетельствовано в диалектах Понта и о. Карпатос, в н.-греч. — форма с синизесой -εἰο. Подавляющая часть морфологических архаизмов приходится на глагольную флексию. В то время как в диалектах во многих случаях наследуются глагольные формы, включая флексию, в новогреческом флексия представлена рядом заместительных формантов. Так, если в диалектах о. Хиоса и Карпатоса др.-греч. окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. действ. залога от Verba contracta -εῖ осталось неизменным, то в н.-греч. мы имеем окончание -ᾶ. Точно также др.-греч. окончание медия и пассива -ην сохраняется в диалектах Хиоса, Эвбеи, Лесбоса и др., н.-греч. же — -ηκα,, ср. также др.-греч. -θην в диалектах, в н.-греч. -θηκα. Наконец, др.-греч. окончание -κα активного аориста и перфекта сохранено в диалектах Пелопоннеса и Эвбеи (δήλωκα), но заменено в н.-греч. на -σα и т. д.

«Второстепенные» части речи (числительные, местоимения, частицы и предлоги) дошли до нас в ряде диалектов в архаическом виде, тогда как в новогреческом архаические формы заменены новыми. Так от др.-греч. числительного εἷς 'один' в диалектах представлены различные варианты этой формы: γεῖς (капп., крит., кипр.), νεῖς (кипр.), но в н.-греч. — ἕνας. Предлог εἰς 'из', 'в', 'на' употребим в речи на Хиосе, в Эвбее и в других диалектах, а в н.-греч. он заменен на σέ. Др.-греч. союз εἰ 'если' встречается в диалектах в самых различных конструкциях, а в новогреческом его вытеснила частица ἄν.

Просмотр словаря дает отчетливое представление о том, что архаизмы в основном сосредоточены на периферии грекоязычного ареала. Особенно много их в составе цаконского диалекта, причем значительную часть составляют ἅπαξ λεγόμενα, большинство которых собрано в ценнейшем лексиконе Гесихия. Словарь Гесихия хранит в себе не только огромный диалектный материал древнегреческого и позднегреческого, но и слова из древнебалканских языков, соседствовавших с греческим и впоследствии исчезнувших

gusht < лат. *augustus* 'август', *mbret* < лат. *imperator* 'царь' и ряд других примеров (все заимствования).

[6] Подробно об этом см.: M. Deffner. Zakonische Grammatik, I. Berlin, 1881, стр. 50 и сл.

В этой связи приходится признать ошибочным включение в словарь греческих слов-архаизмов некоторых палеобалканских глосс. Остановимся на этом подробнее.

Слово, зафиксированное как глосса у Гесихия γράβαν· σκαφίον, βόθρον 'яма', 'ущелье' сохранилось в диалектах Пелопоннеса, в Цаконии и Апулии, то есть в дорийском ареале. В дорийском же диалекте, как известно, представлено наибольшее число заимствований из палеобалканских языков. Эта глосса справедливо считается балканоиллирийской [7]. Со своей стороны отметим, что слово *grabë* со значением 'ров', 'вымоина', сделанная рекой' засвидетельствовано и в албанском [8], вероятном продолжателе иллирийского. Ср. также Я. Фриск (Frisk, стр. 323).

Выше нами отмечалось, что не все реконструируемые Н. Андриотисом архаизмы надежны. Так, на основании топонима Μαλοῦντα на Кипре он воссоздает мнимую форму *μαλλους, якобы возникшую из др.-греч. (дор.-эол.) μᾶλον 'яблоко' + -οῦς, хотя топоним уже давно в балканистической литературе связывается с палеобалканским наследием: дак. *Dacia Maluensis* 'горная Дакия', иллир. *Di-mallum*, алб. *mal* 'гора' и т. п.[9]

Ошибочно сопоставление Н. Андриотиса глоссы σκάλμη 'нож', 'короткий меч' со словом σκάρμη 'Fußspur' (о. Карпатос). Во-первых, глосса в источниках (Гесихий, Фотий) помечена как фракийская, а во-вторых, в албанском сохранилось точное соответствие в слове *shkallmë* с тем же значением. Трудно также представить себе связь значений 'след ноги' и 'нож', 'меч'.

Совершенно излишне было включать в общий список архаизмов латинские заимствования, которые происходят главным образом из средневековой, т. е. из книжной латыни. Ср. βένετος (< лат. *venetus*) 'голубой', βηλάριον (< лат. *velarium*) 'занавеска', ἀρβάρι (< лат. *herbarium*) и др.

Вряд ли можно принять и такие сближения Н. Андриотиса, как μαμμᾶν 'сосать материнскую грудь' с явно звукоподражательными словами μνιαμνια, μναμνα 'еда' на Крите, ср. русск. *ням-ням* и т. п.

Нельзя не отметить и некоторой неупорядоченности расположения материала. По-видимому, грамматические архаизмы следовало рассмотреть в отдельном приложении, а не подавать их в алфавитном порядке. Отсутствие в словаре указателя таких форм весьма затрудняет поиски грамматических диалектизмов. Недостатком следует считать также отсутствие в индексе слов, которые могли бы служить иллюстрацией к фонетическим и морфологическим изменениям архаизмов.

Все это не умаляет ценности фундаментального исследования Н. Андриотиса по греческой диалектологии. Оно включает библиографию из 553 работ, включая работы самого автора, большинство из которых содержат публикации полевых материалов. Словарь снабжен таблицей транскрипционных знаков, передающих произносительные особенности всех использованных диалектов и говоров. В конце работы приложена карта распространения новогреческих диалектов и к ней перечень топонимов. Весьма полезен указатель диалектных вариантов, составленный П. Соусталем.

Настоящий труд вносит крупный вклад в современную греческую лексикологию, диалектологию и историю греческого языка. По сути дела это первый свод древнего наследия в новогреческих диалектах. Он может послужить хорошей базой для развертывания исследований по исторической лексикологии и диалектологии греческого языка, в особенности от среднегреческого периода и до наших дней, т. е. наиболее слабо изученного периода развития языка.

В. П. Нерознак

---

[7] G. Rohlfs. Messapisches und Griechisches aus dem Salento. «Sybaris», Festschrift H. Krahe. Wiesbaden, 1958, стр. 121—122.

[8] Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954, стр. 144.

[9] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891, стр. 256—257; N. Jokl. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin—Leipzig, 1923, стр. 320. — См. также работы Э. Чабея, А. Росетти, В. Георгиева.

«Az etimológia elmélete és módszere».
Az 1974. augusztus 22. és 24. között rendezett nemzetközi konferencia előadásai.
Szerk. B e n k ő L. és K. S a l É. Budapest, 1976 (= «Nyelvtudományi értekezések» 89. sz.)

«Теория и метод этимологии» — под таким названием издательство Венгерской Академии наук выпустило сборник трудов международной конференции с тем же названием, организованной в Будапеште с 22 по 24 августа 1974 г. Потребность в совещании такого рода (первом в Венгрии), а также в публикации его материалов не вызывает сомнений ни у издателей (см. «Предисловие»), ни у нас. Настоящий сборник включает более полусотни докладов, прочитанных на конференции. Доклады изданы на том языке, на котором прозвучали на конференции, — таков принцип издателей («Предисловие»). Поскольку большинство участников было с венгерской стороны, бóльшая часть докладов публикуется по-венгерски, что, безусловно, несколько затрудняет полноту восприятия для невенгерских читателей и существенно сокращает самый круг читателей этих сюжетов, представляющих международный научный интерес. Правда, будапештская конференция была посвящена в своей значительной части проблемам этимологии финноугорских языков; а также этимологическим аспектам венгерской науки (романистики, германистики, тюркологии, проблемам заимствования слов). Относительно скромно, надо сказать, представлена славистика, причём главным образом — докладами зарубежных ученых (см. также ниже).

Конференцию открыл видный венгерский исследователь финноугорских и уральских языков П. Хайду. Уже в его вступительном слове прозвучал основной вопрос этой конференции: «. . . что мы понимаем под теорией этимологии и есть ли вообще таковая?» (стр. 8). Впрочем, в этой форме вопрос едва ли стоит перед сегодняшней наукой, и сам Хайду отвечает себе тут же довольно резонно в том смысле, что теории, отдельной от языкознания, в первую очередь — от исторического и сравнительного языкознания, у этимологии нет (и, возможно, не должно быть? Недаром даже удачные книги по общим проблемам этимологии — а таких книг немного — кажутся написанными как бы слегка не на тему, поскольку их авторы охотнее всего излагают проблемы сравнительно-исторического языкознания и общей лексикологии). В приветственном обращении Б. А. Серебренникова, помимо справедливого отзыва о Венгрии как стране выдающихся этимологов и этимологических словарей, были произнесены слова, которые уместно воспроизвести еще раз: «Этимологические исследования — это наука, труднейшая из всех наук. Она является безграничной и многосторонней, но не хаотичной, манящей и строгой, подавляющей, но не безнадежной, она может разочаровать и вдохновить человека и способна отличить настоящего мастера от халтурщика, она всегда связана с упорным трудом и размышлением, для нее нужны знания, а не легкомысленная игра в слова» (стр. 10).

В разделе «Вводные доклады» Л. Бенкё рассказывает о современном развитии этимологических исследований в Венгрии (с приложением довольно богатой литературы), в то время как наш коллега Л. Киш говорит (в самом обширном печатном докладе) о современных этимологических исследованиях в других странах. Читателей (и издателей) ежегодника «Этимология» заинтересует внимательная оценка этого издания в докладе Киша, в распоряжении которого в тот момент было девять наших томов общим объемом в три тысячи страниц (по подсчетам докладчика, стр. 43). Там же Киш указывает, что конференции в Будапеште предшествовали две других этимологических конференции, из них первая — Международный симпозиум «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» 24—31 января 1967 года в Москве, после чего следующий международный симпозиум с близкой тематикой состоялся в Лейпциге 10—14 октября 1972 года. Добавим, что третий международный симпозиум по славянской этимологии также состоялся в Лейпциге в декабре 1977 года.

В основном корпусе печатных докладов упомянем следующие. Известный шведский языковед Б. Коллиндер выступил на тему: «Этимология корня — этимология основы — этимология слова». Он считает, что понятие корня происходит из семитского языкознания. Можно согласиться с его наблюдением, что общеиндоевропейские этимологические словари создают несколько странное впечатление от реконструируемого праязыка, который по богатству омонимии оказывается подобием китайского (так, у Вальде — Покорного тринадцать корней *wer*-!). Советский представитель А. Феоктистов доложил о проблемах этимологии словарного состава мордовских языков в связи с создаваемым сейчас «Этимологическим словарем мордовских языков» (совместное советско-венгерское предприятие). Л. Хадрович опубликовал «Этимологические проблемы венгерско-славянских языковых контактов» (стр. 111 и сл.) — тема, традиционная для классического венгерского языкознания. Отметим доклад о проблемах реконструкции праязыка (Л. Хонти). Разумеется, в ряде докладов нашла должное отражение проблематика двух крупнейших произведений современной венгерской этимологии — «Финноугорские элементы венгерской лексики» и «Историко-этимологический словарь венгерского языка».

«Принципам и практике издания финского этимологического словаря» посвящен доклад одного из ведущих финских ученых в этой области А. Йоки. Он описывает, как этот словарь, близкий сейчас к завершению (часть V — в 1975 г.), постепенно развивался от первоначальной краткости к все более полному учету диалектной лексики. Автор справедливо упрекает большинство существующих этимологических словарей в явно недостаточном отражении народной лексики. Это относится, напр., к известному словарю Клюге. Относительно много диалектных слов в словаре Фасмера. Совершенствование принципов издания многотомного словаря, выходящего в продолжение ряда лет, имеет свои проблемы. Теперь финским этимологам ясно, что придётся вновь переделывать ранее опубликованное начало. «А бывает ли вообще какой-нибудь этимологический словарь или любой словарь живого языка когда-нибудь «окончательно» готов и завершен?» — спрашивает умудренный опытом автор (стр. 161).

О народной этимологии докладывал Б. Калман. Он видит ее основу не только в наивном осмыслении, но также и в сознательной игре слов (стр. 169). Тонкий сравнительный анализ функционально близких вспомогательных слов венг. *valaki* — слвц. *vol'áky* предложил Ф. Копечный (стр. 175 и сл.). Видный венгерский ученый Дь. Лако, говоря о принципах исследования финноугорского слоя венгерской лексики, справедливо выделил общепознавательную силу этимологии (стр. 188).

Этимология была рассмотрена на этой конференции во всех мыслимых аспектах (этимология и этнография, этимология и археология, этимология и статистика. . .). Несколько особняком — по материалу — стоит доклад Дж. Б. Пеллегрини об этимологических исследованиях в Италии (стр. 243 и сл.), информативный в ряде отношений (кажется, именно итальянцы больше других написали книг о проблемах и сущности этимологии, ср. работы В. Бертольди, Дж. Алессио, В. Пизани, упоминаемые у Пеллегрини). Отметим про себя признание автора, что модные лингвистические течения не повлияли сколько-нибудь заметно на этимологию (стр. 247).

На этой конференции, не случайно проводившейся в одной из финноугорских столиц, неоднократно звучала гордость за то уважаемое, центральное положение, которое с самого начала и до сих пор сохраняет этимология в финноугорском языкознании.

О. Н. Трубачев

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. т. I—II, М.—Л., 1958, 1973.
Ачарян II	Р. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. II. Изд. 2. Ереван, 1973.
Байкоў — Некрашэвіч	М. Байкоў и С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925.
БД	Българска диалектология, I—VII. София, 1962—1974.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Св. I—X, София, 1962—1974.
Бернштейн	С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. Изд. 2. М., 1975.
Білецький-Носенко	П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966.
Богораз	В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. Сб. ОРЯС 68, № 4, 1901.
БТР	Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955.
Бялькевіч	І. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Минск, 1970.
Варшавский словарь	I. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов	Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Верхратський	І. Верхратський. Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів. В. Словарець. «Записки Наукового товариства імени Шевченка», Львів, 1899.
Гарэцкі	М. Гарэцкі. Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Менск, 1925.
Герасимов	М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910.
Геров	Н. Геров. Рѣчникъ на българский языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904.
Говоры Прибалтики	В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Горяев	Н. Горяев. Этимологический словарь русского языка, 2 изд. Тифлис, 1896.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль[2]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 2. М., 1880—1882 (1955).
Даль[3]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 3. М., 1903—1909.
Даль[4]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд., 4. М., 1912.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района, Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Диттель	Диттель. Сборник рязанских областных слов. ЖСт, год 8, вып. II. СПб., 1898.

Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Доп(олнение) к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Древнетюркский словарь	Древнетюркский словарь. Под ред. В. М. Неделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака, Л., 1969.
Дювернуа	А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, I—IX. М., 1885—1889.
Елезовић	Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта, I—II. Београд, 1932—1935.
Желеховский	Е. Желеховский. Малоруско-німецкий словар I. Львів, 1882.
Иванова. Подмоск.	А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
И-С	Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963.
Караџић	Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека БАС	Картотека Словаря современного литературного языка (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР)
Картотека ДРС	Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР, Москва)
Картотека СДР	Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Институт русского языка АН СССР, Москва)
Касьяровіч	М. І. Касьяровіч. Віцебскі краёвы слоўнік (матер'ялы). Под рэд. М. Я. Байкова й праф. Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск, 1927.
Конески	Б. Конески. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Кочин	Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лексика Полесья	Сб. «Лексика Полесья». М., 1968.
Лекс. атлас Правобережного Полісся	Н. В. Никончук. Лексични атлас Правобережного Полісся (рукопись)
Магницкий. Уржум.	Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии. Сборник областных слов и выражений В. А. Магницкого. Казань, 1885.
Маштаков	П. Л. Маштаков. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Младенов. Видинско	М. С. Младенов. Говорът на Ново село, Видинско. София, 1969.
Мука	Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка, I—II. Пг., 1921—1928.
Онышкевич	И. О. Онышкевич. Словарь бойковского диалекта. Сб. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Поликарпов	Ф. П. Поликарпов. Лексикон треязычный. М., 1704.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914. Окончание — «Труды ИРЯ», I. М., 1949.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей, 1—15. М., 1962—1965.
РБЕ	Речник на съвременния български книжовен език. Главен редактор акад. Ст. Романски. Св. I—XIV. София, 1954—1959.
РСА	Речник српскохрватског книжевног и народног езика. Београд, I—VIII, 1959—1973.
Словарь Оби	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, I—III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение I часть, 1975, II часть, 1976.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II. Свердловск, 1964, 1971.
Соликам. словарь	О. П. Беляева. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
Сцяшковіч	Т. Ф. Сцяшковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Толстой[1]	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
Толстой[3]	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. Изд., 3, М., 1970.
Трофимович	К. К. Трофимович. Верхнелужицко-русский словарь. М.—Бауцен, 1974.
Укр.-рос. словник	Українсько-російський словник. Головний редактор І. М. Кириченко. т. І. Київ, 1953.
Фасмер	М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. I—IV. М., 1964—1973.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина, I—XI, Л., 1966—1975.
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков. Под редакцией О. Н. Трубачева, вып. 1—4 —. М., 1974—.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A — morъ. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj. Eseji.	F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927
Būga I—III	K. Būga. Rinktiniai raštai. Vilnius, I, 1958, II, 1959, III, 1962.
Buck	C. D. Buck. A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. Chicago, 1949.
Dauzat	A. Dauzat. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.
Chantraine	P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1—2. Paris, 1968.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—22—. Heidelberg, 1954—1970—.
Gebauer	I. Gebauer. Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916 (1970).
Holub — Kopečný	I. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Iveković — Broz	F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. I—II. Zagreb, 1901.

Jungmann	I. Jungmann. Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Kluge — Götze	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.
Kott	F. St. Kott. Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Linde	S. Linde. Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.
Lorentz Sl. Wb.	Fr. Lorentz. Slovinzisches Wörterbuch, I—II. St. Petersburg, 1908, 1912.
Machek[1]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek[2]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.
Mayrhofer	M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—25. Heidelberg, 1953—1974.
Miklosich	F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP	F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Mühlenbach— Endzelin	K. Mühlenbach. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, I—XLV, Rīga, 1923—1932.
Niedermann— Senn — Brender — Salys	M. Niedermann, A. Senn, F. Brender, A. Salys. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, I (1932), II (1951), III (1957), IV—V (1960—1967). Heidelberg.
Pfuhl	Dr. Pfuhl. Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik	M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1894.
Räsänen	M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.
RIA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XXIII—. Zagreb, 1880—1973—.
Rost	P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.
Skok	P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—IV. Zagreb, 1971—1974.
Sławski	F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, 1—22—. Kraków, 1953—1976.
Słownik prasłowiański	Słownik prasłowiański. Pod redakcją F. Sławskiego. I—II—. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1974, 1976—.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied, I—VI. Bratislava, 1959—1968.
SSKJ	Slovar slovenskega knjižnega jezika, I—II—. Ljubljana, 1970—1975—.
Sł. stpol.	Słownik staropolski, t. I—. Warszawa, 1953—.
Sychta	B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. I—VII. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1976.
Šašel	I. Šašelj. Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada, I. Ljubljana, 1906.
Walde — Pokorny	A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny, I—III. Berlin—Leipzig, 1927—1932.
ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖСт	Живая Старина
ЗКВ	Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН

Изв. ОЛЯ	Известия Отделения литературы и языка АН СССР
Изв. ОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности
JФ	Јужнословенски Филолог
MJ	Македонски јазик
РФВ	Русский Филологический Вестник
Сб. НУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
СЕЗб	Српски етнографски зборник
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AS	Anatolian Studies
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
IF	Indogermanische Forschungen
JAOS	Journal of the American Oriental Society
JCS	Journal of Cuneiform Studies
JKF	Jahrbuch für kleinasiatische Forschung
LP	Lingua Posnaniensis
MPKJ	Materiały i Prace Komisije językoznawczej
OLZ	Orientalistische Literaturzeitung
PF	Prace Filologiczne
RA	Revue d'assyriologie et d'archeologie orientale
SaPL	Studie a práce linguistické
SR	Slavistična Revija
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

авест.	авестийский
алб.	албанский
англ.	английский
англосакс.	англосакский
апулийск.	апулийский
араб.	арабский
арам.	арамейский
аркад.	аркадский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
астрах.	астраханский
барт.	бартангский
блр.	белорусский
бойк.	бойковский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
брян.	брянский
булг.	булгарский
бур.	бурушаски
вахан.	ваханский
венг.	венгерский
вепс.	вепсский
верш.	вершикский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.-болг.	восточноболгарский
вост.-ляшск.	восточноляшский
вытегор.	вытегорский
гагауз.	гагаузский
ганац.	ганацкий
голл.	голландский
гот.	готский
греч.	греческий
дат.	датский
донск.	донской
дорич.	дорический
др.-англ.	древнеанглийский
др.-арм.	древнеармянский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-герм.	древнегерманский
др.-греч.	древнегреческий
др.-датск.	древнедатский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-иран.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-русск.	древнерусский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-фриг.	древнефригийский
др.-чеш.	древнечешский
евр.	еврейский
жемайт.	жемайтский
забайкал.	забайкальский
заонеж.	заонежский
зап.-словин.	западнословинский
и.-е.	индоевропейский
ион.	ионический
ирл.	ирландский
ит.	итальянский
ишкашим.	ишкашимский
кайк.	кайкавский

калм.	калмыкский
калуж.	калужский
капп.	каппадокийский
каргоп.	каргопольский
карпатоукр.	карпатоукраинский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кимр.	кимрский
кипр.	кипрский
кирг.	киргизский
костр.	костромской
красноуф.	красноуфимский
крит.	критский
кубан.	кубанский
курск.	курский
лакед.	лакедийский
лат.	латинский
лесб.	лесбийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
макед.	македонский
мессап.	мессапский
микен.	микенский
молд.	молдавский
монг.	монгольский
морав.	моравский
мундж.	мунджанский
надсанск.	надсанский
н.-греч.	новогреческий
нем.	немецкий
нерчин.	нерчинский
нижег.	нижегородский
ниж.-ит.	нижнеитальянский
н.-луж.	нижнелужицкий
нов.-в.-нем.	нововерхненемецкий
новг.	новгородский
новорос.	новороссийский
норв.	норвежский
н.-перс.	новоперсидский
о.-слав.	общеславянский
олонец.	олонецкий
онеж.	онежский
орл.	орловский
орош.	орошорский
осет.	осетинский
оск.	оскский
осташ.	осташковский
п.-греч.	позднегреческий
перм.	пермский
перс.	персидский
петрозав.	петрозаводский
пехл.	пехлевийский
полаб.	полабский
полесск.	полесский
польск.	польский
понт.	понтийский диалект греческого языка
праслав.	праславянский
прибалт.	прибалтийский
псков.	псковский
роман.	романский
ростов.	ростовский
рум.	румынский
русин.	русинский
русск.	русский
руш.	рушанский
ряз.	рязанский
сангл.	сангличи
санскр.	санскрит
сар.	сарыкольский
сев.-морав.	северноморавский
серб.	сербский
сербск.-цслав.	сербскоцерковнославянский
сиб.	сибирский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
согд.	согдийский
ср.-греч.	среднегреческий
среднеопав.	среднеопавский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ст.-слав.	старославянский
ст.-фриз.	старофризский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
сумск.	сумской
татар.	татарский
тадж.	таджикский
твер.	тверской
тульск.	тульский
тур.	турецкий
тюрк.	тюркский
узб.	узбекский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
уржум.	уржумский
фессал.	фессалийский
фин.	финский
фрак.	фракийский
хатт.	хаттский
хетт.	хеттский
хурр.	хурритский
хуф.	хуфский
ц.-слав.	церковнославянский
челяб.	челябинский
череп.	череповецкий
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
швед.	шведский
шток.	штокавский
шугн.	шугнанский
эол.	эолийский
язг.	язгулямский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ